

16+

А. В. ПИТАТЕЛЕВ

КАНДАГАРСКАЯ БРИГАДА

А. В. Питателев

Кандагарская бригада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50147094

SelfPub; 2020

Аннотация

Это книга о войне Советских войск в Афганистане, боях-буднях офицеров и солдат знаменитой Кандагарской бригады. В сущности все войны одинаковы, как внутри, так и внешне: красивые лозунги, призывы и наряду с ним кровь и смерть. Почти все в ней подлинное: факты, сцены, но все фамилии изменены, совпадения прошу считать чисто случайными. В ней использованы стихи, высказывания О. Хайяма, В. Морозова, А. Маклина, В. Пикуля и многих других известных людей, а также наши «афганские» песни.

«Память о тех, кто ушел,
чтобы мы остались, – священна...»

Юлиан Семенов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прочитайте, пожалуйста. Оно короткое.

Эта книга про «необъявленную афганскую» войну. Война— тяжелая штука! Па войне часто приходится пить воду из рек, окрашенных кровью, переходить реки по мостам из трупов, терять лучших друзей и соратников, есть траву вместо хлеба...

Это все – война. И не важно, где она. в какой стране или в каком веке происходит. Но все же слава воинская не достается без пота и крови, без гибели друзей, без риска, тягот и мучительного труда. Один окоп что стоит выкопать? А могилу?

Смерть... Что смерть? Она закон природы и великое таинство. Она уравнивает всех: Александра Македонского и простого пастуха или дворника. А ныне ушедшие в забвение политики? Горби, например? Это он объявил «примирение». Какое там примирение?! После указа об одностороннем перемирии блокпосты афганской армии расстреливали на глазах солдат Советской армии. Что это— примирение или предательство? Но солдаты и офицеры сороковой армии воевали как могли.

Трусость никого еще не спасала от смерти. И это они зна-

ли. Страшна не смерть, так как всякий человек смертен. Правильно сказал Марк Твен, автор «Тома Сойера»: «Давайте жить так, чтобы даже гробовщик оплакивал нашу кончину».

Попасть на эту войну... Что это? Судьба? Пет, наверное. Вспоминаются слова Шопенгауэра: «То, что любимыми принято называть судьбой, является, в сущности, лишь совокупностью учиненных ими глупостей». Так было и с персонажем этой книги Андреевым, да и со многими другими. Хотя присяга, обязывающая служить Родине, отдать свой долг, в том числе и интернациональный, приказывает каждому солдату.

Прошло более пятнадцати лет, а в памяти все живо: погибшие друзья да просто— все наши солдаты. Эти воспоминания не дают уснуть. В память обо всех погибших в Афганистане я написал эту книгу.

Автор

Первая глава

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Как давно это было. У майора в отставке Андреева до настоящего времени все стоит перед глазами, как будто это было вчера. Нет, как будто киноплёнку прокручивают. Он не может смотреть фильмы про Афган, свои же фотографии, из которых на него смотрит молодой лейтенант. Стоит закрыть глаза – и все возвращается. Начался Афган за год до окон-

чания училища. Андреев, Кубанов, Алиев. Зинченко сидели в садике, пили молоко. Не подумайте ничего плохого, на самом деле молоко. Курсантам всегда хотелось есть. Сквозь дырки в заборе (красивый такой, каменный) вдруг видят – «Фужер», т.е. Сашка Горшков, 1981 года выпуска. «Алла, иштиир сан? Санька, ты ли это? – заорали все. – Перелазь».

– Неудобно, все-таки офицер.

– Да брось, на улице никого нет.

В конечном итоге, сели в садике, разговор о том, о сем. А он весь смуглый, волосы белые, то ли выгорел, то ли поседел. Говорит мало и вообще какой-то не такой, замкнутый. А ведь был Сашка – оторви и выбрось, кровь с молоком. Договорились встретиться вечером.

После третьей, за погибших, он разговорился. Оказывается в Афгане-то война! Рассказал, как погиб его однокурсник – Мамедов Алик. В ответ – тишина. Вроде все поняли, но принять и поверить никак не могли, ведь погиб один из своих. Сидели недолго, разошлись все в раздумьях. Сашка был где-то в облаках, дела училища его не интересовали, женщины тоже. Странно. Так впервые в душу Андрееву запала мысль про Афган. Захотелось себя проверить.

Прошел год. Сдали три государственных экзамена из четырех. Перед последним около сорока выпускников, претендующих на золотую медаль, вызвал начальник училища генерал-майор Баршадлы В.Э.

– Вы все будущие медалисты. Есть пожелание командо-

вания оставить вас для дальнейшего прохождения службы в Закавказском военном округе.

Двадцать курсантов тут же отказались. Результат – на последнем госэкзамене все получили «четыре» балла. И черт с ним. Зато совесть чиста. Как-то в свободное время все двадцать собрались, обговорили и решили – поедем в Афганистан.

Подали рапорта. С каждым, естественно, была проведена беседа (а не дурак ли ты. что туда едешь? Может, останешься?) Нет, все настояли на своем. Потом – отпуск тридцать дней и возвращение в родные стены училища.

Приехали в БВОКУ (Бакинское высшее общевойсковое командное училище) в конце августа получать документы, загранпаспорта. Самое интересное, что паспорта давали новенькие, только что вышедшие из канцелярий бюрократии «служебные паспорта» синего цвета, когда все выезжающие за границу получали старые – красные, общегражданские.

Два дня до парома. В кармане вроде еще деньги водились. Остановился Андреев у родителей своего друга Виктора Бало. Виктор в это время был уже на пути к месту назначения. Позвонил наугад «маме» Зое, матери своего друга Сергея Шабаянца (по прозвищу «Шабик») и попал в точку. Серега еще не уехал в свое Забайкалье (ЗабВО – забудь вернуться обратно).

Встретились, оба без ума от радости, решили съездить на пляж. Наташка, сестра Виктора, взяла с собой подруж-

ку Юлю. Да! У Андреева с Шабаянцем челюсти отвисли: небольшого роста, каштановые волосы, глаза как у газели, добрые, глубокие, словно озерца, высокая грудь, ровные ножки. В общем, все при всем. Кроме того, спортсменка – прыгунья в воду. На сборы пара минут – и вперед.

* * *

Песчаный пляж, палатки с мороженым, напитками, теплое затуманенное море. К горизонту переходящие в синь – белые барашки облаков, вдали белые пароходы, крики чаек, а сзади скалистый отрог. Красиво. Разделись – и в воду.

Сначала, после того как поплавали, начали дурачиться – «томить»* друг друга, потом стали подкидывать один другого вверх для прыжка в воду.

Юля, а ты что ж не прыгаешь? – крикнул Шабик. – Покажи класс!

Давай тебя подкинем, – поддержал Андреев.

Вы и так хорошо прыгаете, – ответила Юля.

У тебя ж все равно купальник закрытый, не слетит.

А вы хотите, чтобы трусики при прыжке слетели?

В ответ дружный хохот. Да, востра, востра на язык.

После купания, загорания и прочих прелестей, включая мороженое, стали собираться домой. Хорошего, говорят, понемножку, а то слишком сладко станет.

Можно, я вас провожу? Все равно по дороге, – сказал Андреев.

Спасибо, – с иронией в голосе ответила Юля.

Андрееву и так стало ясно, что он ей не нравится, но ничего поделать не может. Стесняется, черт возьми. Ну и ладно. Ну и проводил. Долго о чем-то разговаривали, хотелось просто обнять, ведь он уезжал на войну, но не мог. Да, наверное, это и не нужно. Зачем? Если бы девчонка захотела, она сама бы дала понять – обнимать или нет. Как однажды сказал Валентин Пикуль, «иногда лучше желать женщину, нежели ею владеть».

Наутро – в училище. Построение. Всего было двадцать человек; как тогда говорили, направлялись южнее Кушки. Дальше все сумбурно: получение документов (загранпаспортов, командировочных предписаний), денег и т.д. После окончания училища тех, кто едет в Афганистан, заинструктировали до слез: «Никому... Ничего...». Ну, они и молчали. А толку? Все равно все известно.

Что сказать? Молодых офицеров двигал патриотизм плюс романтика. Ведь чему учат офицеров? ВОЕВАТЬ. Уметь самому и учить других. Только позже, гораздо позже, а по времени совсем немного, они поняли. Правило войны простое – если не ты его, то он тебя.

Билеты были уже куплены, родственники – оповещены. Что ж, вперед! Паром от Бакинского морского вокзала ждет. Выпили в морском ресторане, вышли на набережную, долго ждали посадки. Шурик Хузиахметов запел: «Снег кружится, летает, летает и позёмкою кружа... Заметает, зима заметает все, что было до тебя...». Очень красиво он пел и играл на

гитаре. Запомните это имя. Он за месяц до командировки в ДРА женился.

Пошли по трапу, а он, зараза, прогибается. Правильно прогибается. Этих дураков надо было скинуть в Каспий, освежиться. Едут на войну и не знают, что парадная и повседневная форма одежды не нужны. Набили чемоданы. Что ж, ума нет, так как зовут? Тут не только трап прогнется, самолет упадет.

Наверное, в то время почти никто из вышестоящих начальников не знал, что Афган – это другая война, и им придется учиться заново, на своей крови. А они, дураки, несли в чемоданах и ту, и другую форму одежды.

Расселись по купе, как водится, раскрыли бутылки. Благо, родственники натолкали в чемоданы домашних курочек и прочей снеди. Ну, поехали, т.с. поплыли. В связи с отсутствием сознания (и почему бы это?) офицеры не слышали, что был шторм. Вы знаете, даже на Каспии они бывают. Кто-то к кому-то приставал, кому-то из «рыцарей дам» набили морду (наверное, зря). В подавляющем большинстве все эти офицеры были людьми холостыми. Почему бы не ухлестнуть за симпатичной девушкой? Но дамы их все равно не интересовали, даже красивые. Их интерес состоял только в том, чтобы отдать дань уважения женщине. Выпускники Бакинского высшего общевойскового командного училища всегда и во всем следуют кавказскому закону. И гордились этим. Женщина – это идеал. А вообще-то нужно следовать Алек-

сандру Дюма, который писал: «Женщину нужно всегда ставить на то место, на котором хочешь ее видеть». Думаю, что и это правильно. Именно поэтому мужчины становятся сильнее, добрее, великодушнее. Ну, ладно. Вес это демагогия. Андреев был солдатом и должен выполнить свой долг.

Ночью он вышел на палубу: черная вода, черное небо, яркие звезды и на горизонте МАРС – бог войны. Свежий ветер, какой-то запах от воды – одновременно терпкий и освежающий. Да какой там к черту сон? Очень красиво!

Куда ехать, зачем? Однако слово дано. Обратного не повернешь, лучше застрелиться. Этот путь до Кабула был романтическим. Мальчишки мечтали о подвигах, славе, ведь у них вся жизнь впереди. «Надежды юношей питают», – сказал один из великих поэтов.

Прибыли они в Красноводск, сгрузились. Перекусили в буфете морского вокзала. Вчерашние выпускники Бакинского училища – люди неприхотливые. Их хоть чем накорми, можно даже осетрами. Накупили харчей на двое суток и «горячительного». Сели в поезд, поехали в Ташкент. Шурик Хузиахметов запел. У него хороший голос, задушевный:

Петь у нас в песках Азербайджана училище пехотное, друзья,

Здесь маленькие мальчики тренируют пальчики.
чтобы крепла Родина моя.

Алые погоны, без пуговиц кальсоны, по три килограмма сапоги

Вещмешок да скатка, рваная палатка, шелестят от холода мозги.

Потом запели другие песни: «Наверх вы, товарищи, псе по местам, последний парад наступает. Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...» В конечном итоге всех свалил сон. Утром – Ашхабад.

Красивый перрон, здание вокзала, все ослепительно белое и ЖАРА, хоть голыми ходи. Но вы же знаете: офицер всегда должен быть в форме – до синевы выбрит и чуточку пьян. Так и мы. Вдруг Зиня:

– Смотрите, нас наши встречают!

Всей толпой вывалили на перрон. Действительно, наши. Объятыя, поцелуи. Действительно, радостная встреча. Вдруг Андреев увидел Вовку Иванова. Шесть лет они учились в одном взводе, роте: два года в Казанском СВУ – в одном взводе, четыре года в БВОКУ – в одной роте. Молча обнялись, говорить было не о чем: и так все ясно. Судьба на этот раз разбросала: Вовка попал в учебную дивизию в Ашхабад, Андреев – в Афган, хотя для него тогда это было что-то непонятное. Про войну читал в книжках, но такой не ожидал.

Все вдруг дружно закурили. По курсантовским понятиям это был признак мужества. Откуда-то появилась бутылка водки. По глотку. Свисток «паровоза» – и снова в путь. Где он сейчас? Вовка Иванов. Известно, что жив, – это главное. Ну, про него история отдельная. Зазря в те годы ордена Ленина не давали, хотя...

Все, едут. Как обычно, сбились в одном купе, накрыли стол. Шурик взял гитару, выпили. И вот теперь осознали, что возврата к юности уже не будет, никогда. Какое это страшное слово – никогда.

Стою один среди равнины голой.
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о ЮНОСТИ веселой.
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Пели грустные песни, но потом молодость взяла свое, тем более «горячительное*» подогрело. Каждый старался петь в полную силу своих легких. Если учесть, что больше половины из них не имело слуха, то представьте, какой получился диссонанс.

Когда запели «Мурку», заглянул начальник поезда:

Ребята, что вы делаете? Как вам не стыдно? В первом купе мать везет гроб со своим сыном, погибшим в Афганистане.

Мгновенно наступила тишина. Офицеры не знали, куда девать руки, глаза, хоть провались на месте. Вдруг раздался женский голос:

Не надо. Пусть поют. Они ведь тоже туда едут. Живым – живое, а сына мне все равно никто не вернет. Сыночки, вернитесь живыми, – это сказала мать того солдата, которого везли в гробу в первом купе.

Нам было стыдно смотреть друг другу в глаза. Молча разбрелись спать, только каждый слушал, как стучат колеса но

рельсам, отсчитывая время.

Утро. За окном выжженная земля, арыки, кое-где виноградники, гранатовые сады, глинобитные домишки и жара. Скоро Ташкент.

Ну, вот и приехали. Выходи строиться, – скомандовал Кузьмин.

Раздался дружный хохот, в колонну по одному двинулись на перрон. Вышли, подождали, пока рассосется народ, выслали разведчиков. Те по прибытии доложили, что самая дешевая гостиница – это КЭЧ гарнизона. Поехали туда. Приняли там ласково – расселили. Туг уже и вечер. Собрались во дворе, решили навестить ресторан «Россия», благо он был в двух шагах. Кормят там плохо, лучше пойти в занюханную «лагнанную», но зато вино отменное. Подали жаркое. Тут Витя Казаченко толкает в бок:

Смотри, они, наверное, оттуда.

За соседним столиком сидели капитан и прапорщик, оба в полевой форме, худые и черные от загара (хотя черт его знает, может, и от копоты войны). Сказали ребятам, Зиня пошел. О чем он там говорил, не было слышно из-за восточной музыки, которую наигрывал вокально-инструментальный ансамбль. Хорошо играли и пели. Вообще, мелодии Кавказа, Средней Азии своеобразны., красивы. Просто их нужно понять, проникнуться их глубоким содержанием. Как их музыка, так и стихи глубоко трогают душу человека, независимо оттого, какой бы он ни был национальности.

Океан, состоящий на капель велик
Из песчинок слагается материк.
Твой приход и уход никому не заметен —
Просто муха в окно залетела на миг.

Четверостишие, а какой глубокий смысл. И это было написано в XIII веке!!! Но им тогда было по двадцать лет, и они еще не задумывались о смысле жизни. Казалось, что жизнь никогда не кончится.

Сергея Зинченко, калининский кадет, всегда умел разговаривать с людьми. Капитан (Олег) и прапорщик (Валера) пересели к ним за столик. Оказалось, что они только что «оттуда» и едут в отпуск. Тут, естественно, посыпался град вопросов. Ответов почти не было. Так, односложные междометия. Когда палили третью, Олег встал. Молодые офицеры уже знали, что такое третий тост. Все дружно встали, молча выпили. Андреев еще тогда обратил внимание, что Олег, перед тем как выпить, капельку отлил на стол. После вопросительных взглядов Олег сказал, что этот тост и эта капля тем и за тех, кого с нами нет. Посмотрев на Андреев», Олег понял, что он еще просто молокосос, который не перенес тех испытаний, какие пришлось на их долю. И он просто по-доброму улыбнулся, как бы говоря: «Все у тебя еще впереди – и гибель друзей, и испытания страхом».

Потом пили за родителей, потом еще за что-то, рассказы-

вали им новости о «Союзе». Они травили байки про Афган. Все было весело и непринужденно. Так все вместе они и отправились в гостиницу КЭЧ. Несмотря на то, что гостиница была переполнена, «афганцам» мгновенно нашли два места. Утром к девяти вся группа молодых офицеров направилась в штаб ТуркВО. Несмотря на утро, температура была уже за 30 градусов Цельсия. Они сняли галстуки и подошли к бюро пропусков. «БВО-керы*» всегда были самыми «борзыми*» выпускниками военных училищ и наравне с этим самыми жизнеспособными боевыми офицерами Вооруженных Сил СССР.

Какой-то прапорщик из комендантской роты попытался сделать замечание по поводу отсутствия галстуков. Что ж, бедняга, жаль его, пришлось построить его в две шеренги, как этому учили в училище. Так они и вошли в «святая святых» – штаб ТуркВО. Тут, конечно, было все по-другому, даже смешно. Бегают туда-сюда майор, подполковники, как в полку солдаты – посыльные. На них ноль внимания.

Встретил молодых офицеров подполковник, весь отутюженный, холеный, как потом выяснилось, из политотдела. Конечно же, их внешний вид ему не понравился: не глаженные брюки, рубашки (это после поезда), без галстуков. Сделав недовольное лицо, он пригласил в какой-то зал для совещаний. Затем, меняя друг друга, рассказывали офицеры округа, что это за страна – Афганистан: немножко истории, проживающие там национальности, про победу революции

под руководством НДПА, хотя о многом умолчали. Пришлось самим докапываться до истины.

Например, в НДПА есть два враждующих течения – «хальк» и «парчам», кроме них существует еще около пятнадцати партий (их называли бандформированиями), нейтральную роль играют пуштунские племена, на нашей стороне воюют племена белуджей и другие. За это познание истины многие наши ребята заплатили своими жизнями.

Кроме выпускников-БВО-керов на этих лекциях присутствовали и другие молодые офицеры разных родов войск. Закончилась болтовня, и всех стали по одному вызывать к какому-то начальнику в звании полковника. Обычная бюрократическая процедура. Задали всего один вопрос: «Желаете ли добровольно поехать в ДРА?» Наверное, у всех, как и у Андреева, были удивленные лица. Ведь все ещё в училище рапорта писали. Вышел от этого полковника лейтенант-танкист. Голова опущена, кислая мина на лице. Похоже, даже ростом стал меньше.

– Что случилось? – спросил Зиня.

– Не берут. Говорят, танкистов пока не надо, предложили в город Чирчик на танкоремонтный завод военным представителем, – чуть не плача, сказал лейтенант.

Тут раздался хор голосов: «Дурак, тебе же повезло». Он ничего не ответил, просто отошел в сторону.

Вручили служебные паспорта с открытыми визами, командировочные удостоверения и, как водится, пожелали

добрého пути. Туда! А обратно?

– Скорей бы, – с чувством нетерпения сказал Шурик.

Как бы в поддержку его вес дружно вздохнули и пошли на выход из столь «благожелательного заведения». На улице всех охватило необузданное веселье: смех, анекдоты. Кто-то предложил зайти в «лагманную», отметить столь «важное» событие, и все дружно бросились вперед. Никто тогда не знал, что это слово – команда «вперед» – долго будет произноситься каждым из них, да и, наверное, оставшиеся в живых до сих пор его произносят. Дело шло к вечеру. По прибытии в гостиницу собрали свои пожитки, выпили в буфете по стакану сухого вина и легли спать.

В пять утра – подъем, сборы; поехали на «пересылку», то бишь на пересыльный пункт. Оказалось, что зря тащились с чемоданами. Самолет на Кабул только завтра. Куда деваться? Переночевали на «пересылке». На следующий день в шесть утра автобус довез их до военного аэродрома «Восточный», где ждал ИЛ- 18, самолёт-«отпускник». Но быстро только в сказке сказывается, а на деле... Таможенный досмотр, куда стояла огромная очередь. На молодежь особого внимания не обращали. Обычные стандартные вопросы, штампик в паспорте, «предбанник» (огражденное проволокой помещение) и мягкое место в самолете. Взлет. Почему-то всем стало грустно. Каждый из них первый раз в жизни покидал Родину. О смерти, ранениях тогда никто еще не думал. Но в тот момент оборвалась связующая ниточка с домом. Минут

через двадцать второй пилот объявил: «Пролетаем государственную границу СССР». Так 8 сентября 1982 года впервые в жизни Андреев оказался на территории другого государства, где шла война...

Кабул. Долетели – не заметили. Находится он как бы в большом котловане. Чтобы не быть сбитыми зенитной ракетой, при заходе на взлетно-посадочную полосу самолет резко ухнул вниз. Еще пара минут – и «отпускник» вырулил на стоянку. Все, кто из отпуска, командировки, вышли и пошли каждый своим путем. Начали спускаться и остальные. Какой-то офицер около трапа все время выкрикивал: «Кто первый раз в Афган, пройти к автомашине ЗИЛ – 131!» При выходе мгновенно обдало жаром, как будто зашли в русскую баню. Сразу все стало липким. Напротив было здание гражданского аэропорта «Кабул». Довольно красивое, с орнаментом в восточном стиле. На ВПП* в основном наши солдаты и офицеры. Возле здания аэропорта – шаровары, рубахи до колен, чалмы и бороды. Полоса постоянно занята: то взлетают «вертушки*», то садятся наши бомбардировщики, изредка гражданские самолеты. Как мы потом узнали, шла операция по уничтожению бандформирований Ахмад Шаха в ущелье Пандшер, потому и была такая суматоха.

Сели в кузов «ЗИЛка», поехали. Тут впервые Андреева охватила мысль: «А может, зря я сюда приехал?» Жара, пыль, тряска – для «БВО-керов» это нормально. В Баку, в сущности, то же самое. Подъехали к огражденному колю-

чей проволокой палаточному городку. Это была «пересылка» в Кабуле. Сдали командировочные удостоверения. Обед, если это можно назвать обедом (бурдамага плюс клей из лапши, хотя позже и этому были разы). Стали ждать назначения в часть. На следующий день у половины живущих на «пересылке» объявилась болезнь «длинные ноги», выражаясь медицинским термином – жидкий стул. Вино было выпито, но водку никто не трогал. Им объяснили популярно, что один литр водки каждый из них должен поставить тому, кого он заменяет («заменщику»). Поползли слухи, что если коменданту «пересылки» дать бутылку водки, то он может пристроить в более или менее спокойное место.

– Да пошел он!.. – заорал Леха Васюк. – Прижился здесь, крыса тыловая. Наверное, крыса бы обиделась за такое сравнение. Все логично и обоснованно: кому война, а кому и мать родная. С давних пор в русской армии присутствовали подобные явления, и эта война не исключение.

После обеда всем объявили, кто и куда должен поехать. Семь человек из нашего училища – Витя Казаченко, Сергей Зинченко, Казьмин, Шурик Хузиахмстов, Леха Васюк, Сергей Антонов ну, и, собственно, Андреев плюс Толик Попов из Омского ВОКУ и один лейтенант-связист – были назначены в 70-ю отдельную гвардейскую орденов Кутузова и Б.Хмельницкого II степени, Краснознаменную мотострелковую бригаду, город Кандагар.

Из истории известно, что основал его, как Александрию

XVI Арахозийскую, покоритель персов Александр Македонский, или, как его называли в Азии. Искендер Двурогий. Двурогий за его золотой шлем с рогами барана. Впоследствии город Кандагар стал столицей огромной империи Великих Моголов во главе с шахом и одновременно, по совместительству, поэтом Бобуром. В середине XIX века, когда власть англичан в Индии приходила к упадку, провинция Кандагар объявила независимость. Англичане послали туда сорокатысячный карательный корпус, от которого воинственные племена пуштунов и белуджей оставили в живых только три человека. Племена, живущие на этой земле – прирожденные воины. В семь лет мальчику вручалось его личное оружие. Даже женщины умели воевать не хуже мужчин, в чем мы сами убедились. Впрочем, Андреев не был историком, в чем-то и мог ошибаться. Да и вообще, вся эта война ему виделась с «огромной» высоты должности – командира взвода. Его дело было воевать и учить других этому.

Два дня бегали вдоль всей ВПП на стоянке самолетов. Как только экипаж подходит к какому-нибудь самолету, так со своим чемоданом бегом.

Извините, вы не в Кандагар?.

На второй день стали бегать по очереди. Шурик как-то перебежал ВПП, а туг истребители взлетают. В последнюю секунду он заметил эту пару и упал на «бетонку». Самолеты буквально в одном метре пролетели над ним. Ничего, живой. Наконец нашли оказию в Кандагар, погрузились в «АН-12»

и полетели. Если перелет в Кабул сравнить с предбанником, то посадку в Кандагаре можно смело сравнить с заходом в парилку. И как тут люди живут?

Так 11 сентября 1982 года они вступили на землю провинции Кандагар, где Андрееву пришлось прослужить два года и восемь дней. Вроде немного, а для него – это целая вечность, прожитая жизнь.

На попутном БТР-е добрались до бригады. Принял их сам комбриг полковник Мещеряков. Вкратце объяснил, чем занимается бригада, расписал в цветах и красках возможную будущую карьеру и тут же всех распределил. Все, за исключением Попова, пошли на доукомплектование, то есть заменили убитых и тяжелораненых офицеров бригады. Четверо попали в десантно-штурмовой батальон, Андреев с Т. Поповым в третий МСБ(г). Антонов в первый мотострелковый батальон. Комбат Терехов Сан Саныч представил Андреева с Поповым офицерам батальона. Вечером, как положено, Андреев выставил офицерам восьмой роты свой литр. Толик попал в девятую роту. Только офицеров оказалось всего двое: командир первого взвода С.Тимошин и командир роты П.И.Алексеев – жесткий, суровый мужик, который и учил его воевать.

Глава вторая

КОМАНДИР ВЗВОДА. ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Четыре утра, еще свежо и дышится легко. Бетонка. Колонна, извиваясь, подходит к мосту через мелкую речушку. Справа – кишлак белуджей, слева – «зеленка*». На мосту – блокпост. Дальше перевал через горный хребет.

Я «85-й», прошел перевал, – доложил Андреев, идя замыкающим.

«Нулевые», «елочка», – раздалось в наушниках шлемофона.

Мгновенно стволы пулеметов развернулись: первый БТР вправо, второй влево, и так по порядку все боевые машины. Только спустились с перевала:

«Нулевые», стой!

Пошли вперед саперы со своими щупами. Едва отошли от первого БТР-а, сигналият – фугас. Потом еще и ещё. Всего семь авиабомб, закопанные на обочине со вставленными запалами. Разрядили, оттащили подальше для подрыва. С саперами остался БТР седьмой роты, а восьмая снова вперед. Вот и ООН-овский городок, который охраняет взвод из бригады Андреева. Везет же кому-то, курорт, а не война: высокие стены, как у средневековой крепости, бассейн, фрукты-овощи и другие прелести. И вот восьмая рота въезжает на улицы города Кандагара.

Окраина. Низенькие, одноэтажные, саманные домишки, окруженные высоким дувалом* «бабаи*» так и шныряют перед носом БТР-а. Выехали на их рынок, дальше район – «раз-

вашины*». О-о-о! Это отдельная, занимательная история.

* * *

Случилось это еще при комбриге полковнике Шатине:

Мы выхолом на рассвете —

С Пакистана дует ветер.

Поднимая нашу песню до небес.

Вьется пыль под сапогами.

С нами Шатин, с нами знамя

И тяжелый АКС наперевес.

Колонна из «Союза», в которой везли новенькие гаубицы Д-30 на смену М-30, почти без потерь дошла до Кандагара. Там её, как положено, встретил ЗМСБ(г), усиленный танковой ротой. Прошли «зеленку», Элеватор (есть такой на окраине город), снова «зеленка», черная площадь, площадь с «пушками», скоро рынок. И тут залп, второй, пулеметные очереди, очереди из ППШ, как будто лопаются пузыри, треск АКМ и еще черт знает что. Горит та часть колонны, которая везла гаубицы. Пехота мгновенно рассыпалась, начала обходить с флангов. Тут с высоты минарета* полетели гранаты, раздались очереди. Все! Это была последняя капля терпения. Бойцы просто озверели. Мулла вдруг полетел вниз головой со своего минарета. С чего бы это? И пошла драка: нож на нож, автомат на автомат. Раздается команда: «Всем назад». К этому времени подобрали всех убитых и раненых,

колонна ушла вперед. Пехота прыгнула на боевые машины прикрытия и ушла следом.

А сзади грохот, пыль, огонь, дым, крики. Хотя кто их слышал? Это оказывается Шатин «обиделся», вывел весь артиллерийский дивизион к перевалу и «врезал» на всю мощь установками ГРАД и артиллерийскими орудиями. Результат? Получился. В вице-стольном городе Кандагар возник район «развалины». Район был уничтожен со всеми его жителями. После этого офицеры и бойцы всегда ездили на «броню», то есть сверху боевых машин. И почему «духи*» не стреляли? Как вы думаете? Похоже на тактику генерала Ермолова при покорении Кавказа. В этом бою погиб командир взвода девятой роты Александр Вехтев. Его убил снайпер. Саша не долго мучился.

* * *

«Восьмая» прошла рынок, тут по радиостанции раздастся: – «Нулевой», я «ноль-седьмой», сбили БТР-ом «бабая», кажется, насмерть, – доложил командир седьмой роты, в скором будущем Герой Советского Союза капитан Черножуков Александр.

Аллах с ним, больше под колеса лезть не будет, – ответил комбат.

Выехали на большую площадь, справа «высотные» дома, в два-три этажа. По сравнению с окраинами они действительно высотные. Слева огромный дворец из белого камня. Весь

отделанный бирюзой, малахитом, так и переливается голубыми, зелеными, белыми цветами. Высокие ворота под аркой, в восточном стиле, перед ним ухоженная лужайка, выложенные камнем дорожки, фонтаны.

Ветохин, что это? – спросил Андреев у своего замкомвзвода.

Это дворец Кара-Ханов.

Впоследствии замполит седьмой роты лейтенант Андрей Борисов (невысокий, худощавый крепыш, настолько эрудирован, что легче назвать то, чего он не знает) рассказал о нем. Да, великое прошлое было у этого города и этого дворца. А сейчас – это автовокзал.

Поворот налево и вот уже площадь с «пушками». Здесь взвод лейтенанта Андреева занял свой пост, заблокировав центральную улицу для прохода колонны. Площадь небольшая, двух-трёх-этажные дома, всюду лавки, кантины* со всякой всячиной. Народ что-то покупает, торгуется, продавцы визгливыми голосами зазывают покупателей, шныряют «бачата»*.

Командор, чарз* хочешь?

Купи, шурави*, – предлагает нам солнцезащитные очки, какой-то бабай.

Смотри-ка, не боятся нас.

Тут Андреев обратил внимание на вывеску «HONDA», написанную по-английски и арбской вязью.

Ветохин, здесь что, еще и японцы обитают?

Да, это ресторан, хозяин – японец, официантка – его дочь. Такая девочка, я вам скажу, товарищ лейтенант! – ответил сержант Ветохин.

Может, зайдем?

Что вы, еще отравит.

Так мы есть-то ничего не будем. Так посмотрим.

Пошли. Эрданаев, за старшего. Караджаев, за мной. – приказал сержант.

Поднялись на второй этаж. Небольшой, красиво отделанный зал, столики, в левом углу помост, покрытый коврами. Несколько "бабаев" пьют чай. Хозяин стоит в углу. Тут откуда ни возьмись подлетает миниатюрная девочка, по внешнему виду – это и есть дочь хозяина. Что-то залопотала, перемежая фарсидский язык с русскими словами, пригласили сесть за столик.

Ташакур, ташакур*. Времени нет, – говорит Ветохин, показывая рукой на часы.

Повернулись и пошли. Девочка с поклонами проводила до порога. Колонна уже заканчивала прохождение, настало время сворачиваться. По радио слышно, что на «черной площади» обстрел. Тронулась и восьмая рота, проскочила «черную площадь», вышла в кантинные ряды. Остановилась, пропуская седьмую роту. Дальше – «зеленка». Этот участок до Элеватора блокирует седьмая рота. Прошел час. Блокировка закончена, вроде все спокойно. Тронулись.

* * *

На Элеваторе – перекур, подтягиваются отставшие машины, седьмая, девятая роты. Дальше – участок «зеленки» восьмой роты. Мост через реку Аргандаб – «Нагаханский поворот»* – это и есть блокпост «85-го» (позывной Андреева). Постреляли для профилактики, остановились. Пехота рассыпалась по своим трем точкам, приданный танк занял свое место, бойцы минометной батареи развернули минометы. Дапыле вытянулась вся рота, заняла свои точки. Ротный на горке возле кишлака Симжарай развернул «василек*». Пока все тихо. Колонна пустых «наливников*» пошла. «Через несколько дней будут в «Союзе», хотя, может, и не все», – подумал Андреев.

* * *

Вот уже неделя, как лейтенант Андреев в Афгане, а войны и не почувствовал. Участие в сопровождении колонн через день, а то и каждый день, ни стрельбы, ни боев, даже скучно. Так

было и в тот день, ничего интересного, кроме снятия двух «фугасов». Встретили колонну из «Союза», свернулись и поехали обратным путем в бригаду. Перед подходом к картинным рядам Кандагара вдруг выстрелы из гранатомётов, «07-ой» дает целеуказания «вертушкам*». Впереди «85-го» шел «81-ый» (командир взвода старший лейтенант Тимо-

хин), выстрел из гранатомёта, вспышка – горит. Пехота посыпалась за обочину дороги, затем сразу – в БТР Андреева. Объехали горящий «81-й», залетели в кантинные ряды.

«85-й», я «нулевой».

Я «85-й».

Заблокировать кантинные ряды с обеих сторон для прохода седьмой, девятой роты и штаба батальона! – приказал комбат.

Разбежались вдоль рядов: один взвод – в левую, второй – в правую стороны, для профилактики постреляли. Тут по второму взводу ударил ДШК* «духов», головы не поднять. Давай его выцеливать из «мухи*». Со второго выстрела сержант Баймульдин наконец-то сбил его. Тут по радио раздаётся:

«07-й», я «нулевой», подбили, горю.

Понял, «74-му» взять на буксир, оттащить в кантинные ряды, приказал А. Черножуков.

«07-ой», я «78-ой», – доложил командир взвода А. Казаков (земляк Андреева, родом из поселка Красногорска Марийской АССР). – Горит «Чайка*». «78-ой», потушить огонь и на буксире на выход из «зеленки», – приказал «нулевой».

А в эфире что творится:

«Броня-21*», пару «огурцов*» по сушилке! (Для винограда.)

«Воздух*», я – «08-ой», от красного дыма на восток двести метров, – дает целеуказания командир восьмой роты.

Я «полста первый». Понял, захожу.

«Броня-23», ещё один «огурец».

Андрееву с крыши дома хорошо было видно место боя: пыль, огонь, вспышки взрывов. Вот ударила «вертушка», все заволкло дымом, взлетели обломки дувала. В кантинные ряды приволокли обгоревшую «Чайку», сразу к арыку, стали поливать водой. Затем – БТР комбата, он сам пересел к «08-му» и оттуда руководил боем. Постепенно в город въезжали БТР-ы седьмой и восьмой роты, также колонной пойти домой. Вот прошла последняя машина, Андреев дал команду: «По машинам!*. На «черной площади» «85-го» обстреляли. В ответ по «духам» врезали из КП ВТ* и автоматов. «Духи» заткнулись, видно, попало им. Ну, а дальше снова тишина. Вот оно – первое боевое крещение. Андреев так ничего и не понял. «Странно, ни страха, ни волнения», – удивился он про себя. Только по прибытии в бригаду он узнал, что в «Чайке» сгорел сержант роты связи и двоих солдат ранило. Салага, он еще не понимал, что где-то в «Союзе» взвоят от горя мать этого сержанта. Все у него было еще впереди: и горечь потерь, и убитые друзья, и преодоление в самом себе жуткого страха.

Снова, как всегда, сопровождение колонны. Обычная, будничная жизнь для третьего МСБ (г)*: блокировка дороги; обстрелы – словом, ничего нового. Тоска... Время ближе к обеду, поели, легли отдохнуть. половина второго взвода уже дрыхнет. Андреев поднялся, сделал несколько упражнений

для разгона дремоты, посмотрел в бинокль: «А что там за домики в километре от точки? – подумал он. – Сходить что ли?»

Эрданаев. Загренко. Караджаев, Байрамов. Соболенко, за мной! – скомандовал Андреев. – За старшего остается сержант Ветохин.

Потихоньку по винограднику подошли к заброшенным домам, стоявшим группой. Осмотрели – ничего, но по свежей золе костра видно, что недавно тут кто-то был. Скорее всего «духи», больше некому.

Товарищ лейтенант, мина, – доложил Соболенко.

Точно, противотанковая мина итальянского производства, без запала. Видно, эти гады прятали её до лучших времен.

«Духи»! – крикнул Караджаев.

Все бросились вперед в гранатовый сад. Один все-таки ушел, вторую взяли с испанским пистолетом «Астра». С перепугу он даже не стрелял. Попытка допросить его ничего не дала, будто не понимает по-фарси. Отправили Соболенко проводить «духа» на точку и сдать ротному. «Ах, заразы! Вот откуда вы обстреливали, да еще дороги минируете!» – подумал Андреев.

Байрамов, ставим «растяжки*».

Одну поставили в комнате, возле входа в нее, вторую, выломав входную дверь во двор, положив её на землю, подсунули без чеки на рычаг, а сверху воткнули красивый «духов-

ский» нож, весь в перламутре. Все азиаты любят блестящие штучки. Вынь нож, сразу взрыв. Так оно впоследствии и получилось. Через день, когда Андреев с бойцами пришел на это место, то увидел расщепленную дверь, стены комнаты, избитые осколками, и лужи засохшей крови. Видно, кому-то из «духов» не поздоровилось. Что ж – кысмет*. Этих воинов аллаха гурии* в раю успокоят и уболажат.

* * *

Пошли дальше по заросшей фунтовой дороге. Неожиданно впереди послышались голоса. Взяв с собой Загренко, Андреев двинулся в разведку, остальные остались для прикрытия. Подползли к разрушенному домику, выглянули: стоит грузовая машина. С десяток «бабаев» что-то из неё выгружают. Тут сзади вылезла группа прикрытия и давай орать, что это «духи» и пора уходить. Те же не глухие, мгновенно попрятались, и тут началось. Отстреливаясь, отошли в виноградник, а «духи» уже обходят с левого фланга. Мать-перемать. стрельба и снова мат. Надо «делать ноги!»

– Попарно, вперед за дувал! – скомандовал лейтенант.

Бросились как зайцы, Андреев с Загренко подбежали к пролomu в дувале. По дороге ещё удивлялся, что это ветки винограда падают вокруг него. Потом дошло. Это же их пули срезают.

– Загренко, вперед!

Тот быстро рыбкой нырнул в пролом. Тут же по дувалу

прошла очередь. У Андреева что-то защемило в селезенке. Страшновато. Пересилил себя, прыгнул. Остальные бежали где-то слева. Пошли к своим на точку. В долгу не остались, дали по ним несколько очередей. Вышли на точку, проверили наличие бойцов. Нет Эрданаева и Караджаева. Тут стало по-настоящему страшно. Надо идти назад, чтобы выручать своих бойцов или хотя бы трупы вынести. Таков неписанный закон. Приказывать Андреев не стал, кликнул добровольцев, пошли. Не дойдя метров двести до того дувала с проломом, увидели четыре чалмы* над ним. Стрельнули из СВД* одна чалма пропала (наверное, попали), за ней исчезли остальные. Надо идти. Через силу двинулись вперед. «Стыдно за свой страх. Ведь на меня бойцы смотрят. Какой же я к черту командир». – подумал Андреев. Тут со стороны точки «85-го» взлетела зеленая ракета. Отбой, можно возвращаться назад. Это значит, что Эрданаев с Караджаевым вернулись. Сразу отлегло от души. Дали в сторону "духов" несколько очередей для остротки и пошли назад.

– Товарищ лейтенант, можно дать совет? – сказал младший сержант Мельников по возвращении группы. – Там, куда не посылают, всюду задница. Хотя и в других местах тоже.

Этот совет Андреев запомнил на всю оставшуюся службу в Афгане. После прибытия в бригаду Андреев получил выговор от ротного: «За проявленную дурацкую инициативу». Все правильно и справедливо.

* * *

На следующий день вручение «Гвардейского знака» всем вновь прибывшим офицерам и бойцам, достойно выдержавшим второй бой (первый бой не считается). Построили батальон. Комбат, гвардии майор Л.А.Терехов, произнес короткую речь, затем вызывали по одному, вручали краснознаменный знак «Гвардия» как заслуженную награду.

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Так и течет будничная жизнь: сопровождение колонн, реализация разведданных, подъемы, зарядка, отбой... Да что и перечислять. Обычная армейская жизнь. 19 октября 1982 года командира первого взвода старшего лейтенанта Тимохина вызвали в штаб для постановки боевой задачи. 21-го выезд бригады на операцию. Что это такое? Пусть каждый из вас задает себе этот вопрос... Так же и Андреев не представлял, что это такое. Двадцатого строевой смотр. Вот это умора. Построили бригаду побатальонно в полном боевом снаряжении. Приказ всем был взять по два боекомплекта. Для примера: пулеметчику ПКМ* это три цинка (около 40 кг). Кроме этого, бронежилет – двенадцать килограмм; каска, 10 гранат, сухой паёк на двое суток, полотенце, зубная щетка, мыло, запасные портянки, расчески, носовые платки и еще какая-то тряхомундия. На построение бригады батальон выходил в три приема: сначала вынесли все шмотьё, потом и

сами вышли. А на плацу жара под 50 граду- сов Цельсия. По логике политотдела все это боец должен нести в вещмешке за плечами. Заставить бы одного из тех, кто отдал этот приказ, поносить такой вещмешок с полчаса. А ведь еще и воевать нужно! Что же сделает солдат, если все это он и с земли поднять не может?

Три утра, 21.10.82 года. Погрузились, ждут команду. Тут к «85-му» подбегает Тимохин:

– Саня, у меня температура, я не еду, ты – за ротного, – успел он сказать Андрееву и тут же исчез. Капитан Алексеев в это время был в госпитале, остальные офицеры тоже в разъездах: кто в госпитале, кто в отпуске. Андреев пересел в командирский БТР, тут уже команда: «Нулевые, вперед!». Поехали.

* * *

Остановка «Нагаханский поворот». Прибыли вроде спокойно. Выгрузились. Ну, естественно, лишнее все оставили: на ногах кроссовки, в вещмешке, кроме боеприпасов, самое необходимое. Андреев в роте был единственным офицером. Без понятия: что же это такое рейд, операция «проческа*». Разобрались по группам, пошли. А вокруг тишина, птицы поют; зрелый виноград, гранаты. Раньше тоже говорили, что в провинции Кандагар самые крупные в мире гранаты. Тут уж Андреев точно убедился. Гранат величиной с

голову двухлетнего ребенка. Рота подошла к кишлаку «Нагахан». Никто здесь давно уже не живет, это просто база для «духов». Поискали их тайные ямы и снова вперед. Слева седьмая, справа девятая роты.

Вот уже и вечер. Подошли к горке Когак, на склонах которого расположился одноименный кишлак. Кишлак жилой, но все жители ушли, боясь приближения советских войск. Вместе с седьмой ротой расположилась на ночлег и восьмая. Пока готовился ужин, одновременно завтрак и обед, все обыскали, успели даже сфотографироваться. Замполит седьмой роты Андрей Борисов долго рассказывал Андрееву историю страны Афганистан: про знаменитый Кандагар, еще более старый Герат – перекресток путей из Азии в Европу, так называемый «Великий шелковый путь». Кто только не был на этой земле! А. Македонский, персы во главе с Киром, монголы, турки, англичане, – и все равно Кандагар был и по сей день остается вольнолюбивым городом, чем-то похожим на наш российский Великий Новгород. Если бы знать, что это была последняя встреча, последняя фотография Андрея Борисова. Через четыре дня, 25 октября 1982 года, Андрей Борисов будет убит душмановским снайпером. Пуля попала ему прямо в висок.

В три утра подъем, чай с сухарями – и вперед. Комбат по радио гонит: быстрее, быстрее. По разведанным в кишлаке Лой-Манара, где-то впереди, расположена база отдыха «духов»: госпиталь, пункт реабилитации, склад боепри-

пасов. Заправили фляжки водой, тут сержант Куруа говорит:
Товарищ лейтенант, пойдёмте.

Куда?

Сейчас увидите.

Прошли вверх по течению арыка, обогнули кусты.

Здесь вода почище, – сказал Куруа и спустился к арыку. Андреев за ним – и вдруг видит: в арыке лежит мертвый «дух», с разmozженной головой. Это значит, что вся рота набрала во фляжки воды с растворенными в ней мозгами. Все усмежаются, да и Андрееву смешно: «Вот ведь, подшутили!»

Пошли дальше. В «проческе» самое страшное то, что все время в напряжении: ты идешь на засаду, а где она будет, неизвестно. В любую секунду ожидаешь залп или просто одиночный выстрел. Шли вдоль арыка. Впереди уже недалеко Лой-Манара. При подходе к кишлаку головной дозор обнаружил место нахождения поста часовых: непотушенный костер, горячий чайник. Видно, собирались «духи» впопыхах и дали деру. Рота втянулась в кишлак. Сам поселок довольно большой, однако жители его покинули. Ни одной живой души. Нашли госпиталь, склад боеприпасов со следами поспешного бегства. Естественно, все это сожгли. Бойцы раскопали в стенах домов, коровниках ещё несколько «схронов», «лифчики*» и так по мелочи, в основном оружие. Взяли с собой. Тут Андреев увидел, что на мотоцикле кто-то едет по центральной улице. Оказался наш боец. Посмеялись, стали собираться.

«08-й», я «нулевой», где вы задержались? Бросайте все и догоняйте «07-го», – приказал комбат.

«Нулевой», я «08-й». Понял.

Тронулись, а вокруг одуряющий запах – огромное поле конопли. Как в России картошку сажают, так у них коноплю. Наркотики – это самое главное средство пропитания для афганцев. Пустили «красного петуха» – и снова вперед. Пришлось чуть ли не бегом бежать. Тут ротный писарь «заартачился»: «Я больше не могу, я устал». Ну, все в этом роде.

Солдат, я приказываю – вперед! – приказал Андреев.

Да пошел ты...

Кидается с кулаками, его ловят бойцы, уговаривают.

Невыполнение боевого приказа – военный трибунал, – сказал Куруа. А затем с помощью своих кулаков и ног объяснил писарю, что здесь не играют в игрушки, да и не до трибуналов здесь. Одна пуля – и все, спишут на боевые потери.

Рота вышла из виноградников на околицу какого-то небольшого кишлака. Ошва идет бой. Это седьмая рота. Восьмая засела в засаду. Сейчас «духи» должны отойти на позиции восьмой. И точно, вышла группа – человек десять. Команды не требовалось. Через пару минут все было кончено. Собрали их оружие, рота идет дальше. Вдруг справа снова стрельба – это десантно-штурмовой батальон зацепил «духов». По радио – команда: пошли. Тут вылетает прямо на группу управления роты ошалевший «дух». Стреляет из «бура*», осечка. Андреев от пояса срезает его. Обыскали,

забрали «бур» и снова вперед. Начались гранатовые сады, отдельные нежилые домишки. Поступает команда: «Всем на выход из «зеленки». Перешли арык, построились, проверили наличие личного состава, и тут же раздался залп по восьмой роте. Второй взвод сразу бросился к дувалу, из-за которого стреляли, остальные залегли. Двоих пристрелили, а одного «духа» взяли живьем.

Резко наступила ночь, как будто лампочку выключили. Так всегда бывает в южных странах, ближе к экватору. Расставили часовых, улеглись спать, как обычно, прямо на земле.

Утром снова в «зеленку», прочесываем дальше. Жителей не видно. Оно и понятно. Все они

юют против нас. Шли дальше и

Слева направо: Шурик Хузнахметов и А. Андреев.

Кантинные ряды.

дальше. Скоро будет дамба. Она перекрывает реку Ар-гандаб. В полуразрушенных домишках все чаще попадают-ся «бабай». Даже смешно смотреть: развалины от дома, дво-рик, сидят два «бабая», пьют чай. Ну, кто живет в разрушен-ном доме? Всех забирали с собой. Впоследствии оказалось, что взяли в плен около ста пятидесяти «духов», из них во-семь главарей. Может, какие-то группы и просочились в го-ры. Ничего. Все равно встретимся, никуда они не денутся.

* * *

Хузиахметов Шурик. Вот он, живой, улыбается. 5.12.1982 года его не станет. Это было просто. Его взвод выставил «точку*» для блокировки дороги. День отстояли. Коман-да: «Снимаемся, всем по машинам». Никакой стрельбы, все спокойно. Группа пошла назад. И тут обстрел, «духи» подо-брались слишком близко. Это только в кино попадают в ру-ку или ногу, хотя после этих попаданий герои фильмов бе-гают, прыгают, будто ничего не случилось. В живот – это са-мое страшное. В переводе со старославянского живот – это жизнь. Группа ушла, ничего не заметив. С раненым остался его друг, солдат, остался, чтобы прикрыть своего друга. Вы-шли к бронегруппе, посчитались. Двоих нет. Шурик прыгает

на свой БТР-Д, механику-водителю дает команду – вперед. Разворачиваются – и в «зеленку», по грядкам и виноградникам. Подскочили к концу виноградника, дальше еще один...

Развернись, открой задний люк и жди, – приказывает лейтенант Хузиахметов механику-водителю. Сам перепрыгивает дувал и бежит к месту своей бывшей точки. Все это время была тишина. И вот раздаются желанные выстрелы. На войне всегда так. Хуже, когда не стреляют. Из-за этого все нервы измотались. Страшнее ожидание смерти, чем сама смерть. После выстрелов понятно, где враг, а где свои. Определив по звуку стрельбы из 5,45 мм автомата Калашникова место боя, (у «духов» были АКМ китайского производства, калибра 7,62 мм), Шурик бросился в эту сторону. Пару раз раздались взрывы выстрелов из гранатомета. Один довольно близко. Наконец-то, вот они. Раненый боец лежал рядом с другом и тоже отстреливался.

Бери раненого и к тому дувалу, – приказал лейтенант, – там БТР-Д.

Сам остался прикрывать. Ракета – и Шурик тоже стал отходить. Погрузились, аккуратно положили раненого. И тут залп. Одна пуля в ногу, вторая в голову. Всего-то две свинцово-никелевые маленькие железки, а человека нет. Причем настоящего человека. Правду говорят: на войне погибают только самые лучшие. Таким и был лейтенант Александр Хузиахметов. Его любимая песня:

Снег кружится, летает, летает.

И, поземкою кружа.
Замечает зима, замечает
Все, что было до тебя.

До сих нор звучит в ушах. Таких, как он, не заметет никакая зима. Вечная им память.

Дошли до дамбы. Приключений вроде не было. Так, пару-тройку «духов» пристрелили. Жаль собаку. Она была на цепи и, как положено, охраняла свой дом. Долго в нее целились, стреляли, все мимо. Классная собака, чем-то похожа на лайку. В конечном итоге попали ей в переднюю лапу. Как жалобно она визжала. Лапу-то перебили. Куруа всех изругал, по-русски и по-грузински, не дал добить её. Наверное, на небесах ему это зачтется. Хотя кто знает? Ведь оттуда ещё никто не возвращался.

* * *

После выхода из «зеленки» подошли к бронегруппе. Наконец-то, обед до отвала. Черт возьми, когда можно наесться до отвала и поспать минут шестьсот? С самого детства Андрееву не везло в еде и сне. Двое пацанов без отца; мать – воспитательница детского сада, всегда недоедание, недосыпание, в 15 лет – Казанское СВУ. Это означает погоны и сапоги, то же недоедание. А уж спать-то точно мало приходилось. Немного поспали. Гранатометный взвод батальона охранял сон. Спали, наверное, все без сновидений. Хотя кто

знает?

МАХАДЖИРИ

Зашли от бетонки, перешли какие-то сады, разрушенные домишки. Вот и площадь. Дома вокруг солидные, но явно не жилые.

Первый взвод в прикрытие, остальные – на осмотр! – приказал Андреев.

«08-й», я «нулевой».

На приеме.

А где у вас, черт возьми, старший? Три дня его не слышу.

Я старший.

Андреев?! Больше офицеров нет? Ты один? – изумленно спросил комбат. Минута молчания. Потом: «Нулевые, стоять на месте до приказа!»

Все по очереди ответили, что понятно. Примерно через час в сопровождении гранатометного взвода (это что-то вроде телохранителей комбата) в роту прибыл зам комбата по политической части, какой-то капитан из штаба бригады и Толя Федоров – бригадный доктор. Первым взводом стал командовать этот капитан, вторым – Толя, третьим сержант Киянбеков, замполит – в качестве советника. Стали возвращаться бойцы. Кто-то несет гранаты, патроны, тротиловые шашки. Одна находка была стоящая: пистолет «вальтер» с патронами, ещё с Великой Отечественной войны. Андреев

взял его себе. Так и пришлось ему ходить до конца этой войны. Стреляет хорошо, рукоятка устроена так, что нет отдачи. Один выстрел – одно попадание.

Вокруг тишина. Ни единого выстрела. Сели пообедать, естественно без тарелок. Хорошо хоть ложки при себе.

Вперед, сукины дети! – раздалось в эфире. Это комбат со своим юмором.

Батальон тронулся. Всё буднично, вокруг виноградники, сады, кто-то ест гранат, кто-то – кишмиш.

На войне можно все, только совесть нельзя терять. Рота идет. Все однообразно и скучно. Второй взвод справа, остальные в цепочку. Раздалось несколько очередей. Что на них обращать внимание? Впереди выстрел, крики. Ранили Кумарбекова в шею. «Дух» сидел за дуваном. Дождался, когда головной дозор пройдет, и выстрелил из пистолета. Пуля прошла через шею, не задев жизненно важных органов. Перевязали. Андреев спрашивает:

– Сам идти сможешь?

– Так точно.

– «08-й», я «85-й».

– На приеме.

– Взяти «духа», «отправили в Кабул*», иду к тебе, – это сказал Толя Федоров.

Тронулись, и вот тут началось. Седьмая рота нарвалась на засаду. Справа стрельба, выстрелы из гранатометов, пули аж

сюда долетают.

– «08-й»! Я «81-й».

– Слушаю.

– Впереди несколько «духов» – засада, – доложил командир первую взвода.

– Огонь! – скомандовал Андреев.

– Я не могу, я не умею, – сказал тот капитан.

«Я сейчас тебе покажу», – подумал Андреев. Тут вмешался замполит: «Нужно все обдумать, ты не спеши».

– Да там наши гибнут, ты что, не понимаешь? – взорвался Андреев. – Или я командую ротой или вы!

Взяв с собой бойца-связиста, Андреев бросился к первому взводу.

– Всем слушать мою команду. У кого автоматы – по пять патронов, Эрданаев, Караджаев – из «мух». Заряжай, – приказал Андреев. – Огонь!

Залп, затем тишина, кроме ведущей бой седьмой роты.

– «08-й», я «07-й».

– На приеме.

– Сделай проход, у меня один «двадцать первый» и один «трехсотый*».

– Понял, выходи к западу.

– «08-я» заблокировала проход, седьмая рота стала вытягиваться, неся на плащ-палатках одного убитого и одного раненого. Вышли. Восьмая рота свернулась следом за седьмой.

* * *

На ночь устроились в каком-то доме. Хозяев, естественно, не было. Только улеглись спать, заходит посыльный «бабаев» с часовым.

– Товарищ, лейтенант, вас приглашают наши «бабаи».

– Сейчас иду.

– Не стоит беспокоиться, вас донесут, – сказал посыльный.

– «Ну и дела! Неужели я такой важный, что меня нужно нести?» – подумал Андреев.

Еда была обильная: шашлыки, плов, шурпа и, конечно, водочка. После ужина разговорились.

– Пожалуйста, будьте помягче, а то солдаты вас боятся, – сказал командир афганского полка.

– Постараюсь, – ответил Андреев.

Настало утро. Снова пошли. Афганцы, как всегда, сзади.

– Обезьяны, вперед! – вскричал Андреев. Какая там бутылка? Нужно выполнить свою задачу.

День прошел спокойно, устали только все. Шли также углом. Послышался взрыв.

– «08-й», я «85-й», один «карандаш*» легкий «'трехсотый», доложил Федоров.

Поищи место для ночлега, – ответил Андреев.

Есть такое, я рядом. Даю ракету, выходи на неё, – говорит Толя.

Вышли, устроились. Хоть и без удобств, но спокойно. Дом похожий на средневековую крепость: мощные стены, в цен-

тре жилое помещение в два этажа. Вместе с восьмой устроилась на ночлег и девятая рота.

–Сад заминирован, – доложили бойцы.

–Разминировать, – распорядился Андреев.

В саду сняли три гранаты, стоящие на «растяжке», две мины. Одна была противотанковая, стоящая на неизвлекаемость. Пришлось подорвать на месте, остальные тоже. Утром нужно было выслать группу в штаб батальона, питание для радиостанции кончалось.

–Куруа, найди Соболенко и ко мне! – крикнул Андреев.

Товарищ лейтенант, рядовой Соболенко по вашему приказу прибыл.

–Собирайся, в ночь пойдешь. Останешься на бронегруппе.

–Никак нет.

–Не понял...

–Я не пойду, товарищ лейтенант, – сказал Соболенко очень тихо.

–Ты же знаешь, Дима, невыполнение приказа... и все такое и прочее.

–Да, знаю, – оборвал Андреева Соболенко. – Но все равно не пойду.

–У тебя ж нога ранена, да и к тому же ты не сможешь идти.

–Смогу.

–Да, ё ... мать.

–Не пойду, товарищ лейтенант, хоть стреляйте, – сказал

Соболенко, и смог, смог, да еще как.

В три утра ушла вдвоенная группа за аккумуляторами для радиостанции. Дима Соболенко остался. Оказывается, у бойцов «неписанный закон»: если не ходишь в рейд, то ты трус и награда тебе – пуля в спину. Это справедливо. Ведь мужчина – это не тот, кто штаны носит, а тот, кто свой страх сумеет преодолеть. А страшно бывало частенько.

* * *

Поле. Метров через двести – мелкий виноградник, еще дальше – домишки. Этому уже научены: не выходи на поле, там смерть, справа-слева, буднично и обычно. Карс – и этим все сказано. Роте был дан приказ: Карс уничтожить.

Высокие стены, тишина, а это хуже всего.

–«85-й»! – стой.

–Понял. – ответил «85-й».

Этот городок вытянулся вдоль паля. Проползли до края, стали рассматривать в бинокли. Артнаводчик говорит:

–«Духи».

–Не вижу, где?

–Вправо два пальца, тащат что-то тяжелое (это был ДШК).

–Первый пристрелочный, огонь.

–«Тюльпан», я «Т-08*».

–На приеме.

–Даю координаты 45х36х9, один дымовой огонь!

Взметнулся столб белого дыма.

–«Тюльпан*», я «Тюльпан-ноль-восьмой», вправо двадцать, влево семьдесят, – дал целеуказание артнаводчик.

–Понял, даю очередь!

Раздалось несколько взрывов.

–«Тюльпан», я «85-й», туда же пару-тройку залпов.

Было видно, как улепетывают «духи», даже свои трупы забыли. В подвале окраинного домишки нашли виноградное вино в кувшинах. Куда же их с собой заберешь? А эти "духи", которых мы убили? Зачем им сейчас вино, деньги?

Друг, в нищете своей отдай себе отчет,

Ты в мир пришел ни с чем, могила вес возьмет.

«Не пью я, ибо смерть близка*, – мне говоришь ты.

Но пей ты иль не пей – она в свой час придет.

И снова тишина, кузнечики чирикают. Впереди вроде никого. А какой виноград! Тяжелые, как будто беременные, гроздья свисают с веток. Но, но, но ... Немытые, есть нельзя, а воды нет. Пора и пожрать. Война войной, а обед по распорядку.

* * *

В эфире – взрыв.

–«Нулевой», я «09-й». Головной дозор положили на поле. Не знаю, кто живой. Долбят со всех сторон, с левого фланга начали заходить.

–Да подожди ты. Не ори. Сколько «ноль двадцать первых»

и «300-х»?

– Не знаю.

– Найди хороший домишко, залезь туда и отстреливайся. Сейчас подмога будет.

– «08-й», «07-й», я «нулевой».

Оба ответили.

– «08-му» – выслать одну группу, «07-й» полностью к «09-му».

– Толя, кроме тебя мне послать и некого. Замполит, сам знаешь что. Этот «комсомолец» еще прошлой ночью не вернулся с бронегруппы. Давай ты!

– Не журишь. Саня, прорвемся, – ответил Толя.

Судя по эфиру, подошли. Оказывается, весь головной дозор – целый взвод лежит на поле. Где ползком, где перебежками подобрались. Начали вытаскивать раненых. В основном все тяжелые: у кого из ноги кость торчит, у кого из груди. Дали команду «тюльпану*». Несколько залпов и тишина. Только встали в полный рост, снова обстрел.

– «08-й*», я «нулевой».

– На связи.

– Подходи к «09-му». Вытаскивайте и на выход, – приказан комбат.

Прошли какой-то брошенный кишлак, сады. Чтобы быть в курсе дел, Андреев надел на себя радиостанцию вместо вещмешка. Да... Судя по разговору, дела там очень плохи. Подошли.

–Киянбеков, со своим обеспечить правый фланг. Куруа – вытаскивать раненых и убитых. Группа управления, за мной! – приказал Андреев.

Залезли на какую-то крышу дома, где Шура Липанчиков расположился со своим управлением. Он был за ротного. Действующий командир роты был убит.

–Все спокойно, сейчас вырвемся.

–Да куда там? Видишь, слева заходят. Да башку убери, а то продырявят, – толкнул речь Липанчиков.

Тут Вовка Минаков ещё:

–Да не рыпайтесь вы.

Обговорили все, распределились, пошли. Каждый по своим местам. С крыши хорошо было видно, как по полю, где лежал взвод, бегали бойцы, вынося раненых. Толя Федоров вообще в полный рост ходил, перевязывая раненых, делая уколы морфия, промидола в ноги, руки. А кругом пули шелкают, мины взрываются. Бедные виноградники. Ведь кто-то за ними ухаживал, выращивал их. А Толя будто заговоренный. Вроде всех вытащили. Убитых – на плащ-палатках, раненых привязывали к вышибленным дверям домов. На тяжелых страшно было смотреть. Перебитые ноги, руки; везде торчат кости, ребра. Тогда Андреев обратил внимание на Диму Соболенко. Это он-то с раненой ногой!

Тащил два вещмешка, четыре или пять автоматов да плюс еще поддерживал импровизированные носилки с привязанным раненым бойком. После операции был награжден меда-

лю «За отвагу».

–«Нулевые», слушай команду, – раздался голос комбата. – «09-й» выходит на бронегруппу, его сопровождают «85-й» и «74-й». Остальным осмотреться и там заночевать. Всем все ясно?

–«Нулевой», я «07-й», вижу место, оттуда «духи» укрепляются. Нужен «тюльпан» или «вертушки», – доложил В. Минаков.

–Квадрат 39х76х2 один дымовой, огонь! – скомандовал артнаводчик.

Рев снаряда, хлопок, столб белого дыма.

–Отлично, «нулевой». Туда же пару залпов. Наконец-то нащупали.

А впереди что твориться. Сплошная масса огня, дыма, пыли. Под этим прикрытием два взвода подобрались поближе к «духам».

–Прекратить огонь, 71-й, 85-й вперед! Режьте их там всех за наших ребят.

Когда эти два взвода вернулись, начали рассказывать. Собственно, добивать-то там никого и не пришлось. Разгромленные «сушилки», где был их штаб. Части человеческих тел, ну, ног там, руки, кишки на деревьях, такое все. Наша артиллерия хорошо поработала. А время-то обеденное. Сели немного перекусить и снова в той стороне, куда ушла девятая рота, началась стрельба. «Духи» их подкараулили.

–«Нулевые», вперед!

Они добивали наших ребят почти в упор.

–Ребята, прощайте. Все равно мне не выжить, обе ноги перебиты. Не успокаивайте меня, я знаю, что берцовые кости перебиты. Прощайте.

Выстрел – это застрелился солдат.

* * *

Наконец-то выбрались из этих виноградников. Впереди бой, от батальона остаюсь всего три взвода: два – седьмой роты. Андреевский один взвод и группа управления. Подошли к какому-то кишлаку, в эфире крик стоит, мать-перемать.

–«81-й», за мной! – скомандовал Андреев.

Не успели пройти буквально и ста метров.

–«07-й», я «74-й*», старший «74-го*» – «0-21-й*».

Что?

–Старший «74-го» – «ноль двадцать первый*».

Это был Андрюха Борисов. «Черный день*» – 26 октября 1982 года. Погиб лучший друг Андреева. Может, и его судьба такая же?

Где-то в деревушке Березово захудалого Медведевского района какой-то захудалой Марийской республики, хотя для Андреева самая лучшая, живет бабушка и ждет своего внука, а мать – сына. И перед ее домом действительно растет береза.

* * *

Он лежал очень тихо, как будто бы уснул. В левом виске маленькая дырочка. Справа, за ухом, выходное отверстие. Снайпер, сволочь. А ведь Андрея тоже ждали в Новосибирске. Его сгубило то, что маскхалат у него был новый, фонарик еще, белого цвета на груди. Вот его и выцелили.

* * *

Когда кончится день? День как целая жизнь. Уже стемнело. Всех вытащили, пошли к бронегруппе. Впереди Саша Кузнецов со своей группой, в центре – седьмая, девятая рота с ранеными и убитыми, замыкающим – Андреев с остатками роты. Пара длинных очередей, взрывы гранат, снова тишина. Еще и луны нет.

–«07-й», я «71-й», – вызвал ротную Кузнецов. – Пару «духов» тут прихватил, из пулемета нас обстреляли. Что делать-то с ними?

–Сам не знаешь что? Отправь в «Кабул».

–Да знаю. Впрочем, бойцы и без меня постарались, ножами. Как долго идти? Казалось, что эта «зеленка» никогда не кончится. Батальон перешел с десятков арыков, перелезли кучу дувалов, а конца нет. Ночь – хоть глаза выколи. А в мыслях видится: улица и деревне, курочки гуляют. Даже смешно, в Березове первым автомобилем был мотоцикл. Эго Серега Оленев, женившись на Люське, купил «Яву». Вот и раскатывал. В глазах уже видится бред какой-то. Хочется просто упасть. Тут сзади еще какой-то недобитый «дух», есте-

ственно, стреляет.

Фуркат, добей его. Не хочу шевелиться. – сказал Андре-
еву зам комвзвода. Короткая очередь – и тишина.

*Слева направо: А.Калако» (и.Красногорск, Марий Эл),
А.Борисов | (г. Новосибирск) и А.Андреек (г.Йошкар-Ола). 2!
октября 1982 г.*

Наконец-то звук моторов, ракеты. Это бронегруппа подо-

шла. Хоть бы не стреляли что ли, а то своих положат. Дальше все в тумане. Андреев даже есть не стал, а покушать было что: такая шурпа, рисовая каша с мясом, кофе, чай, овощи, что душе угодно. Да. – Сан Саныч постарался (это комбат). Вздрючил нашего пом- хозввода.

Светает, товарищ лейтенант, вас к комбату, – сказал боец. «Черт возьми, не мог дожидаться, когда выплусь», – подумал Андреев.

Все. Приехали. Теперь понятно, что такое операция. Заправились, помылись. Началась обычная будничная жизнь. Как доехали до бригады, Андреев смутно помнил: вроде на площади стреляли, вроде где-то на перевале, вроде батальон отвечал, а может, и нет. Все равно, получил первый боевой опыт. Два дня отсыпались. Дневальных поставили из других подразделений, все смертельно устали. Даже на третий день у бойцов были желтые мешки под глазами.

А где-то была другая жизнь: рестораны, концерты, кино... Кто-то вообще в армии не служил, кто-то забывался в одурманивающем тумане наркотиков.

Управление 8-й роты (слева направо): мл. с-т Переверзев, ряд. Реяякин, с-г. Всгохин, л-т Андреев и мл. с-т Киянбеков.

СВАДЬБА-ПЛЮС

Толик Попов женился, вот умора. Стоит в очереди на таможне. Впереди какая-то девушка. Очередь большая, надо же о чем-нибудь говорить.

Барышня, Вас как зовут?

Фекла. Что, не нравится?

Да мне все равно, – сказал Толик.

Прошли таможню, то есть таможня дала добро. Ньюанс, конечно, был. Толика проверяла женщина, Наташу – мужчина. Толик, как всегда, с невозмутимым выражением лица, хоть кол на голове теши. Наташка перепугалась. Вот её и замели. А узбекская таможня дотошная. Куда-то увели. Наверное, в интимный орган заглядывать. Вернулись. Таможенники проискали всю сумку. Ничего нет. На ней лица нет, все в подтеках от туши, помады. Наверное, было неприятно.

Как-то рассказывали в бригаде: при таком досмотре даже в интимные органы заглядывают. По слухам, будто пачку «баксов» нашли. Каково это женщине? Все, летят. Неприятности позади, позади таможня. В конце концов выяснилось, что за эти 30-40 минут полета плюс время в «отстойнике*» они успели разговориться. И до чего?! До свадьбы!

Девятое мая – День Победы. И именно в этот день к Толику приехал «заменщик*», и он женился. Дай Бог ему счастья. Все равно нужно помнить мудрецов:

О невежда, вокруг посмотри, ты – ничто...

Счастье – это не то, чем владеешь, а то к чему стремишься, что достигаешь.

Да! Вот это свадьба. Такой ещё никто, наверное, не видел. Зеленый, железный БТР-70, весь блестящий (его за день до свадьбы лаком покрыли), украшенный, как полагается, цветами, ну еще и разной мишурой. Невеста, уже в беленьком шелковом платье, кстати, из японского материала, и поши-

ва той же страны. Ростом малюсенькая, как статуэтка, волосы белые, синие синие глаза. Ну, а наш лейтенант при таком случае надел парадную форму. «И на груди его могучей одна медаль висела кучей», – сказал кто-то из мудрецов. Правда, у Толика был орден Красной Звезды. Ну, это не имеет значения: «железяка* есть «железяка».

Подъехали к Посольству СССР. Все как полагается, охрана наша и афганская и прочие атрибуты. Пустили только молодоженов и свидетелей. За какие-то полчаса – час все оформили и «аля-улю, гони-гусей». Зато какое брачное свидетельство! «Посольство Союза Советских Социалистических Республик», фирменный бланк с огромной печатью. Провожал новобрачных лично посол СССР. Залп ракет, крики, поздравления – и поехали. Застолье организовали прямо в ресторане Амина (был такой руководитель государства Афганистан). Красивейший дворец на горе, с бассейном во дворе. Ну, а дальше, сами знаете. Лей-пей-гуляй. Правда, одно происшествие гам случилось. Когда после N-ой рюмки пошли покурить, «духи» начали минометный обстрел. Кто – куда, но большинство в бассейн попрыгало. И правильно. Американские мины, хоть и выглядят эстетично, все же об воду не взрываются. Так все и смеялись после каждого взрыва где-то там на берегу. А потом менялись минами друг с другом – у кого красивее.

Вот так «теряли» друзей. Одним холостяком стало меньше. А ведь клятву давал: никогда, ни за что, в общем, не мо-

жет быть.

* * *

Бредут – идут, а «зеленка» все не кончается.

–Товарищ лейтенант, время обеда.

–Потерпите. Видишь, арык ещё в сторону не повернул.

Вон перед тем кишлаком привал сделаем, если на засаду не нарвемся, – ответил лейтенант.

А вокруг цветы, виноградники, гранаты на деревьях! Правда, в арыке вода мутная. Ну, ничего, мы и такую пили. Вот Баранчик пробежал. Это ящерица, вроде крокодила. Кого-то пытался атаковать «фаланга*» с его резким пицанием. Это паук, величиной с кисть взрослого мужчины, после его укуса поднимается температура под сорок градусов, ну и, наверное, больно.

Залп. Казалось, со всех сторон. Замполитроты по ВДП Серёгу Алейникова бросило в арык. Оказалось, пуля в голову попала.

Дальше ничего не понятно. Пули, крики, взрывы гранат, конечно же, русский мат. Мамед Алиев, командир взвода, орет:

–Сатрединов, ГП-шками огонь, Исаев – из пулемета!

Пошли взрываться мины. Да, сейчас не спрячешься.

–Орлы! За мной! – крикнул Мамед. Тут же бросился вперед. Добежало до «духов» три человека. Мамед получил свою пулю одним из первых. А дальше – ножи, приклады, в

конце-концов зубы... Двадцать три человека, двадцать три жизни. Полегли почти все. Раненых «духи» просто резали. Серегу Алейникова спасло то, что его пулей в голову сбросило в арык и сильное течение отнесло подальше. Правда, полбашки не стало. Заменяли эту часть черепа пластмассой. Солдат Сатрединов подорвал себя. Исаеву отрезали голову. Ротарь насквозь прошил из пулеметов, но самое главное – остался жив.

* * *

Снова рейд. В принципе, обычное дело, работа. Петька Дрозд, командир головного дозора, лейтенант, как обычно, нарвались на засаду. Один боец убит, второй ранен и, судя по всему, тяжело. Основная группа осталась за высоким дувалом. Впереди – мелкий виноградник, дальше – поле, где лежит убитый, а раненый орет благим матом. Вроде недалеко. После виноградника, но полю, метров пятьдесят.

– Кто пойдет? – спросил Дрозд. Все молча спрятали глаза. Кому охота идти на верную гибель?

– Баймульдин, за старшего. И приготовь несколько человек, чтобы через дувал принимали (имелось в виду тела).

И он пошел, точнее пополз. Нет, лучше будет сказано – пошел в своей последний путь. Мигом через дувал, перебежками по винограднику. А кругом все взрывается, пули шелкают. Особенно один «дух» старался «поливать» из ППШ-а. Самый противный звук. Как будто мыльные пузыри лопают-

ся, только звук нужно увеличить в тысячу раз. Бойцы быстро сбили его, то есть «духа». Открыли огонь на полную мощь. Первым Петька вынес убитого, до раненого было далеко. Потом раненого. Протащил по полю, затем по винограднику, перекинул через дувал, крикнул: «Принимайте!» А затем при прыжке через дувал – пуля в голову. Это был Петр Петрович Дрозд.

В небольшом поселке Каскелен Алма-Атинской области его ждали отец и мать. Орден – посмертно. Да кому он нужен – железка хренова.

* * *

Океан, состоящий из капель, велик.
Из песчинок слагается материк,
Твой приход и уход – никому не заметен,
Просто муха в окно залетела на миг.
И это было написано в тринадцатом веке.

* * *

Однажды танкисты поймали варана – малолеток был ещё. Это такая штука, вроде крокодила, только бегает по пустыне, а не плавает в воде. Морда тоже похожа, цвет тела желто-серый. Назвали Васькой, обычная кличка. Правда, 80% роты были мусульманами: узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки, казахи, дагестанцы, хотя нет такой нации. И, честно говоря, всех национальностей батальона не помню.

Любое животное любит ласку, в том числе и человек. Приласкали его, кормили верблюжьим молоком, мясом, саранчой, еще чем-то. Сшили из овечьей шерсти ошейник, поводок, на прогулку водили. Сначала Вася спал на солдатской кровати, потом – возле входа в палатку, на коврике. Ни одна фаланга* в палатку не забегала. Запах чуяла. Говорят еще, что если овца ее съест, то будет тучной и жирной. Поэтому у входа в каждую палатку лежала веревка, сплетенная из шерсти овцы.

Немного погодя Ваську стали водить на обед в столовую, правда, на поводке. Идет рота на обед – один из бойцов ведет его сбоку. Ел все подряд. Очень был ласковый к человеку. Правда, язык у него был неприятный, шершавый, когда целуется. За какую-то пару месяцев сильно к нам привязался. Когда отпустили, было очень жаль расставаться. Он еще после этого в назначенный час в течение двух-трех месяцев каждый раз приходил в солдатскую столовую кормиться и именно на обед, как будто у него были часы.

Глава третья

ПУСТЫНЯ

Январь 1983 года. Начальство решило: без потерь проводить колонны, один батальон нужно вывести в пустыню. Затем расставить блокпосты вдоль трассы и при сопровожде-

нии колонны блокировать дороги В сущности, разумное решение. Как всегда, третий батальон – «Вперед!» Собрали манатки, оружие, боеприпасы, погрузили кровати, палатки, остальную ерунду и поехали. Только теперь нас сопровождали. Прошли всю трассу, наконец-то съезд с бетонки. Дальше – одни. Заехали в центр пустыни. Вроде бы здесь разбить постоянный лагерь лучше всего: с юга – бетонка, за ней – «зеленка», с севера – горы, с востока и запада – пустыня. Правда, на востоке имеется кишлак Киш- кинахунд. Там живут какие-то «бабай», только воюют за нас. На север, за черным хребтом, снова кишлак – пуштуны, нейтралы. Все, вот и приехали.

– Эрданаев, выгружайтесь. Спать будем в машинах, – приказал Андреев.

*Пустынный батальон (слева направо): Л.Андреев, Шурик
Липанников и Леха Никулин.*

Есть.

Еще, начинайте ставить палатки. Только сначала место почистите и окопайте. Балтабаев – позаботиться о пище.

Странно все это. Балтабаев – внештатный повар, награжден орденом «Красной Звезды». За что? О! Это отдельная история.

Рота как-то шла по пустыне в какой-то кишлак. Время обеда. Война – войной, а обед по распорядку. Расположились, как положено. Покушать решили. Ан, нет. Как врезали им по первому по первое число. «Духи» хорошо воюют, когда их поддерживают «наемники». Буквально вторая мина попала в котел, где все варилось.

«Наливай», – сказал Серега. (Ст. л-т Антонов).

«Наливай», – сказал Серега. (Ст. л-т Антонов).

Командир второго взвода 8-й роты 3-го МСБ(г) лейтенант Андреев.

Командир второго взвода 8-й роты 3-го МСБ(г) лейтенант Андреев.

Балтабаев, как одержимый, кинулся на «духов», даже автомат не взял. Результат – зарезал двоих, а одного прихватил живым. Правда, немножко живым, то есть не совсем мерт-

вым. По харе получил «дух» на всю катушку. Заслужил.

* * *

Прошел месяц. Вроде вчера это было. Отстроились. Смешно даже. Деревья вытащили у «духов» прямо из под носа. Вообще даже красиво в пустыне. Особенно ночью. Абсолютная чернота и яркие-яркие звезды. Хоть художником становись. Ну, что? Задачи прежние плюс, как всегда, рейды. Тут еще начальство распорядилось: при всех боевых рейдах носить бронежилеты. Однажды Андреев надел его в рейд. Весит он примерно килограмм двенадцать. Так после этого рейда, длящегося десять дней, он проклял все на свете.

Снова сопровождение. Настроения никакого нет. Рога подошла к горке возле поселка Синжарай. Ждут команду «Вперед». Гаубица и танк обрабатывают «зеленку», колонна стоит. Андрееву так плохо, что хочется куда-нибудь лечь в ямку и спрятаться там навеки.

Предчувствие какое-то. Но он же офицер. На него бойцы смотрят. Трусить не имеет права. Слово трусость – философское понятие. Сродни страху. Только есть понятие – бесстрашие, то есть антоним этого слова. Не бывает людей бесстрашных, нет и трусов. Каждому страшно, когда впереди тебя ожидает смерть, а то и похуже. Просто мужчина, если он настоящий мужчина, в определенную минуту должен делать то, что от него требует долг, а не поддаваться своим чувствам.

Вот раздается команда «вперед» (как надоело это слово).
Всё, поехали. Андреев оглянулся назад, а там все бойцы без
бронезилов.

– Ё..., всем надеть «броники*». Байрамов, тебе не понят-
но? Залибеков, обороты *. Загренко, пулемет вправо.

Бойцы шевелились, как подстегнутые. Слева мелькнул ка-
кой-то «бабай», но это был лишь отвлекающий маневр. Бук-
вально через пятьдесят метров – вспышка справа: гранато-
мет. Граната, слегка вращаясь, пролетела перед смотровым
стеклом БТР-а. Пронесло.

Живая вода в пустыне – арык.

-«08-й», я «85-й»!

-На приеме.

-От красного дыма справа по ходу движения засада!

-Понял.

-Красный дым на самом деле не красный, а оранжевый.

Это лейтенант бросил через открытый люк НСП* оранжевого дыма. А красным он называется по привычке. Дальше понеслось. Там, где была засада, живого места не осталось. Колонна по выставлению блокпостов понеслась дальше. -«Сволочи, замучить меня хотят! Не получится», - думал Андрейев.

Проскочили «точку*» третьего взвода, затем первого, яму в бетонке, оставленную фугасом, остановились. Пошли саперы. Смертники – одно слово. Идут в полный рост по возвышающейся над «зеленкой» дороге.

* * *

-К машине, по местам! – скомандовал замкомандира взвода.

-Караджаев, Байрамов, на третью точку. Перепелин со своими в сушилку. Остальные в домик. Дальше сначала ругань, затем – тишина. Пехота разбежалась по своим местам, минометчики развернули свою «машинку*. «Броня – 21» дал один «огурец» для острастки. Куи установил гранатомет АГС – 17*. Словом, все как обычно.

–«08-й», я «85-й».

–Слушаю.

–Я на месте.

–Понял.

Прошла одна колонна, рота ждет вторую.

–«08-й», подходит вторая «ниточка*», уже вышла на «ленточку*». Остановить все «бурбыхайки*».

–Самсонов, – крикнул лейтенант, – тормози всех проезжающих.

–Есть, товарищ лейтенант, – ответил Самсонов.

Отличный парень. Был ранен, но вернулся в строй и отслужил свои два года в Афгане. Остановили несколько грузовиков и автобус. Мужчины вышли, а женщины остались. Все мужчины перешли на другую сторону дороги. И тут началось. Женщины, смотря в окна автобуса, открывали лицевую часть паранджи*, то есть лицо. Ведь им и так было все видно. Что ж поделаешь. Любой женщине хочется быть обязательно красивой, чтобы её обожали мужчины. Но как можно показать свою красоту, если ее закрывает паранджа?

* * *

Время обеда. Что поделаешь? Война войной, а обед – по распорядку. Как обычно, Андреев начал обходить все свои «точки», где залегли бойцы. Мало ли, может быть, спят.

–Байрамов, что это?

–Не знаю, товарищ лейтенант.

–В полуметре от костерка, где подогревалась перловая каша, три малюсеньких штырька.

Так, всем отойти за стенку! – приказал лейтенант.

Осторожно раскопав мягкую землю, почти песок, Андрей увидел головку взрывателя. «Понятно, мина», – подумал взводный, хотя ни разу в жизни боевых противопехотных мин не видел, только макеты в училище. Как сё снимать? Как разминировать? «Есть самый простой способ*», – озарило лейтенанта. Он отошел за стенку, прицелился из автомата, и взрыватель вышибло пулей. Потом подъехал ротный с саперным офицером. Как положено, по науке, сняли эту мину, оказалось, американского производства. Ее называли «лягушка»: выпрыгивает на 70-80 см и взрывается.

Сели пообедать – взрыв. Там же, где сняли мину. Все бегом гуда. Выносят Байрамова, Караджаев сам вышел. Не зря взводный заставил надеть бронежилеты. У Караджаева один осколок в ноге, один в щеке. У Байрамова все ноги посечены. Без «броников» – смерть. Оказалось, еще две гранаты РГД-5 стояли на «растяжке».

Здесь ристалище смерти, дорога невзгод,
Путь для тех, кто всегда лишь на вере живет.
Благородному надобно быть командиром,
Чтоб бродягой идти без опаски вперед.

КАПИТАН ФИЛИППОВ

Олег Филиппов, капитан, командир взвода, был лучшим другом Андреева. Правда, не всегда он был командиром взвода. Приехал он из Германии. В те времена была еще ГДР. Был назначен командиром роты первой ДШР*. Приступил к исполнению служебных обязанностей. Проходит месяц, и у него из роты два бойца убегают к «духам», прихватив с собой автоматы. Потом, конечно, выяснилось, что они захотели сладкой жизни в Америке. В 1985 году про них даже статья была в «Комсомольской правде». Якобы они попали в плен, были переправлены в Пакистан, оттуда в Англию. Затем в Англии сбежали из плена, пришли в Советское посольство и были отправлены на Родину. После этой

Командир 3-го взвода 8-й роты 3-го МСБ(г) ст. л-т Олег Филиппов.

Командир 3-го взвода 8-й роты 3-го МСБ(г) ст. л-т Олег Филиппов.

Блок-пост Олега.

статьи бригада чуть не взбунтовалась. А дальнейшая их судьба плачевна: один повесился, второй пришел в военкомат и стал требовать себе льготы, только и он потом куда-то сгинул. Имена их – Рык и Хлапов.

Это было первое звено в цепочке невзгод у Олега. Как полагалось в те времена, Олега сняли с должности и перевели в восьмью МСР (г)* взводным.

Колонна остановилась возле моста. Арык, дамба, его перекрывающая, и кириз*, куда стекал бурный поток воды. Мурат Иброев, замполит девятой роты, решил искупаться.

– Бойцы, за мной, – крикнул Мурат, раздеваясь.

Все кинулись купаться. Крики, смех, шум. Как приятно в такой жаре окунуться в прохладную воду! Неожиданно для всех Мурат пошел к киризу. Резкий вскрик и тишина. Олег бросился на голос и понял, что Иброева утащило в кириз, под землю. Крикнув бойцам, чтобы искали и несли веревки, Олег положил автомат на землю и нырнул в эту подземную глубину кириза. Часть бойцов осталась на берегу для страховки. Вот нырнул и вынырнул Олег, что-то крикнул и снова скрылся. Видно, не хватало сил преодолеть течение. Прошли пятнадцать минут, тридцать, час, а Олега все не было.

Это и есть смерть героя. Еще Александр Суворов говорил: «Сам погибай, а товарища выручай». Только в данном случае погибли оба. Странно как-то, не логично – утонуть в пу-

стыне. И все-таки это смерть героя.

Потом перекрыли арык, спустились вниз, достали тела, отправили на Родину. При вскрытии обнаружилось, что у Олега в легких не было ни капли воды, то есть он, задерживая дыхание, просто задохнулся, до конца борясь за свою жизнь и жизнь Мурата.

* * *

Гораздо позже, вернувшись из Афганистана, Андреев заехал в город Ливны Орловской области, где похоронен Олег. Зашел к родителям, навестили могилу. Оказывается, его именем назвали улицу в городе. Улица капитана Филиппова. Звучит.

Родители рассказали, что у Олега растет дочь – Галина. Вот это да! А ведь тоже был холостяком заядлым. Галина – красавица во всех смыслах. Высокая, стройная, вся в Олега. А предыстория с рождения такова: старшин лейтенант Филиппов служил в ГСВГ*. В военной городке всегда много незамужних женщин. Он встретился с одной. Родилась Галина. Родители ее впоследствии расстались. Галину воспитывали родители Олега. Эта женщина к ним неоднократно приезжала. Такая вот история.

ДИКОБРАЗ

Пошла вторая колонна. Все «бурбыхайки» встали на обо-

чину. Как обычно, их жены и наложницы открыли лица. Честно говоря, красивые у них женщины. Зачем прячут под паранджой такую красоту? Волосы почти черные, все в золоте, большие открытые глаза, высокая грудь, осиная талия и никакой полноты. Их что, мужья в холодильнике держат? У них, у афганцев, даже обряд есть такой. Когда нужно сына женить или дочери выходить замуж, родители собираются, разговаривают, договариваются о цене за невесту – о выкупе. Затем мать жениха осматривает будущую сноху: на красоту, на «целостность* и прочее. От этого зависит цена выкупа. Потом, при мулле, заключают сделку. Ну а далее свадьба, дети и прочее. Ни жених, ни невеста друг друга до первой брачной ночи не видят. Цены на красавиц жен в те годы колебались от 100 до 150 тысяч «афганей*».

Спокойно все. Нет стрельбы. Вдруг один дурак влетает в эту проклятую яму на «бетонке», его КамАЗ улетает на обочину, затем в виноградник. Все, «труба». Вытаскивать надо, а рядом чистое поле.

– «Броня-23», держи на прицеле сушилку. Кумарбеков, разверни миномет на виноградник, но не стреляй. Огонь откроешь при обстреле, – приказал Андреев.

Все уже поняли, что нужно заблокировать огнем этот КамАЗ, дальше все шло без команды. Бойцы и сами быстро сориентировались.

Залибеков подогнал БТР, свернул в виноградник, распустил лебедку. Зацепили – вытащили. КамАЗ этот влился в

колонну, колонна идет, а самое главное – обошлось без потерь.

Залибеков, ставь машину на место, да подожди, меня-то забери, – распорядился взводный. Пришлось сдавать задом. Андреев выглянул из люка, встал на сиденье, опершись спиной о его край.

Вправо – влево, вправо – влево.

Взрыв. Андреев остался жив, только почему-то спина разодрана. Да, лицом оказался возле педалей, хотя был наверху. В машине – никого. Кое-как выбрался из БТР-а, вышел на лужайку и упал: не от боли. Её еще не было. Просто устал.

–Товарищ лейтенант, – закричали бойцы. Хотели вызвать «вертушку», но взводный сказал: «Нет. Оклемаюсь и так». В роте ведь осталось всего два офицера.

БТР – развалина. Правый движок вырвало и вместе с бронелистами выбросило на землю. Внизу дырища 2х2 метра. А если бы взрыв был под командирским сиденьем? Просто был бы еще один «спутник» Земли. Жаль машину. Всего-то с месяц назад получили из Союза.

Старайся принимать без позора мученья.
Не жалуйся на боль – вот лучшее лечение.
Чтоб стал бы богачом, за нищенский удел
Благодари светил случайное стеченье.

* * *

–Товарищ лейтенант, дикобраза поймали.

–Что?

На самом деле. Блин, колючий какой, – закричал Загренко. Просто иглы у дикобраза были очень острыми.

–Где рота? Как с колонной?

–Все нормально. Нас просто оставили прикрывать два Камаза и сопроводить до батальона, – доложил Эрданаев.

–Балтабаев, раскладывай костер. Попробуем, что это за зверь, – распорядился Андреев.

Нашли дрова, разделали тушу, сняли шкуру, пожарили на вертеле. Взводный пришел в себя.

–Балтабаев, дай хоть попробовать что ли.

Нэсу, нэсу, – откликнулся «краснозвездный* повар. –«Да. Ничего, – подумал Андреев, – похоже на свинину.

Поэтому мусульмане не едят дикобразов».

–Как там «камазисты»? Починились?

–Так точно, все готово, – ответил какой-то солдат.

–Поехали. Залибеков, заводи. Пойдем в хвост. За перевалом обгонишь. А то в пустыне КамАЗ-ы еще заблудятся, – распорядился взводный.

В ответ дружный хохот.

* * *

Утром пошли на завтрак. Бойцы, как положено, строем.

Офицеры – поодиночке с голым торсом. Сзади – смех. Это восьмая рота идет. Смеются за спиной Андреева – спина-то разодрана. Андреев про это и забыл.

Завтрак обычный. Суп из консервов, каша из банки. Масло и сыр были тоже из железных банок. Бойцы их определяли по звуку: если в банке бултыхается, то масло, ну, а если нет, то всем понятно – сыр.

В палатке – жарница, мухи. Тараканы – и те в такой жаре не живут. Только скорпионы, фаланги и змеи. Быстренько покидали в рот еду и обратно в палатку – спать. Ведь обед длится до 16 часов, пока жара не спадет. А каково в рейде? В бронежилете целый день?

НОВЫЙ ГОД

Вот и праздник наступил. Самый прекрасный праздник в году – Новый год. В батальон прилетел вертолет. Он прилетел из бригады один раз в два месяца. Всем ведь хочется конфет, вкусных консервов, печенья и прочих сладостей. Водку и даже шампанское привозили нелегально. И стоили-то прилично. Бутылка водки – 40 чеков (80-90 рублей), когда в Союзе – 5 рублей 30 копеек. Шампанское – 50-60 чеков. После праздников цены увеличиваются на 50-60 чеков.

Как всегда, прилетела любовница комбата Зоя, офицеры её звали Рыжей за золотистые волосы. Смелая была женщина. В прошлый прилет, по ее просьбе, по окончании торгов-

ли (а в тот раз все было раскуплено) Зою отправили колонной. Пока восьмая рота выставляла точки, блокировала дорогу, управление батальона стояло на горке возле кишлака Синжарай, производили обстрел из танка по наиболее опасным местам, где «духи» могут выставить засаду. Обстрел закончился, сели позавтракать или пообедать. Рота закончила блокировку. Тут появляются в небе два афганских МИГ-а. Вроде союзники. Заходят на горку. Может, шуткуются. От первого отрываются две бомбы, падают в метрах двухстах от горки. Одна даже взорвалась. Вот, гады, предатели, а летчики никудышные. Все кинулись врассыпную, в основном под бронетехнику. Вся горка в красных дымах. Может, обознались? Впоследствии оказалось, что нет. Специально хотели раздолбать командование батальона, отомстить за каких-то своих погибших родственников. Приказали танкистам развернуть ДШК. При заходе второго МИГ-а комбат приказал уничтожить «духов».

Зойка, ты какого хрена сидишь на броне? Вниз, немедленно вниз.

Хочу посмотреть. Интересно ведь, – ответила Зоя. – Все равно эти «бабай» плохие стрелки. Знаю.

Как это назвать? Глупостью или смелостью? Пока они переругивались, командир роты капитан Шаймердянов прыгнул на БТР, силой затащил Зою внутрь. В это время второй МИГ стал заходить на горку. Очередь из ДШК – и нет самолета. Что с ними церемониться, если нас бомбят? Вот такая

история, читатель.

После приземления выгрузили все вкусные продукты магазина. Сам магазин в палатке развернули. Началась торговля. Зои не было. Вместо нее торговала новая продавщица, по имени Валя. А Зоя – известно где, в палатке комбата. Там вся элита батальона собралась. Известно было и про Валю. Молодая, симпатичная девушка влюбилась в старшего лейтенанта полка ПВО, который рядом с бригадой стоял. А он вроде сначала встречался, потом бросил. Валька начала курить анашу, опускаться. Потом старшие подруги, особенно Света Загайнова, образумили. Валька взяла себя в руки, и вот результат: не пьет, не курит, и не... Хотя насчет последнего берет сомнение. Правильно ли это? Живым – живое.

Наступает вечер. Торговля закончилась. «Вертушка*», кроме магазина, привезла два кинофильма. А потом два месяца батальон смотрел «Рэмбо». Начальник ПО* бригады, наверное, хотел наш дух поднять. Правда, сам-то не посмотрел. В этом фильме С.Сталлоне воюет в Афгане и убивает целую дивизию Советских войск. Ничего больше не скажешь про начальника ПО – болван.

Перед праздником.

Перед праздником.

Бойцы уселись смотреть новые фильмы, потом – праздничный ужин и, конечно, у них праздничное курение анаши на ночь. Офицеры собрались в палатке артиллеристов.

В принципе, ужин был хороший. У пуштунов барана купили, приготовили плов, шурпа, естественно консервы. Затем песни. Кузьмищев Василь Васильевич взял гитару. «То-то не ветер ветку клонит, не-е дубравушка шумит...» Помнишь, наверное, читатель, эту песню. Потом Андреев что-то спел, затем пели у кого чем душа горит. Гришка Кудрявцев, командир батареи «ГРАД*», все к Вальке прицеливался.

В конечном итоге выцепил.

Пока Андреев с Кузьмищевым соревновались в том, кто больше песен знает, он ее и увел. В палатке раздастся:

Черный корон, что ты вьешься.

Над моею головой?

Ты добычи не добьешься.

Черный ворон, я не твой...

Гришка под эту песню умыкнул Валу. Он, правда, не знал, что она влюблена, то есть ее историю. Пошли они к артбатарсе машин «ГРАД», которые стояли рядышком, развернутые, готовые к бою. Он ей там что-то рассказывает, она отнекивается. Время уже 12 часов ночи.

—Гриш, а можно я постреляю из «Града»?

—Валют, что для тебя не сделаешь? Пошли в машину.

—А это что за рычаг, кнопки?

–Для дураков, чтобы чужой не выстрелил.

–Ты мне покажи, я выстрелю.

–Подожди еще десять минут, в 12 часов 10 минут мы обстреливаем «духов», то есть по целям бьем. «Духов» там может и не быть, ну это без разницы.

Работа есть работа. Г. Кудрявцев вызвал старшего наводчика. Раньше они назывались фейерверками. Уткнулись в карту, о Черный ворон, что ты вьешься. Над моею головой?

Ты добычи не добьешься. Черный ворон, я не твой...

то спорили, задали координаты «пакету*» и

–«Огонь»! Один снаряд, правда, Гришка оставил для Валя.

–Ну что, стреляй. Вот этот рычажок сдвинь и круги эту ручку.

–Я боюсь.

–Да чего там бояться?

–Огонь!

–Нет, давай лучше ты стрельни, а я в стороне постою, – умоляюще сказала Валя.

–Ладно, – согласился Григорий.

Валя вышла из кабины, обошла машину, помахала рукой Гришке, стала сзади. Гриша не посмотрел, где она? Выстрел, похожий на взрыв. Крик, шум, бегут бойцы. Валя стояла сзади. После третьего стакана, «пакета». Огнем и мелкими камушками ей посекло лицо, не считая того, что откинуло на

пять метров. Ничего, синяки пройдут.

Григорий Кудрявцев – хороший парень. А фамилия его соответствует волосам.

Есть такая болезнь – ностальгия – тоска по Родине. Каждый ее убивает как может. Гришка развлекался отстрелом мышей. Весь батальон жил в палатках, а артиллеристы выкопали две землянки. Летом в них хорошо, прохлада. Но зато мыши водились. Хотя мыши лучше скорпионов. Вот он сидит на топчане, прицелившись в угол. Вот-вот откуда вылезет мышь. Показалась мордочка, сама вылезла. Выстрел – и все.

* * *

Наступил новый день. Утром прохладно. Все бушлаты надевают. Зато днем! Весь взвод с голым торсом, только «лифчики», да штаны.

*Праздник продолжает батальонный доктор ст. л-т
А. Федоров (второй слева), Л Андрееву пора в Пальчухамед.*

Праздник продолжает батальонный доктор ст. л-т А. Федоров (второй слева), Л Андрееву пора в Пальчухамед.

Дали команду выехать на сопровождение колонн. Что ж, вперед! Впереди, как всегда, БМР (боевая машина разминирования). Командиром там Серега Кунин с позывным «Луна». Так его и звали. Был с ним случай. Он и командир танковой роты жили в палатке восьмой роты. Полдень. Жара. Все изнемогают. Тут появляется Серега, «НИКАКОЙ». Командир танковой роты Миленный Михаил Михайлович давай ею подкалывать.

—А вот сейчас не сможешь запал взорвать.

–Смогу.

–Да не гони. У тебя руки не те.

–Смотри.

Тут Серега вытаскивает запал, присоединяет провода, и к «адской машине». «Куда бы этот запал засунуть? В тумбочку! Это идея», – крикнул Сергей. Кладет в верхнюю часть тумбочки, закрывает ящичек, затем дверцу, удар ладонью по шляпке рукоятки взрывателя и тумбочка развалилась. Потом Сергей упал на свою кровать. Михалыч набрал кружку воды:

–Серега, давай полью тебя, может, прорастешь.

–Давай. Ой, хорошо. Ещё, еще.

После третьей кружки Михалыч сказал: «Хватит, и так постель вся мокрая».

–Я еще хочу.

–Нет.

Все офицеры хохочут.

–Воды больше нет, – сказал Михалыч.

–Ах, мало?!

Вскакивает и бежит куда-то. Примерно минут через пятнадцать подъезжает автомашина ПАРМ. Заходит Серега со шлангом в руках. «Огонь!» Тут все, кто был в палатке, не знают, куда бежать. Мощная струя воды буквально сшибала с ног. Хоть лишний раз помылись. Не надо в баню идти.

Обычная колонна, идут Камазы, другие грузовые машины. Все в пыли, «броники» на боковых стеклах. Наверное, около часа шли. Команда сворачиваться, и тут в эфире раздается голос комбата:

–«08-й», где там Серёга «Луна»? Пусть готовит магарыч. К нему заменщик приехал.

–Сан Саныч, вы так не шутите, а то меня паралич разобьет, – тут отозвался «Луна».

–Какие шутки!? Мне из бригады сообщили.

–Ура!!! Наконец-то, – закричал Сергей.

Дальше он выскочил из БТР-ки и давай отплясывать. Ротный затащил его к себе в БТР, они хлопнули по кружке браги.

–Ладно, Серёга, Поздравляю. Пора трогаться. Бери свой автомат и поедем.

–Не давайте мне автомат, не давайте. Я боюсь его. Еще нажму что-нибудь не так, – стал дурачиться Сергей.

Так под смех и прибаутки рота вытянулась в пустыню, по дороге прихватив еще одного заменщика. С колонной приехал заменщик техника восьмой роты, Тимофеевича. Вся пехота, естественно, уселась сверху на броне. Заменщик Тимофеевича сидел на «реснице». Это броневой лист, который закрывает лобовое стекло БТР-а. Взрыв. Это мина взорвалась под БТР-ом командира роты. Бойцы сверху посыпались на землю, а заменщик «рыбкой» полетел вперед. Вот и боевое крещение в первый же день. Никто серьезно не пострадал.

Посмеялись и стали собираться в дорогу. Подвязали разбитый редуктор левого переднего колеса – и вперед. Рота подъезжала уже к батальону, вдруг в эфире раздается голос комбата:

–«08-й», я «нулевой».

На приеме.

–У вас один «0-21 -й».

–Не может быть. Все «карандаши» на месте.

–Да он просто сбежал. Был дневальным по роте. Богач фамилия.

–Дела! Андреев, ротный и группа «85-го», обходя колонну, понеслись в гарнизон. Прилетели прямо к офицерской палатке, стали всех подряд опрашивать. Оказывается, полчаса назад Богача видели уходящим в сторону гор, за которыми находился кишлак пуштунов. Поехали, вернее понеслись. При подъезде в первой граде бойцы увидели Богача, доложили ротному. Тот дал команду прибавить скорость. Метров за пятьсот до Богача БТР остановился по приказу ротного. Тот шел себе спокойно. Как будто бы не видит погони. Дали очередь из КП ВТ – ноль эмоций.

–Товарищ старший лейтенант, давайте кончим его. Вон и снайперка есть. Стоило из-за этого козла бензин тратить? – говорили бойцы.

–Нет, – сказал ротный. – Дайте очередь возле него.

Пулемет ПКТ отработал прямо под ногами. Богач остановился, повернулся к БТР-у. Стоит. Потом пошел навстречу,

медленно-медленно. Еще очередь под ноги – побежал. Что ж? Убивать его? Бить? Судить? Он ли виноват в этой войне? Мне, читатель, его не жалко. Я бы сам его расстрелял за предательство. Ведь он предал самое дорогое – память о своих погибших друзьях.

Наши солдаты за шесть-семь месяцев становились профессионалами или гибли, в том числе и морально. Тело еще живет, ест, пьет, а человек уже умер. Нет в нем души. Так было и с Богачом. Прибыл он молодым солдатом: взгляд бодрый с огоньком. Дали ему сразу БТР №384, он был водилой. Такого не случалось никогда. Казалось, служи. Флаг тебе в руки. Через день сопровождение, потом еще и еще. А его БТР стоит, неисправен. Получается, взвод едет в одном БТРе. Ведь это лишний риск. Попади из гранатомета в переполненную машину – получается фарш. Это знали все.

Через два месяца после этого Эрданаев привел Богача к Андрееву. Он поймал его на батальонной помойке, где Богач жрал отбросы. Не потому, что голоден был. Консервов хватало на всех, даже оставались. При наличии связи с пуштунами свежая баранина была всегда. Просто он морально сломался, психологически умер. Захотел заболеть «желтухой». Ведь заболевших лечить отправляют! в Союз.

Вот и наступил его последний этап – бегство из армии к «духам». Потом привели его в батальон, посадили в отдельную палатку под охраной, чтобы свои не прикончили. На следующий день прилетает главный «праведник» – началь-

ник ПО бригады полковник Стефан Козлинский. Начались главные разборки, то есть «судилище*». Как в армии говорят, внимательно разобравшись, наказать кого попало. Недаром главный палач Петра I, точнее начальник сыскной палаты Федор Юрьевич Ромодановский, сказал про праведников: «Крылья у них белые, а в под крылышках – чернота. Всегда праведников боялся, всегда. Грешник – он весь перед тобой, как на ладони. С ним легче». Такой и был начПО бригады.

Ну и началось. Ротному и взводному – по строгачу, секретарю комсомольской организации – тоже строгач по комсомольской линии, замкомвзвода сняли. Правда, на «губу» никого не отправили: воевать некому. Богач, естественно, переведен в хлебопекарню бригады. Вот так. Кто прав? Кто виноват? Война или вся восьмая рота? Говорили, Богач и на хлебопекарне был затюканный до самого дембеля.

БОЙНЯ

Заходили с запала, со стороны пустыни. Начальника штаба в батальон прислали из Союза капитана Шубина Анатолия Николаевича. Шло две роты – девятая и восьмая. Первые укрепления «духов» в виноградниках взяли с налету. Тишина. Батальон начал продвигаться по маршруту. Первые домишки, вот и Махад-жири. Точнее, его окраина. Слева гранатовый сад, справа виноградники и потом несколько домишек. Посредине поле, расширяющееся вдаль. Батальон

втянулся в правый кишлачок. КП (командный пункт) расположен в доме. Далее снова поле шириной метров сто пятьдесят¹, затем сплошные виноградники. Тут и встретили огнем. Так, легкая перестрелка. Пару-тройку гранатометов, один пулемет.

Командир отряда белуджей Бисмилла-джан.

Командир отряда белуджей Бнсмила-джан.

Андреева с группой послали в гранатовый сад, обойти «ду

хов» слева. Попов приготовился перейти по сухому руслу арыка большое поле, Леве Ковалеву дали команду обойти сплошные виноградники справа по пустыне. Остальные ответили «духам» фронтальным огнем. НШ батальона вызвал «огонь» минометной батареи. Полетели куски земли, срезанные истки винограда. «Духи» отошли в глубину, но сразу же вернулись. Тут взвод Андреева, зайдя «духам*» во фланг, врезал залпом. Лева уже подходил к дувалу виноградников, добавил тоже. «Духи» снова отошли.

– Две девятки, вперед. – скомандовал капитан Шубин. – «85-му» и «81-му» продвинуться на двести метров и прикрыть «99-го».

– Понял, – ответили они.

Втянулись. Андрееву ни черта не видно. Одни деревья со всех сторон. Того и гляди душманы ударят в упор кинжальным огнем. Еще один дувал, дальше виноградники.

– Эрданаев – с первой группой по левому дувалу, смотреть влево, прикроешь. Остальные – за мной, – распорядился Андреев.

Затем заняли этот виноградник, обеспечив себе прикрытие со всех четырех сторон. Основная группа под командованием лейтенанта направила оружие вправо, где продвигал-

ся взвод Попова. В это время Лева Ковалев, обойдя виноградники со стороны пустыни, заблокировал справа. За ним в пустыне стояла огромная крепость. Туда он посадил пулеметчика и АГС-17. «Духи» выследили его маневр и напротив его засады в «сушилку» установили пулеметное гнездо. Пока тишина. Но это все было обманчиво. Эта банда и не собиралась бежать. Видно, потерь у них было мало и они собирались дать бой батальону. Взвод Попова осторожно продвигался по широкой улице между двумя бесконечными виноградниками. Недаром говорят, что ожидание смерти хуже самой смерти. Тоже можно сказать и о бое. Ожидание боя хуже самого боя. Когда стрельба – вес понятно. Вот он – я, вот – противник. Только воюй с ним умело. А когда тишина – нервы на пределе. Неизвестно, откуда и когда раздастся выстрел, а то и залп.

–Товарищ лейтенант, смотрите, – крикнул солдат командиру взвода лейтенанту Попову. Тут же раздались два выстрела, и бойцы принесли трофеи – два «духовских* автомата. Эти два душмана лежали в правом винограднике. Хотели пропустить взвод Попова, после того как завяжется бой, ударить взводу в тыл. Один из бойцов случайно заглянул за дуван, увидел их и отправил к праотцам. Ничего, в их раю гурии ублажат этих «бабаев* за столь бездарную смерть.

Взвод Попова вышел на перекресток и туг – залп. Стреляли с фронта и правого фланга. Один из головного дозора был убит сразу. За ним шел зам комвзвода*, сержант Соловьев,

его легко ранило в живот. Пуля пошла касательно. Он прыгнул вправо, дал короткую очередь в два патрона (экономный, черт) в душмана, который стрелял справа. Есть. Повис на завале камней. В это время взвод уже рассредоточился и вел бой. Били прицельно, огонь артиллерии был не нужен. Можно было случайно зацепить взвод Андреева. Снова автомат на автомат. Соловьев оказался отрезанным от основной группы, но не растерялся. Опытный был солдат, уже полтора года служил в Афгане. Тут из-за этого завала по нему выстрелили из «бура» (винтовка английского производства). Мимо. До «духа» метров тридцать. Соловьев бросился вперед. В магазине патроны кончились, а перезаряжать было некогда. Он бежал между двух дувалов зигзагами, бросаясь из одной стороны в другую, падая, кувыркаясь. А душман стрелял, все пытаясь в него попасть. Пули ложились буквально в сантиметре. Прыжок. Удар ножом. Кровь брызнула на лицо Соловьеву. И в это время умирающий «дух» выстрелил. Оба рухнули на землю. Душман умер почти сразу. Соловьев был еще жив.

Основная группа раздолбила из «Мух» укрепления банды. Начали вытаскивать Соловьева и убитого бойца. Справа шла перестрелка. Это Дева Ковалев воевал с пулеметным гнездом. Послышалось два взрыва (это были «Мухи»), и «духовский» пулемет затих. Уже темнело. Никто даже не обратил внимание на то, что бой шел целый день.

—«85-й», «99-й», «81-й», выходите на восток к крепости

в пустыне, – раздался в наушниках голос НШ батальона, – там заночуем.

–«Нулевой», я «01-й». Срочно нужны «восьмерки». У нас один «0-21-й*» и один «трехсотый – тяжелый*». Посадку обозначим.

–Понял «01-й». Ждите через пятнадцать минут, – ответил комбат.

Все группы батальона стали стягиваться в крепость. Взвод Андреева по дороге прихватил в плен «духа».

–«01-й», я «85-й», Взяли «духа». Что с ним делать?

Сам не знаешь? «Отправь в Кабул*»!

–Понял.

Вот и крепость. Весь батальон там устроился на ночлег, расставив парных часовых на ее стенах. Ждут «вертушки». Андреев обошел обширный двор. Убитый солдат лежал в нише стены. Он подошел к взводу Толика Попова. Там было мрачное молчание, слышался всхлипывающий голос Толика: «Соловей, Соловей. Соловейчик. Ты подожди, не умирай. Сейчас придет «вертушка» и тебя вывезут». Это плакал Толик. Мужчины тоже плачут, иногда. Раздался гул моторов МИ-8. Вертолет шел на посадку. Было уже почти темно, место посадки обозначили огнями. С дальнего кишлака застрекотал душманский ДШК. Бойцы ответили шквальным огнем по виноградникам и этому кишлаку. Пока «вертушка» садилась, понесли погибшего бойца и еще живого Соловьева. Перед самой дверью вертолета Соловей умер. Мир праху

его. Снова где-то в России взвоют матери. Вот прошел еще один день войны.

Утро. Точнее, только рассветает. Вот на востоке появилась красная полоска. Забрезжило. Батальон был уже на ногах. Пора выступать. Надо догнать эту банду, уничтожить ее. Кровь погибших солдат взывает к этому.

–«08-й» – по пустыне. «09-й» – вдоль виноградника, – приказал начальник штаба. – Бейте всех.

Тишина. Где-то блеют овцы, слышны покрикивания погонщиков. Ага. Вот и тапочки душманов, кровь на земле. Они тоже своих не бросают. Бросить раненого товарища – значит запятнать свою честь мужчины. Ну, тогда догоним.

–«08-й», «09-й», я «нулевой», впереди могут быть засады.

–И так ясно.

–Кто сказал? Я «нулевой».

–В кожаном пальто.

–«Нулевые», я «нулевой», прекратить базар.

Все, естественно, заткнулись после команды Сан Саныча, то есть комбата. Все его любили. Это был мировой мужик, гвардии майор Александр Александрович Терехов. Если хотя бы кто-то из бойцов попал в засаду, то весь артдивизион, «вертушки» работали только на ЗМСБ, пока не вытащат этого солдата.

Батальон пошел тремя колоннами. Вот «зеленка*» углом выступает в пустыню. Значит, здесь может быть заградительная засада, то есть смертники. Так и есть. Оттуда раздается

огонь пулемета, один выстрел из гранатомета. «Духи» – дураки. Думают, что если из РПГ-7 дать по пехоте, то все испугаются. РПГ-7 предназначен только для бронетехники. А на психологический эффект пусть не рассчитывают.

–Две «девятки», накрой их.

–Понял.

Выстрелов не было. Только хрипение. Батальон идет дальше. Прошли три-четыре заброшенных кишлака, сожгли склад продуктов, потом в подвале мины обнаружили. Не тащить же их? Взорвали. Так роты шли целый день. Каждую секунду настороже. Неизвестно, когда раздастся выстрел, а то и залп. Один выстрел, правда, раздался, но наш снайпер его снял. Старик был какой-то. Из «бура» стрелял. Так и прошел целый день в перестрелках.

На ночлег батальон устроился в огромном доме, обнесенном высокими стенами. С юга – пустыня, с остальных сторон вплотную подступают мелкие виноградники, вдали – небольшая рощица. Распределились по комнатам для ночевки, выставили посты. Вдруг часовой докладывает:

–Возле края деревьев чалмы шевелятся.

–Так стреляй, что спрашиваешь. Ты, молодой, поступай по американскому принципу: сначала убей, а потом разбирайся, кого убил, – расхохотался сержант.

Выстрел снайпера – один «дух» лежит. Ещё выстрел – второго положили. Тут же группа бойцов восьмой роты кинулась к этим деревьям. Прошло полчаса, возвращаются. Та-

щат две снайперские винтовки: СВД и американскую М-16-А-4.

–А где же раненый «дух»? Ведь одного-то всего лишь ранило, – спросил начальник штаба капитан Шубин.

–Так, он «кончился». Мы только подошли, а он уже «того», – промямлил сержант Каримов, звероватого вида.

–Ты мне брось заливать. Ты свои блудливые глазки-то не строй. А кровь у тебя на рукаве откуда? Что, прикончили? Да я вас под трибунал, – бушевал Шубин.

–Здесь не до трибуналов. Понял? – распорядился командир восьмой роты. – Всем разойтись по пещерам. А вы, товарищ капитан, пожалуйста, за мной.

О чем там они говорили, никто не слушал, но минут через пятнадцать все утихомирились. К огорченному и подавленному солдату Каримову подошел Андреев:

–Ты не расстраивайся. Все пройдет. Он еще молодой. Оботрется, обстреляется.

–Да я их гадов зубами грызть буду. За моих погибших ребят. За что он меня под трибунал? Ведь вы сами знаете: сегодня «духа» сдашь в ХАД*, а завтра он на свободе.

–Успокойся. Глотни из моей фляги. Это хороший самогон, сказал Андреев.

–Нет. Я – мусульманин. Мне вино нельзя. Я лучше «косяк» забью.

–Как хочешь. – вздохнул лейтенант.

–Товарищ лейтенант, там корова бешеная, – доложил кто-

то из бойцов.

–Что значит бешеная? Так пристрели ее. Хоть мясо будет.

–Понял, – рассмеялся боец.

Корова была интересная. Обучена, как сторожевой пес. Охраняла свои владения. Когда тушу коровы освежевали, вытащили из ее сломанного стойла, начали щупами протыкать навоз. Так и есть. Раскопали и нашли железный ящик с деньгами, пистолетом «Парабеллум» с патронами. Точно, как собака охраняла. Впоследствии этот пистолет подарили комбату. В ночь подъем и вперед. Так с перестрелками гнали эту банду еще два дня. В батальоне потерь не было. Зато положили трех "духов" и взяли пулемет. Наш ПКМ. И где они их берут?

Батальон шел уже два часа. Всюду брошенные кишлаки. Развалины. Изредка где-то мелькнет бачонок. По ним не стреляли. Детей убивать грешно, хотя они нас убивают. В Афгане была поговорка: душманов убивать нужно за то, что они враги; женщин за то, что они рожают душманов; детей за то, что они будущие душманы. Но все-таки совесть у «шурави» была. Детей, стариков и женщин редко трогали. Вот впереди большой кишлак. Судя по поднимающемуся дыму жилой. Роты быстренько охватили с флангов, чтобы эта убегающая банда не ушла, и штурмовая группа Андреева и Попова пошла вперед. За пятьдесят метров остановилась. «85-й» брал левую половину от центральной улицы, «99-й» – правую.

–В атаку, вперед!

Проскочили первые домишки, жители стали разбегаться. Никто не стреляет. Старые «бабай» сидят, как сидели, детишки к ним прижались, смотрят настороженно. Боятся. Раз такое дело, пошли потихоньку, осматривая сараи, дома, сороды. В одном стойле нашли тяжелораненого «духа». Добивать не стали. Может, и зря. Просто жаль было смотреть на страдающего человека. Зато был сделан вывод: банда идет чуть-чуть впереди нас.

Вот и ночлег. Времени около четырех, впереди огромная крепость. Таковую Андреев еще не видел: стены высотой метров семь, башенки на углах, перед входом передовые укрепления. Ну а ворота – это шедевр искусства: из широких досок цельного дерева, обитые железом и медью, с узорчатыми завитушками, наверное, из пушки не пробьешь, толстенные.

Наконец-то отдых: ночлег, сытный, если так можно назвать. ужин. Еще профессор Мечников говорил: «Еда – самое интимное общение человека с окружающей средой». Как и ожидалось, крепость была брошена. Весь двор был заставлен сельскохозяйственной техникой. Часть бойцов начала планомерный обыск. Не прошло и пятнадцати минут.

–Товарищ лейтенант, смотрите, – доложил замкомвзвода.

–Да, черт возьми, вооружились неплохо, – произнес вслух Толя Попов. – Надо доложить Шубину.

–Товарищ капитан, обнаружили зенитную установку ЗСУ – 23-2 и два миномета. «Поднос*». Кроме того, патронов не

мерено, плюс гранаты.

Да, действительно целый арсенал, – подумал лейтенант Попов, – подготовились «духи» к нашему приходу.

–Товарищ старший лейтенант, тушёнки, зерна, еще какой-то дряни – полный сарай, – доложили бонны ротному.

–У них что? Перевалочная база для «духов»? Склад что ли?

–Смотри-ка, тушёнка американская. А это что за таблетки?

–Говорят, что если одну съешь, то бабу трахать неделю будешь. Ха-ха-ха!

–А если не съем?

–То всего три дня.

–Внимание! Ничего не трогать. Я сам дам команду, – раздался повелительный голос начальника штаба.

–Все по местам, – раздалось отголоски младших командиров.

Утро. Для вас, читатель, – это пять или шесть утра, может, даже десять. Для идущих на операцию – это 3-00. Батальон вышел из крепости. Сзади дым. огонь, все горит. Если боишься – не делай, а сделал – не бойся. Всю эту душманскую базу надо сжечь. Иначе потом из нее по нашим же ударят. Хотя в Библии сказано по-другому. Наверное, правильно сказано: насилие порождает насилие, зло – зло, боль – боль. Говорят, судьба, кэс- мет – говорят татары. Не знаю. Какая уж тут покорность, если советских солдат убивают

просто так, лишь бы убить. А скальпирование? А четыре вертолетчика, связанные колючей проволокой, затем положенные в ряд на бетонку. По их головам проехал тяжелый грузовик! Это что – ислам? Зуб за зуб. Это тоже в Библии сказано.

* * *

Батальон идет дальше. Везде виноградники, сады, брошенные кишлаки. Тоска. А на Руси вес зеленое и голубое: реки, озера, поля, леса. Когда все это кончится? Однако долг свой исполнять нужно. Не можешь – застрелись. Ты же офицер. Следы банды перед глазами. Вдруг пропали. Куда? Они на небо раньше времени вознеслись? Мы им такого права не давали. Тут уже виден край «зеленки», справа пустыня. Часть банды по следам уехала на машинах в пустыню. Ничего, наши вертолетчики их достанут. Тем более что по радиостанции «01-й» уже доложил. Остатки банды разбежались. В этом, да и не только в этом, управление батальона ошиблось.

– «Нулевые», прочесать кишлак и на выход, – раздался в наушниках голос комбата.

Пока обыскивали домишки, сушилки, начальник штаба собрал офицеров для постановки боевой задачи при следовании к бронегруппе. Восьмая рота с головным дозором «85-го» шла впереди, за ней управление батальона и девятая рота. Выставили боковое охранение – и вперед. Показалось небольшое стадо брошенных хозяевами ослов.

–Интересно, а ослиatina вкусная?

– Не знаю, не пробовал.

– Любое мясо вкусное, если свежее. А тушёнка – уже вот здесь, – говорили меж собой бойцы.

– Может, одного подстрелим?

– Не стоит рисковать – начальник штаба у нас «молодой», еще разорется.

– Товарищ лейтенант, впереди поле, – доложили дозорные Андрееву.

– Остаться на краю, сейчас подойду.

– «85-й» вышел к краю поля, доложил «08-му». Поле было шириною метров в триста. Слева в километре большой дом из белого кирпича. И где такой взяли? Справа виден конец поля. Расстояние примерно такое же. По краю поля – сухое русло арыка с вырытыми окопчиками для стрельбы и ямами от обстрела «вертушками». Говоря военным языком, хорошо подготовленная, укрепленная позиция.

– «08-й», я «85-й», ухажу вправо по сухому руслу, нужно обойти поле.

– Понял. А может, все-таки через поле? Устали все.

Нет, ты же знаешь. На поле выходить нельзя – это закон.

То же самое талдычил капитану Шубину Толик Попов, когда управление с девятой ротой подошло к полю. Однако, как сказал А. Азимов: «Против глупости сами боги бороться бессильны». Шубин дал команду главному взводу пройти через поле. В это время восьмая рота только заканчивала обход с правого фланга. За этим полем – «зеленки» метров

пятьсот, дальше бетонка и бронегруппа батальона. «Проскочим», – сказал начальник штаба. Ну и наивен же. Вообще, наивность – хорошее качество для девочки, наивный мужчина – синоним дурака. За эту наивность кровью платят.

Взвод вытянулся на середину поля. Залп – и тут началось. «Духи» взяли взвод в перекрестный огонь. Слева поливали из пулемета и автоматическим огнем, с фронта – гранатометы и винтовки. Идущие первыми два солдата были убиты сразу. Остальные легли на поле и начали расползаться во все стороны. Головы не поднять. Включилась восьмая рота. Обошли «духов» с тыла и флэша. Врезали им как следует. Одну засаду с фронта сбили. «Духи» даже свои трупы не успели вынести. Остался зловредный пулемет. Артиллерию и «вертушки» вызывать нельзя: слишком близкое расстояние между батальоном и «духами». Как всегда, нож на нож, автомат на автомат. Уже стемнело, когда бой кончился. Потерь в ротах больше не было.

После операции офицер из батальона полетел в бригаду отвозить наградные листы. Начал в штабе переписывать в книгу наградных. Вдруг читает, что за эту операцию начальник политотдела полковник Стефан Козлинский представлен к ордену «Красного Знамени». Оказывается, он спустился на вертолете в район боевых действий батальона, где девятая рота с управлением попала в засаду, и «умелым руководством вывел личный состав с наименьшими потерями». Офицеры только разводили руками. И где был этот козел во

время боя? Всем остальным офицерам и бойцам награды были зарезаны, включая и раненых. Только убитых наградили посмертно.

Долго ль будешь ты всяким скотам угождать?

Только муха за харч может душу отдать.

Кровью сердца питайся, но будь независим -

Лучше слезы глотать, чем объедки глодать.

Так и шла будничная жизнь лейтенанта Андреева.

Глава четвертая

КРЕПОСТЬ

Снова операция или рейд. В конце операции постановка блокпостов в «зеленке» Махаджири и Пальмухамед. Если точнее, то не Пальмухамед, Лальмухамед. Просто, на картах, которые складываются, на сгибе буква «Л» превратилась в букву «П». Батальон зашел в виноградники, справа гранатовый сад. Заблокировали две большие крепости. Пока первый взвод девятой роты Толика Попова обустроивался, подвели походную кухню, доски, матрасы и прочее. Расставили все по местам. Огневые точки наметили, оборудовали один блиндаж, завалили пролом в стене крепости. Больше ничего не успели сделать. Наступила ночь.

«Бабаи» тоже обустроили свою крепость. Рядом с крепо-

стью «Шурави» заняла крепость полк афганской народной армии. Только полк – это громко сказано. В этом полку около 50-80 человек, из них 70 % – офицеры. Такая вот была афганская народная армия. Исключение составлял спецназ. Это действительно молодцы. А здесь была пехота, 100 километров прошел – и еще охота.

Батальон откатился из «зеленки» за дорогу. Между батальоном и крепостью – метров двести, но каких! Тишина. Какие-то там насекомые стрекочут. Если бы это было в России, то были бы кузнечики или цикады. А здесь, может, скорпионы или ядовитая саранча. Небо иссиня-черное. Звезды, как маленькие лампочки, так ярко горят, что светлее становится. Видно вокруг метров на сто.

Взрыв, второй – и понеслось: «Аллах акбар. Урагша». Красиво было наблюдать, рассвет еще не наступил, чуть только полоска неба порозовела. Небо еще черное, а по нему огненные трассы гранатометов, пуль, на земле вспышки взрывов от мин и снарядов.

Мгновенно три огненных столба. Затем вспышки взрывов, тучи пыли. Это наши танки. После этого то же самое. Снова тишина. Минут через пятнадцать «духи» опомнились и опять защелкали пули, полетели гранаты из гранатометов. Естественно, батальон ответил на всю мощь.

- «Нулевой», я – «две девятки», – запросил в эфир Толик.
- На приеме, – ответил комбат.
- У меня два – «ноль – двадцать первых».

–Понял, высылаю «коробочку».

«81-й» БТР пошел в крепость. Батальон ударил из всех видов оружия для прикрытия. Навстречу БТР-у ударило два гранатомета. Мимо. «Духи» всегда плохо стреляют, особенно из гранатомета.

Вообще, ночной бой – самый бестолковый. Противника видно по вспышкам его выстрелов. Туда же и ты стреляешь. А попал – не попал? Кто его знает? Правда, есть одна особенность в ДРА. На следующий день нужно осмотреть кладбище возле ближайшего кишлака. Сколько новых шестов с зелеными флагами появилось, столько наши «духов» загубили. А зеленые флаги означают неотомщенную душу.

Пришел «81-й». Двое убитых: один молодой солдат, другой дембель. До отъезда домой ему оставался один месяц. Снова в чей-то дом пришло горе. А звёзды все так же светят. Что для них людские страсти? Они просто есть и все.

Толя Попов отстоял в крепости Пальмухамед месяц. Кроме того, таким же путем была занята крепость Махаджири. Там стоял Шурик Липанчиков. Ну, там была вообще крепость как у рыцарей из средних веков, с башнями на углах, подвалами. Её, правда, обстреливали не меньше, но все же она была мощнее. А туг прямо с фронтальной стороны огромный пролом, который на метр завалили кирпичом. Хотя для поддержки было два миномета, АГС-17, два танка, три блиндажа плюс слева «полк» афганской народной армии. Задача у всех одна – обеспечение прохода советской

колонны в бригаду и корпус афганской народной армии в Кандагаре.

Толика сменил командир первого взвода восьмой роты Лева Ковалев. Ну, Лева – это для нас. А так Владимир Васильевич.

Во время смены произошел курьезный случай. Верна поговорка: «Война – войной, а обед по распорядку». Время обеда. Сели, выпили они с Толиком по кружке браги, начали есть. Тут «духи» огонь открыли. Да одна мина попала возле входа в помещение офицеров.

У вас что во время обеда всегда такая кутерьма? – спросил Лева.

Бывает и хуже, – ответил Толик. – Как-то в трубу походной кухни мина залетела. Повар жив, а кухня... Пришлось менять.

Так дело не пойдет.

Да просто у «духов» и у нас по времени совпадают только завтрак и ужин. Ну, еще ночью сон, с часу до четырех. Остальное время, сам понимаешь, обстрелы, изредка штурмы бывают. А обеды не совпадают. Они обедают с 12 до 13 часов, а мы – с 13. Вот и результаты, – объяснил Толик.

–Таджибаев, ко мне, – крикнул Лева, – да захвати «матюгальник», то есть мегафон, я хотел сказать.

Направились они в ближайший блиндаж.

–Таджибаев, переводы. Как вам не стыдно нас обстреливать во время обеда. Совесть поимейте, дайте пожрать, а то

намаз испорчу. Все перевел?

–Так точно, – ответил Таджибаев.

Вернувшись в офицерскую комнату, Лева добавил:

–«Ну, теперь посмотрим, что будет на следующий день, а то я все пять намазов, начиная с утра, буду портить». Толик рассмеялся. На следующий день «духи» перенесли свой обед. С того дня и крепость, и «духи» обедали одновременно.

–Так что ты там насчет штурмов говорил?– спросил Лева.

–Обычное дело. Правда, в атаку редко ходят, – ответил Толик и тут же засмеялся.

–Да, был туг один момент, – начал рассказывать Толя Попов. – Ночь. Тишина. Впереди, между виноградниками, поле метров 200 в глубину. Вдруг началось: «Алла, Алла, Аллах акбар, урагша». Все поле осветилось факелами. Это «духи» в психическую атаку пошли. Вот дураки. Обкурились что ли? Ну, врезали им со всех видов оружия, что имеется. Через 2-3 минуты ни «духов», ни факелов. Куда делись? Бойцы смеются. Нельзя же так наглеть. Хоть повежливее были бы что ли. А то поспать не дали.

Лева катался по кровати, держась за живот от хохота.

–Да, насмешили вас «духи».

БУДНИ

Сопровождение. Обычное дело. Батальон разъехался по

позициям. Бойцы все в теплом. По утрам бывает прохладно, а днем – жара несусветная. Сады все голые от листьев. Пустыня есть пустыня, желтый цвет. Лева долго думал, где «точки» выставить. Определился: возле развалин кишлака, подходящего к бетонке и в гранатовом саду, подальше.

–«Нулевые», «ниточка» пошла, – раздалось в эфире.

Все, разумеется, ответили, что поняли. Выехал и Лева.

–«Нулевые», «ниточка» сошла с бетонки в пустыню. Можете возвращаться по своим местам. «08-му» сопровождать и заблокировать Нагаханский поворот, – приказал комбат.

–«08-й» понял.

Оказывается, по разведанным, на этом участке дороги "духи" заложили несколько фугасов. А колонна-то шла с авиабомбами. Рисковать не стоило.

–Водила, заводи, поехали.

–Куда, товарищ лейтенант?

–В сторону Синжарая. Мы что, не хозяева трассы? – сказал Лева. – У меня сегодня день рождения.

–Хоть повеселимся.

Взвод запрыгнул в машину. Поехали. Мог бы вернуться в крепость, но Лева не захотел. Он раньше решил все по-иному и решения менять не стал. Такой был Володя Ковалев. Цельный, стремительный, упорный в достижении цели, вплоть до упрямства.

Слева – пустыня, справа – «зеленка»: разрушенные домишки, сады, виноградники. А ведь кто-то раньше жил в

них. Где эти люди? Куда ушли? Наверное, воюют против нас. Кто его знает? Вот разрушенный кишлак.

– Всем внимание. Левый борт, автоматы. Наводчик, пулемет налево, – приказал Лева. Он как будто чувствовал, что «духи» готовят засаду, Точно, так и есть. Только они не успели занять свою позицию. Как толпа баранов сгрудилась возле крайнего дома, два мотоцикла у них. Решают, где удобнее залечь. Туг вылетает Левин БТР.

– «Духи» возле домика.

– Огонь! – заорал Лева.

Шквал огня. Половина полегла сразу, остальные побежали в поле. Почему в поле? Могли бы юркнуть в развалины. Один даже успел мотоцикл завести и поехать, опять же по полю. Дальше били на выбор. Мотоциклиста – последним. Пехота быстро высадилась, залегла. Может быть. и другая группа уже ждет открыть огонь из развалины. Нет. Тишина.

– Забрать оружие, мотоциклы – и в БТР, – распорядился Лева.

Бойцы, что-то буйно обсуждая, забрав оружие, покатали мотоциклы. Оружие у «духов*» примерно такое же, как у нас: автоматы АКМ китайского производства, гранатометы РПГ-7, пистолеты различных марок. Правда, в этот раз попалась американская винтовка М – 16А4 последнего образца. Впоследствии стреляли из нее. Ничего особенного. Приклад и цевье из какого-то пластика, отдача сильная. По сравнению с нашим АКС-74 никуда не годится. Поехали в кре-

пость.

В этот же день мотоциклы продали в Кишкинахуд за 60 000 афганей. Накупили провизии: барашка, фанты, кока-колы (в Союзе их еще не было), зелени, фруктов и прочее.

Андреев подошел к какому-то «бачонку», продававшему фанту, и спрашивает: «Чан Пайса як дан фанта?»

Тот отвечает чисто по-русски, без акцента: «Здесь или с собою?»

Андреев сначала не понял, на каком языке говорит мальчишка, как как рассчитывал услышать речь на фарси. Когда до него дошло – аж челюсть отвисла.

–«С собой», – ответил лейтенант. Да! Вот и приехали. Дети афганцев чисто по-русски говорят. Да что сказать, у мальчишки глаза голубые. Кто ж его отец? Как в кино, право слово.

Справили день рождения, как обычно, как все дни рождения и праздники. Выпили, поели, попели песни под гитару, потом без гитары. Любимую песню Левы спели: «Черный ворон, что ты вьешься над моею головой». Она же любимая песня В.И. Чапаева. Русские всегда так. Хотя русский – это ведь только национальность. Там все они были шурави, товарищи, готовые отдать жизнь друг за друга. Всем это известно. Друг – это тот, который за тебя своей жизни не пожалеет. Не зря говорит пословица: «Друзья познаются в беде». А на войне быстро все познается, буквально за одну минуту – можно ли на тебя положиться.

Хороший был день для 3 МСБ. Даже выходка «долбаного Собака», то есть начальника хозяйственного взвода батальона, только развеселила. Примерно около часа ночи прошеле-стел двигатель автомобиля. Никого, естественно, не обратил внимания. Гулянка продолжалась. Утром встали, пошли на завтрак. Собак молчит. Потом догадались опохмелить его. Он и развязался.

Ночью Собак взял ЗИЛ-131, бойца-водителя и один автомат с подсумком. Мяса ему показалось мало. Поехал добывать. Луна на небе, звезды ярко горят, до бетонки километра два, там еще один километр и тут же кишлак Махаджири. Точнее, от кишлака остались одни развалины. Там давно уже никто не живет. Это база «духов», их наблюдательный пункт. Судя по всему, раньше здесь было очень красиво. Широкие улицы, высокие дувалы, арыки. На стенках красивейшие рисунки в восточном стиле: райские птицы, деревья, гурии.

Кишлак довольно большой, даже двухэтажные дома были. В центре – огромная крепость с остроконечными башенками на углах, бойницами. В середине ее дом с подвалами, стены в изразцах. С XII века краски блестят так же, как в наше время, несмотря на войны, бури, ветры столетий. Даже не верится, что здесь проходили войска царя персов Кира, Александра Македонского, Чингисхана, Черного хана – хана Великих Монголов Бобу-ра... Всех тянуло в благодатную землю. Вообще сам Кандагар – это Александрия XVI. Его основал Александр Македонский на пути в Индию.

Заехал наш прапорщик прямо в крепость, спустился в какой-то подвал. По пути сжег трактор, закинул в кузов три барана. Чует запах сладковатый, анашу курят. Тут же и протрезвел. «Бежать надо, – подумал Собак, – а то хлопнут здесь». Давай бежать. Уже когда садились в машину, раздалась очередь. Прапорщику задело пулей только мягкую часть ноги.

Омрачило день, да и всю жизнь тяжелое ранение Лехи Васюка. Большой, жизнерадостный крепыш, живчик. Спокойно стоять на месте не мог. Спортсмен, любимец женщин, красавец. Колонна сошла с бетонки, прошла пустыню, Нагаханский поворот, элеватор. Их раньше сопровождала ДШР, где служил Лёха. Позывной – «Сова». Кругом – тишина. Из «зеленки» ни одного выстрела. И тут взрыв: сработал радиоуправляемый фугас. Механик-водитель БМД погиб сразу. Леху ударило головой об люк и вместе с люком выбросило на обочину. Голова – кровавое месиво, лица не видно. Думали – труп. Еще одного бойца осколком брони ранило. Вызвали «вертушку», отправили в госпиталь. Когда подвезли всех троих к хирургическому отделению сгрузить раненого бойца, капитан – хирург спросил: – А это кто?

– Это убитые, их в морг.

– Ну-ка, дай я посмотрю.

Вот и не верь после этого в судьбу. Леха оказался живой, дышит. Сразу операция, затем в Кабул, потом в Ташкент. Сколько операций было – никто не считал. В конечном итоге

– выжил. Приехал через восемь месяцев в бригаду дослуживать. Два года для всех – это было дело чести. Иначе посчитают трусом.

Третью черепу у него заменили пластиком. Леха стал толстый, неповоротливый. Говоришь с ним одну минуту, он еще слушает. Потом его внимание рассеивается, он уже смотрит сквозь тебя. Сам говорит очень мало, медленно, больше молчит. Это уже не Леха Васюк, каким мы его знали. Это – другой человек, совершенно другой.

Для чего была эта война? Для кого? Кто-то на нее шел ради славы, денег, «железяк», то есть орденов. Кто-то свои силы попробовать, а кто-то ради того, чтобы Родина гордилась ими. Такими, как Васюк, Филиппов, Хузиахметов, Зинченко, Попов, Борисов и многими другими всегда будут гордиться.

Вот и наступил тот день. Пора менять Леву. Назначили Андреева. Его взвод с поддержкой (минометные расчеты, танковые экипажи) собрался. Сухпай взяли на первое время, разные крупы, сухую картошку и еще всякую еду.

Подъехали к бетонке, вокруг все голо. За бетонкой еще 200- 250 метров до крепости по пустыне. Однажды по этой пустыне восьмая рота отходила, отстреливаясь, чуть ли не бежала. И кишлак был целый тогда. А сейчас вараны бегают, змеи ползают – полный набор.

–«84-й», вперед. «Броня-23», прикрыть огнем. Пару огурцов влево, пару – вправо!

Звук очередей, взрывы, потом тишина. Это Андреев въехал в крепость. Объятия, братание между бойцами. Что поделаешь? Средняя Азия. Поменялись местами, обустроились. Лева уехал в батальон, как всегда, с огневым прикрытием. Андреев обошел всю крепость. Смотри-ка, Лева даже баню задумал строить. Благо – кирпичи халявные. Рядом с крепостью полуразрушенный дом. Расставили посты, заинструктировали до слез. Еще бы, против взвода стояла группировка «духов» – около пятисот человек, а их было тридцать шесть человек, пятьдесят «бабаев* афганской народной армии. Но «духи» боялись одного слова регулярная советская армия, и вообще, нашего умения воевать. В первый же вечер Андреева навестил командир полка афганской армии Наджиб отдать дань уважения. Встретили как полагаются. Самогон, брага, тушенка, рис, даже сгущенка, не считая сыра в консервах и полурастопленного масла, тоже в консервной банке. Выпили, поели. В конечном итоге командира полка Наджиба унесли на руках. Его замполит после этого сказал Андрееву: «Вы его больше не поите. Хватит*».

Наутро ротный приехал. Проверить что и как. Обошел крепость, пообедал. Раздался очередной выстрел. Сколько их было – не сосчитать. Вот и кухня, закрытая с фронта стенкой из кирпича, сзади и с боков – стенками дома. Дальше терраса. По ней ходить было нельзя. Снайпер, зараза, пристрелялся. Эта часть дома отлично видна через пролом в стене крепости. Из гранатомета не попадешь. Расстояние вы-

стрела – метров восемьсот, а снайперская винтовка в самый раз. Лучше всего наша СВД. Сели пообедать. Очередной выстрел. И вдруг крики. Офицеры выбежали из комнаты на террасу внутренней стороны дома. Уже несут. Это был совсем молодой боец, прослуживший в армии два месяца, из них в ДРА – один месяц. Водитель командира роты. Он не знал, что по внешней террасе дома возле кухни ходить нельзя. Ему никто не сказал. Что ж теперь? Искать виноватых? Ведь человека нет! Черт бы побрал все эти войны.

Что такое смерть? Переход из этого мира в другой? Из одного состояния в другое? Страшно ли это? Наверное, да. Хотя этот паренек, наверное, не почувствовал ничего. Кто его знает? Он лежал на полу, изо рта шла пена, он хрипел. Пуля вошла ему в лоб и вышла из затылка. На полу натекла лужица крови, точнее мозги с кровью. Единственное, что можно было предпринять – это сделать укол промидола*. Без боли умереть ему было бы легче. Неправда это, что при попадании в голову человек умирает сразу. Он еще живет 30-60 секунд. Только на это больно смотреть. Где-то в России снова взвоят женщины.

Вот ящерка пробежала в свою норку. Скорее всего к своим детям. Все матери любят своих детей. Женщина – всегда мудрее мужчины, даже если она и моложе. Она заботится о продолжении рода. Одна мудрая восточная пословица говорит: «Не оскорбляй женщину, потому что под паранджой может скрываться лицо твоей матери». Оказывается, этот паре-

нек был женат. Кто бы мог подумать? Ну, теперь ему уже все равно. А матери? «Жена найдет себе другого, а мать сыночка – никогда», – поется в одной песне. Никогда – это страшно, это безнадежно.

Взвод взбесился. Все орали, что-то требовали. Андреев вызвал «Тюльпан»*. Сам полез на вышку, построенную на крыше дома.

–Один дымовой, огонь.

–Понял.

Взрыв, туча пыли. Андреев быстро выглянул, прижимаясь виском к косяку.

–Отлично, туда же залп.

Снова рев снарядов, разрывы, свист осколков. Снаряды ложились в ста метрах от крепости. Андреев, выглянув вдоль косяка, скомандовал:

–Ближе 50 метров.

–Не могу. Боюсь, снаряд оторвется, – ответил «Тюльпан».

–Огонь, черт возьми, – закричал Андреев.

Снова разрывы снарядов. Чтобы скорректировать наводку артиллерии, Андреев выглянул со своей вышки. В этот раз от косяка, даже не подумав, отодвинулся сантиметров на пять. Щелкнуло, куски штукатурки ударили в висок лейтенанту, он упал. «Живой или нет», – пронеслась мысль у Андреева. Лежа на крыше дома, он ощупывал себя. Крови вроде нет. Голова немного гудит от удара кирпичами. Ничего, пройдет. Это не самое страшное, даже не очень больно. Самая худ-

шая боль – это когда совсем ничего не чувствуешь. Снайпер, гад, выцелил на третий раз, когда лейтенант выглянул. Теперь понятно, почему фронтовики Великой Отечественной войны говорят: «третьим не прикуривают». Ночью от одной спички стараются прикурить как можно больше человек. Когда прикуривают первые двое, снайпер целится. В третьего попадает пуля. А горение спички ночью видно за пять километров. Так и здесь. «Духовский» снайпер знал, откуда корректируется огонь. В оптический прицел засек лейтенанта, прицелился, когда тот выглядывал два раза, а на третий – выстрелил.

Андреев на карачках сполз на лестницу, позвал артнаводчика. Это ведь его работа – корректировать огонь артиллерии. Каждый свое дело делает на войне.

С ротным вышли в дворик, прошли под навесом, вышли в проход между БТР-ом и домиком. Отсюда в пролом крепости тоже видно, куда ложатся снаряды артиллерии. А там! Сады и виноградники скрывались в туче пыли и огня. Не знаю, может, что-нибудь живое там ещё и останется. Только вряд ли.

Небо – пояс загубленной жизни моей;
Спелы павших – соленые полны морей;
Гай— блаженный покой после страстных усилий,
Адский пламень – лишь отблеск угасших страстей.

Что-то обсуждая, офицеры встали между БТР-ом и домиком. Расстояние от стенки домика до командира роты – сантиметров тридцать. Впереди блиндажи, где находилось трое бойцов, один из них вышел, вылил грязную воду из котелка. Картошку чистили. Начал чистить котелок песком от копоти. Внутри крепости все спокойно, бойцы ходят в полный рост, дымится походная кухня. А снаружи! Ад кромешный. Взлетает земля, обломки дувалов, куски веток от деревьев и виноградников. Когда ещё все будет восстановлено?

Как будто накаркал «Тюльпан». Один снаряд «отрывается» и падает на территорию крепости. И не просто в крепости, а прямо рядом с тем бойцом, что вышел из блиндажа почистить котелок. Офицерам показалось, что снаряд попал прямо в солдата. Взрыв, огонь, туча пыли. Вес, конец.

Вдруг из этой пыли вылетает очумелый солдат и проскальзывает в тридцатисантиметровую дырку между ротным и домиком. Бежит дальше, выбегает из крепости и в июле. Другие солдаты бросились его ловить. Кое-как поймали, связали, а то брыкался, драться начал. Налили ему солдатскую кружку крепчайшего самогона. Вроде немного пришел в себя.

–Кого там убило из вашего блиндажа? – спросил Андреев.

–Не знаю.

–Ты же там был. Кто вышел чистить котелок?

–Я, – ответил боец.

–Ты не торопись, подумай, – успокаивал его ротный.

Не знаю.

–Он ещё в шоке, – сказал Андреев.

Да, дайте ему ещё самогона и положите спать. Да к койке привяжите ремнями, – распорядился командир роты.

Тут же сменили расчет блиндажа, опросили их. Это невозможно. Не может быть. Все оказались живы. А тот боец, который сейчас спокойно спал, вообще родился в «рубашке». Это возле него разорвался снаряд. Как потом измерили, в половине метра. Его отбросило головой в стенку крепости, контузило, а на теле – ни царапины. Трудно поверить сейчас в подобные рассказы. Все, наверное, думают, что любят воюки, как охотники или рыбаки, приврать. И сейчас, по прошествии многих лет, Андреев все удивляется: «А было ли это? Могло ли быть подобное?». Объяснение одно: русские сказали бы – судьба, японцы – карма, турки – кысмет. Преодолеть ее – значит победить себя.

–Дулин! – кричит ротный артнаводчику. —Гаубицами хорош, вызывай «Град».

–Понял.

–Да, обработай там впереди крепости как следует, вплоть до 500 метров.

–«Тюльпан», я «85-й». Длинными «огурцами» огонь! Прицел тот же, с удалением до пятиста, – скомандовал артнаводчик.

Через минуту раздался рев. Это летели семиметровые реактивные снаряды из установки «Град». Говорить было невозможно. Андреев дал команду бойцам укрыться в блин-

дажах. Взрывы, снова рёв, снова взрывы. Казалось, небо смешалось с землей. Вдруг и крепость заволокло пылью. Сначала никто не понял, что снаряды падают уже в крепости. Тут мелькнуло что-то, падая на минометы крепости. Это в десяти метрах от стоявших офицеров. Взрыв, огонь, туча пыли. Розного швырнуло в дверь солдатской комнаты. Он упал на не совсем мягкие матрацы. Андреева кинуло головой об стенку. Что-то тяжелое навалилось. Сон. Так хорошо спать, а кто-то будит, водой брызгает. Так не хочется просыпаться. Вот что-то забрезжило, все в красном цвете. Вроде кто-то рядом стоит. Стало больно от удара. Вот сволочи. Офицера – по морде?

–Товарищ лейтенант, живой? Слава Аллаху. – сказал Эрданаев.

–Это он, ангел-спаситель, по морде надавал. Хотя кто его знает, может, лучше было оставаться в небытие? Андреева отнесли в офицерскую комнату, положили на кровать. Ротного отправили в батальон, артнаводчик сбежал с ним. По прошествии некоторого времени разобрались. В крепость попало семь снарядов «Град». Потерь не было, потому, как взрыватели были установлены на осколочное действие, то есть при соприкасании с землей – взрыв, куча осколков. А может потому, что Андреев приказал укрыться. Ямка от взрыва на земле остается с ладошку. Комбат долго не верил. Пришлось ему при очередном выезде за продуктами и боеприпасами привезти семь маршевых двигателей. Их не раз-

рывает.

Снова рейд. Опять не спать. В этот раз была армейская операция. Командовал генерал-майор Адмиралов, замком 40-й армии. Перед операцией спать вообще не пришлось. Так, немножко. В 3.00 подъем. Снова вперед. За день до рейда дали один день на отдых. Пусть так отдыхают наши президенты. Им весело будет.

Знаешь, читатель, что больше всего изматывает в этой стране? В жизни не догадаешься. МУХИ. От них никуда не спрячешься. Днем – жара, ходишь в одних трусах. И этот день отдыха – один блеф. Только легли поспать, началась атака мух. Простыней укроешься – жарко. Откинешь ее – мухи. Вот и весь сон. Лезут, заразы, в нос. уши. да куда только не лезут. От фаланг, скорпионов, змей можно защититься. Возле входа в палатку всегда лежала веревка, сплетенная из овечьей шерсти. Запаха овцы фаланги панически боятся. Овцы их едят. Змеи обычно не лезут в жилье человека. Хотя в бане жила одна старая гюрза, метра полтора. Обычно гюрза бывает до пятидесяти сантиметров, а это была большая, толстая. Заходит кто-нибудь в баню днем освежиться под душем, она лежит, свернувшись клубком, в углу. Потом Машка (так ее назвали), недовольно зашипев, оттого, что ее потревожили, с чувством собственного достоинства, уползет в свою щель. Так и жили, мирно сосуществуя, змея и люди. Змеи ведь первыми не нападают. Ну а скорпионы просто не могут залезть в палатку: она обкопана, нижние края завале-

ны земель. А уж мухи – бич для всех, божье наказание. Ничем от них не защититься.

НА ЖИВЦА

–Эрданаев, пусть загружаются. Лишнего не брать. Только боеприпасы и пищу. Кашу в банках тоже не брать, гранат побольше возьмите. По десятку на каждого, – приказал Андреев.

–Есть, – ответил замком взвода.

–По машинам! – скомандовал лейтенант.

–Поехали. Через пустыню проехать тоже трудно. Размытые дороги, арыки. Даже пропасти есть. Огромные, глубокие канавы. Их размывает весной. Вода с гор стекает. Тут еще ночь. Водители по инфракрасным приборам едут. Изображение удивительное. Все в зеленом цвете, в двух метрах перед носом БТР-а ничего не видно.

–К машине. «Пулевые», разобраться по местам. Первым идет «08-й», «85-й» – вперед, – приказал комбат.

–«85-й» понял.

–«07-му» взять северо-западнее.

–Я «07-й», понял!

–«Нулевые», идти на юг. Встречаемся на дороге в Карс. «09-й», блокируй перемычку «зеленки». Пошли.

–Товарищ лейтенант, ничего не вижу, куда идти? – доложила пара дозорных.

–Вдоль арыка, ищите место переправы, – ответил лейтенант Андреев.

–Темно, как у негра в одном месте. Ничего не вижу, – доложил дозорный.

–Всем стой! скомандовал Андреев. Обойдя бойцов, он вышел вперед. Пошли дальше. Действительно, идти трудно. Слева – арык, справа – пропасть. Идти можно только по узкой насыпи. Тут еще попал проем в насыпи. Андреев поскользнулся и чуть не упал. Наверное, войны посчитали его трусом.

* * *

Рассвет. Рота прошла через поле. Как умудрились? Обычно на поле расстреливают. Почти в упор, то есть с близкого расстояния. Потом добивают контрольным выстрелом. Вот по дороге попался какой-то заброшенный кишлак. Жителей нет. Все ушли. Значит, здесь живут «духи», а при приближении советских войск покинули кишлак и спрятались. Рота, недолго задерживаясь в кишлаке, обыскана наиболее подозрительные места на предмет наличия оружия. Ничего не нашли, но зато что увидели!

Андреев с тремя бойцами зашел в какой-то богатый дом. Два этажа, чисто побеленные стены, на них красивейшие персидские ковры: джеджим, ямань, сумаха*; пол выложен кафелем по-европейски, шкафы из какого-то дерева красного цвета, на полках всевозможные "духи", на коврах сабли,

мечи, ятаганы, старинные кремневые ружья, пистолеты. Действительно, здесь живет богач. Надо прочесывать дальше.

Пока обедали, отдыхали, бойцы начали «бой». Наловили скорпионов, фаланг и давай их стравливать в банке. Как на ипподроме. Ставки делают, спорят с пеной у рта. Вот в одном бою победила фаланга, перекусила скорпиона пополам. Челюсти у нее сильнее, двигаются вверх-вниз и справа-налево. Сама черная, мохнатые лапы, две из них, хватающие, выдвинуты впереди вверх. Пробежит по голому телу и останется дорожка, как от крапивы. Просто каждый волосок у фаланги – это маленькая, жалящая ядом крапивка. В другом бою скорпион, откусив своими клешнями все лапы фаланг, вонзил свое жало в тело паука. Так всегда. Война даже среди животных и насекомых идет насмерть. Кто из бойцов выиграл, кто проиграл, Андреева не интересовало. Он вспомнил музей комбата Сан Саныча. У него на столбе, поддерживающем тент маскировочной сети, приколотые на иголки, висели огромные, черные скорпионы длиной около двадцати-двадцати пяти сантиметров, это без хвоста, они называются императорскими. Затем фаланги, птицееды, тарантулы, каракурты, или черная вдова. Почему вдова? Потому что после случия самка съедает самца. Такова вот пустыня Регистан, то есть её обитатели.

Вот еще домик двухэтажный. Отделение Байрамова рассыпалось по комнатам и другим помещениям. Андреев полез на второй этаж. Там, у выхода на крышу, пристройка вро-

де комнаты. В нее ведет маленькая, узкая деревянная дверь, закрытая на засов. Удар ногой – и Андреев уже осматривает внутренность комнаты. А там! Куча банок американской тушёнки, зерно, и, наверное, одна треть завалена банками с керосином. Продовольственный склад "духов". Разрезав штык-ножом несколько банок с керосином, лейтенант облил зерно и тушенку, затем нежно полил пол, стараясь не капнуть на себя. Кое-как протиснувшись в маленькую дверь на выход, он подумал, каким образом вес поджечь. Нет чтобы выстрелить трассером, Андреев достал спички, чиркнул, сунул свою морду в дверь и кинул спичку на пол, чтобы лично посмотреть – загорелось ли? В узком маленьком помещении уже накопились пары. Взрыв. Андреева скинуло с крыши. Поднимаясь с земли, он обнаружил полностью сгоревшие брови на лине и такие же чуть видневшиеся усики. Так вот. Дурацкое любопытство еще и не до того доведет. Ишь ты! Загорится или нет керосин? Попробуй сам, читатель. Конечно же, перед бойцами он начал хорохориться, как будто бы ничего не случилось. Как сказал А. Малин: «Человеку свойственно подчеркивать мужественность своего поведения в исключительных обстоятельствах».

–«85-й*, я «08-й».

–На приеме.

–Давай вперед, а то и так задержались.

–Понял, выхожу из кишлака. Группа, вперед!

–Товарищ лейтенант! – крикнул Байрамов. – А здесь мы

уже были. Помните в прошлом году вон на том крылечке арбузы ели?

– Да, точно, вспомнил лейтенант, год назад они прочесывали этот кишлак, только с другой стороны. А что дальше? Тут его осенило. Дальше за кишлаком тянется широкая дорога меж двух высоких дувалов, ограждающих виноградники с довольно глубоким арыком. Примерно метров через четыреста – развилка дороги, а в дувале ещё тогда, год назад, были пробиты бойнины с окопчиками от огня «вертушек». Да!

– Приехали.

– Эрданаев, дозорным повернуть в левый виноградник.

– Там же грядки в рост.

– Выполняй.

– Есть.

– Группа, за дозорным! – раздалась команда взводного.

Пройдено несколько десятков метров. Справа! и слева высокие дувалы. Вот пролом в левом дувале. Дозорные машут. Хорошо хоть ракетку не дали. А крику-то сколько было? Они что, думают, что «духи» глухие? Ну, вот и результат. Как только взвод Андреева, повернув в виноградник, прошел метров двадцать – залп. Защелкали пули, пролетела пара гранат. Ну все. Наконец-то. Мгновенно спало напряжение от неизвестности. Теперь все ясно. Вот – мы, там – они. Только там – это полукольцо вокруг взвода. По радиостанции запросили «08-го». Тот ответил, что подходит. Вот по-

казались первые бойцы. Наконец-то вся рота втянулась в виноградник. КП* ротного – сушилка.

Вялая перестрелка, но за этим что-то кроется. Так и есть, начали обходить слева, чтобы полностью замкнуть кольцо. Дали пару «мух» по пулемету, тот заткнулся. Огонь «духов» стал плотнее. Ротный стал вызывать «тюльпан», запросил одной «дымовой» по сетке координат. Звук был всем слышен, но разрыва не видать. Конечно, карты выпуска 1957 года. Как тут определить свое месторасположение. Все давно изменилось: где был кишлак, сейчас поле или виноградник и наоборот. «Тюльпан* бросил парочку «дымовых» – все впустую. Вызвали «вертушки», бросили «красные дымы», запустили ракету. «Крокодилы» прошли на бредущем, но своих не видят. Над землей дымка стелется, как молоко. -Покружились и ушли. А бой стал разгораться сильнее. Летают гранаты из гранатометов, очереди из автоматов, снайперы бьют.

–Старшего «85-го» на командный пункт, – раздался голос посыльного.

–Понял, иду.

Пробиваясь через лозы виноградника, где ползком, где перебежкой, Андреев прибыл в сушилку.

–Да, Саня, кажись влипли. Хорошо хоть потерь нет.

Выбираться надо. Единственный выход отсюда – это через дорогу, арык в следующий виноградник.

–Тебе и карты в руки. Заблокируй проход роты, только выбей сначала этих «духов» вон из того дворика, а то не

дадут нам пройти. Я вызову афганских «командос» на помощь, – распорядился командир роты.

–Понял.

–Ну, давай. С богом.

Группа «85-го» потихоньку стала выбираться к дувалу, ограждающему виноградник, сделала пролом в нем. Дальше раздалась команда «вперед», полетели ручные фанаты, и бойцы во главе со своим взводным с дикими криками бросились в дворик дома, где засели «духи». Пулеметчик был ранен, его просто добились, один из душманов пытался скрыться в доме, но его достал Караджаев броском ножа. Другой «дух» с крыши дома дал очередь из автомата, мимо. Его срезают очередью от живота. Ещё несколько «духов» корчились на земле от разрывов гранат. Пара контрольных выстрелов – и все. Сейчас можно делать «коридор» для прохода роты. Однако огонь душманов усилился. Начали мелькать чалмы за дувалами.

Если бы не спецназ афганской армии, то восьмая рота не выбралась бы без крупных потерь. Они подошли в противоположный виноградник, куда блокировала выход роты группа Андреева. Врезали залпом. Андреев взял «снайперку» – СВД, снял пулеметчика, наорал на Самсонова за то, что тот со своим ручным пулеметом и двухметровым ростом стоял, как столб. Бойцы не отставали. Все «мухи» (ручные гранатометы РПГ-22) расстреляли. В конце концов вышибли «духов» из одного большого дома, откуда, как на ладони, про-

стреливалась дорога. Остался только один дом, откуда «духи» вели огонь. Ну, это уже метров за двести, не страшно. Еще афганские спецназовцы помогли. Так, вся рота, по одному, через дорогу, мостик, через арык, дувал перебежала в следующий виноградник. И потеря не было. Всего два легкораненых. Вообще, честно сказать, если бы не афганские спецназовцы, то восьмая рота потеряла бы половину личного состава. Это называется интернационализм.

Уже потом, по приезде домой, в крепость, Андреев понял, что восьмая рота была затравкой. Всю эту вытянувшуюся «зеленку» между дорогой и рекой Аргандаб окружила бригада и приданные ей полки сороковой армии. Восьмую роту, как приманку, послали на «проческу». Как только она вступит в бой, остальные части подтянутся и уничтожат бандформирование. Только просчет был. Вспоминаются слова А.В.Суворова: «Рисовали по бумаге, да забыли про овраги, а по ним шагать». Получается, роту кинули на убой. Все правильно. Никто не обиделся, это называется разведка боем. Такова суровая правда войны.

Все инстинктивно повернулись в сторону «зеленки». А там! Истребители-бомбардировщики СУ-17 «поставили колесо». Вертикально, один за другим, пикируют к земле, затем взмывают вверх. И так получается в небе большая буква «О». Естественно, на земле взрывы, все рушится, взлетает земля, обломки домов, кустов и что-то еще. Наверное, куски «духов». А бойцам было уже не до этого. Даже есть никто не

стал. Так и повалились на землю.

Ночевать устроились в каком-то большом доме всей ротой. Ночью «духи» пытались атаковать. Пришлось их из «под ствольника» поугатать. Будильник Андреев поставил на три утра. Часы эти необычные. Через каждые полчаса играет музыка. Но словам Ю.Федорова, купил он эти часы с громким боем, чтобы они напоминали каждые полчаса о быстротечности времени и о том, что человеку его мало отмерено. Играет музыка. Уже подъем. Вроде только легли. Физиономию даже нечем умыть. Всухомятку что-то поели и вперед. Черная ночь, черное небо, хорошо хоть звезды светят. За ротой, как всегда, плетется афганский полк пехоты. Под ногами все равно ничего не видно. В головной дозор в этот раз пошел Серега Кузьминых со своей группой.

Вдруг выстрелы, крики, потом очереди из автоматов. «85-я» группа бросилась вправо, залегла за дувалом. Тут и «духи» бегут. Командовать не надо было. Положили сразу. Шестеро их было. У одного был «классный» пистолет – «Вальтер». Лейтенант взял его себе. Так этот пистолет и прослужил ему оставшийся год. ПМ (пистолет Макарова) он даже не получал. Зачем? Ещё потеряешь. Пиши потом объяснительные.

Мне не пристало нервничать:

Ведь нервы не крючок.

Я нажимаю ласково

На спусковой крючок.

И хладнокровно трассеры

По воздуху летят -

И я хочу того же, чего они хотят.

Дехканин изогнулся и дыбом встала шерсть.

И их осталось пятеро, а раньше было шесть.

Ну, вот четвертый, третий, и второй упал,

А в первого, нечаянно. Сережка вдруг попал.

После рейда Сергей рассказал, как все получилось. Из-за темноты он шел впереди группы. Вдруг услышал «бабайскую» песню. Такую заунывную, как дорога в пустыне. Подумал, что поют «бабам» приданного полка пехоты, от них всего можно ожидать. Шли вдоль дувала, впереди поворот. Дошли до него – и тут лоб в лоб выходит группа «духов». Впереди идет красавец – высокий, в белой чалме, подсумок для «магазинов» узорчатый, в бисере, на плече автомат американская винтовка М-16-Д-4. Серега с ним столкнулся.

Что такое страх? Бесстрашие – понятно. Хотя никто не бывает бесстрашным. О нем сказал Ю. Федоров: «Страх, который парализует волю, всего тебя: за близких, товарищей». И этот страх был виден в глазах «духа».

Стрелять начали одновременно. Оба под ноги друг друга, хорошо хоть рикошет никого не задел. Сергей понимал, что нужно поднять ствол автомата, но нет сил, как будто в руках свинцовая чушка. «Дух», наверное, тоже об этом же

думал. «Нужно его пристрелить. Иначе он меня застрелит, – подумал Сергей. – Лучше буду падать, так, может попаду». Он стал опрокидываться назад, ствол его, конечно, поднялся вверх. Упал. А во время падения «духа» прострочило снизу вверх. Он тоже упал. Труп. Хотя какой был красавец.

Серёге вообще не везло. Сколько он рейдов оттопал, сопровождал колонны, реализовал разведанных? Сколько раз его чуть не убили, сколько солдатских жизней сохранил? Семь раз его представляли к ордену «Красной Звезды», и каждый раз начальник политотдела бригады отказывал. Причины были разные, вернее, не причины, а отмазки. Одна была самая смешная: «У вас в роте печки топятся после 6 утра. Значит, у вас нет дисциплины».

Для достойного – нет достойных наград
Я живот положить для достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных – вот истинный ад!

ТРЕТЬЯ РОТА

Роты, батальоны, бригада топает вес дальше. Каждую секунду ждешь выстрела. В принципе «проческа» – это идти на засаду. Знаешь, что впереди засада, но не знаешь где? Поэтому каждую секунду ждешь выстрела, а то и залпа.

Уже полдень. Жара. Только сели пообедать. Слева по ходу

движения раздались звуки боя. Там шел первый батальон.

Лютое солнце над Кандагаром
Мертвою хваткой вцепилось в поля.
Наша колонна окутала жаром-
Семьдесят – выше нуля.

Лица как маски под солнцем и пылью.
Через одежду жжет тело броня.
Смешаны гранью между бредом и былью.
Семьдесят – выше нуля.

Души. жара, разомлевшая нолю.
Треснули губы, о влаге моля,
И проклиная солдатскую долю:
Семьдесят – выше нуля.

К бою, пекла как не бывало.
Вихрем взметнулась, взорвалась земля.
Рота в ущелье душманов зажала.
Подумаешь! Семьдесят – выше нуля.

* * *

– «07-й», «08-й» на восток, к первому батальону. Там наши погибают, – проревел комбат по рации. – «Тюльпан», свяжись с третьей ротой.

– Не отвечает, – ответил «Тюльпан».

Хорошо сказать на восток. По карте около семи километров, а реально? По виноградникам, садам, развалинам и крупным буеракам – все двадцать, может, больше. Через минут сорок – пятьдесят ожесточенная стрельба стихла. Раздавались только отдельные выстрелы. Седьмая и восьмая роты бросились бежать, рискуя нарваться на засаду. Но об этом уже не думали. Ведь погибают наши.

Навстречу выскочили трое: один прапорщик, два солдата. Безумные глаза, все в крови, у одного бойца нет автомата. Вместо своего автомата – ятаган, и тот в крови. У всех был всего один вопрос – где? Они показали на восток.

Дошли. Да, картина... Поле и на нем лежит вся рота. Как шла гуськом, так и полегла. Удивительно, что эти трое живы остались. Роту расстреливали почти в упор, с трех сторон. Большинство полегло сразу, остальные еще отстреливались, скрываясь за трупами своих товарищей. Один крикнул: «Ребята, я больше не могу. Простите... Потом взрыв и куски мяса – «духов» и его. Это был командир роты, тяжелораненый. Одному солдату отрезало – отожгло правую руку. Она вообще-то была. Просто висела на трицепсе – задней мышце. Резали, вернее, отрезали ржавым ножом. Этот парень был сапером. Про него история отдельная, даже несколько мрачная. Если вкратце: его и двух его товарищей отправили потом на «вертушке» в госпиталь. Через три недели этот сапер сбежал, пришел в роту (без руки) и говорит: «Я буду здесь»

дослуживать. Извините, мне полгода осталось». Вот так. Такой парень, и ничего больше не скажешь. А роты больше нет. Это ведь восемьдесят человек.

Тяжкое это дело – изуродованные трупы убирать. Чтобы не травмировать вас, читатель, скажу: отрезано было все, что можно было отрезать. Завернули в плащ-палатки и вынесли на поле к «вертушкам». Полегла почти вся рота. Запомните это название – КАРС.

Может быть, и была ошибка командира роты. Он искупил ее, взорвав себя и «духов».

Извини, читатель. Все это вспоминать тяжело. Я знаю. А каково тем, кто там был? Война везде одинакова. Смерть, увечья стоят рядом с любовью. Лучше бы на войну никто не ходил.

Рота вышла из «зеленки» в пустыню, вынося убитых. Раненых не было. Ты, наверное, помнишь, читатель. Контрольный выстрел плюс отрезанные головы и конечности. «Духов» уже не было. Все равно мы их достанем. Далеко не уйдут. В этом и есть вся война – ненависть.

И цветы луговые увлекут, увы,
И сады неземные обманут, увы.
Веселись, все равно твое имя забудут на земле.
И меня не помянут, увы.

Пока рота вышла, прилетели «вертушки». Уже наступила

ночь, южная ночь. Как всегда, с яркими звездами. Занесли трупы, отправили с ними и трех оставшихся в живых от третьей роты. Бойцам спать два часа. Офицерам некогда. Разрабатывают по карте маршрут движения на завтра. Завтра – переезд на новое место боев. А ведь нужно огромную колонну пропустить, бригаду плюс остальные приданные подразделения. Операция-то – армейская.

Шли, как всегда, через Нагаханский поворот. Восьмая рота заблокировала этот семи километровой участок. Для огневой поддержки придали три танка. Один достался Андрееву. Выставили точки, пошла колонна. Подъехал к точке «85-го» ротный Юра Воронов. Бойцы уже поджарили лепешки. Это вместо хлеба. Открыли банки консервов.

–Петя. – крикнул Андреев, – вылазь на обед!

–Нет, комбриг приказал танкистам не выходить из машины, ответил лейтенант Петр Бойко, командир танкового взвода.

–Да, брось ты, здесь нет комбригов, – засмеялся ротный.

–Не вылезу, сказал.

–Что, обсикался? – захохотали офицеры.

–Да, черт с вами. Только, чур, кружку браги, – крикнул Петя.

–Ха-ха-ха-ха, – раздалось в ответ.

–Петя перед началом операции приехал из отпуска, из Союза. Жена у него была беременна на восьмом месяце. Сам – крепыш, с черными волосами, такими же глазами. Вечером

посидели, выпили. Петя хорошо играл на гитаре. Спел новые песни из Союза. Тогда модной была песня А.Пугачевой «Миллион алых роз». Да и другие песни пели, в том числе и наши, «афганские».

Вылез он из люка, стал сзади башни на трансмиссию танка, махнул офицерам восьмой роты рукой. Щелк. Петька согнулся пополам, стал падать на бетонку, цепляясь за скобы на башне. Потом рука отцепилась, он упал на дорогу. И тут дикий крик. Такого крика из воевавших в Афгане никто, наверное, не слышал. Это кричал Петр Бойко. Пуля попала ему в живот, перебила позвоночник.

Быстро развернули БТР, танк дал пару «огурцов», бойцы открыли огонь. Только куда? Впереди виноградники, развалины кишлака, а это был выстрел снайпера. Где он, этот гад? После прочесывания местности нашли только гильзу.

Вызвали «вертушку», положили Петю на доски, перевязывать не стали. Крови нет, когда попадают в живот. Так, увезли от нас Петра Бойко. Дай бог, чтобы остался жив, ходить он уже не сможет. А жена как? Ведь беременная. Черт бы побрал этот обед вместе с брагой и всеми «бабаями». Где он сейчас? Что с ним? С женой? Не хочется думать, что он умер.

МУЖЕСТВО ВРАГА

Колонна прошла. Восьмая свернулась и пошла в арьергар-

де*. Прошли элеватор, дошли до «ГСМ» (раньше там была заправка), свернули на юг, юг Кандагара. Задача: прочесать крепость Базарчу. Справа – скалы. Слева неглубокая пропасть с текущим внизу арыком.

–«85-й», я «нулевой».

–На приеме, – ответил Андреев.

–Уйди на восток, тут есть проселочная дорога, прикроешь от огня из «зеленки»! – приказал комбат.

–Понял, выполняю.

–Соединишься с нами в точке 86x25x8 (это координаты по карте плюс «улитка*»).

Вот и поворот. Круглый спуск, а дальше арык и долина. Белые домишки, цветущая зелень, гранаты с голову двухлетнего ребенка. Недаром Кандагар славился самыми большими гранатами в мире. Зерна красные, сладкие, с ноготь указательного пальца взрослого человека. Тишина, мирная картинка из сказки «Тысяча и одна ночь» Шахерезады. Только все они знали, что тишине доверять нельзя. Беда пришла неожиданно и не с той стороны, откуда ждали. На этой дороге горный поток промыл огромную промоину глубиной метра 3-4. По тормозам поздно. Андреев сидел сверху, успел только вцепиться ногами и руками в откинутый люк. Сзади тоже бойцы сидели, цепляться им было не за что. А Эрданаев как раз начал вылезать через передний люк БТР-а. Ну и, как птичка, полетел вниз. Удар, крики. Бойцы, что сидели сзади, улетели метров на двадцать вперед БТРа, Андреев остал-

ся на месте, разбил только руки. Эрданаев. Да, ему повезло меньше всех. О край брони ему разрезало верхнюю губу.

Кого гут винить? Война есть война. Такое тоже случается. Снова «вертушки», отправка Эрданаева в госпиталь. Молодцы вертолетчики. Virtuозы в своем деле. В этот раз «вертушка» села на краешек скалы на одно колесо. И так удерживали её до тех пор, пока Эрданаева не затащили на эту скалу, а потом в вертолет. Ждем тебя, Фуркат. Лицо заживет – возвращайся. Хотя и так ясно, что вернешься. Такой был этот упрямый, смелый узбек. Через месяц он снова был в строю.

Вот и Базарча. Пока вроде тихо. В прошлом году здесь за смелую, отчаянную операцию Александр Черножуков получил высокое звание Героя Советского Союза, это был командир седьмой роты. А если по-честному, то присвоили ему это звание за выигранный бой без потерь. Было всего два легкораненых. Причем у него не было артиллерийской и воздушной поддержки. Шли автомат на автомат, зубами друг друга грызли. Да, «духи**» тоже хорошо воюют. Вернее, воюют они плохо, несмотря на американских и китайских инструкторов, но в храбрости, отчаянности и высокой гордости им не откажешь. Вообще, Кандагарская провинция была самая неуправляемая, даже самая независимая. Англичане убедились в этом на своей шкуре.

Это ведь война. Правильно сказал Ю.Федоров в своей книге: «Кровь – своя и чужая – плата за жизнь. О крови не

думали. Заботились о меткости выстрела, собственной реакции**. Как будто о нас.

Взвод вытянулся по зеленке». Прошли гранатовый сад, дальше мелкий виноградник. Пошли вперед дозорные. Вернулись, доложили, что дальше поле, а на конце его крепость. «Надо ее захватить, – подумал взводный, – это самое удобное место прикрыть колонну».

Цепочка взвода прошла виноградник, начала втягиваться па поле. Ну, эту аксиому мы уже усвоили. На поле лезть нельзя. Сразу положат на зеленую лужайку, среди цветов. Группа пошла по краю поля, в сухом русле арыка. Зеленая форма скрывает среди зелени, да и видны были только по грудь. В длину поле было метров триста, в ширину – около пятидесяти. Вдруг идет «дух». Рослый, не менее 1,90 метра, ухоженная борода, чалма, на ногах американские ботинки, на плече китайский автомат, горделиво поглядывает по сторонам. Явно не рядовой.

Подошел к группе Андреева метров на тридцать. Взвод остолбенел. Неужели такой смелый? Нет, просто не увидел «шурави».

Вот остановился. Увидел группу Андреева. Автомат даже не снял с плеча. Усмехнулся, презрительно глядя на советских солдат. Повернулся и медленно-медленно пошел назад.

Глаза – это душа человека, это зеркало души. Они могут высказать все: огорчение и радость, печаль и озабоченность, презрение и жалость, а главное – любовь. «Дух» выра-

зил презрение к смерти. Неправда это, что есть бесстрашные люди. Не страшно только дураку или мертвому. Просто каждый человек, если он человек, в определенный момент своей жизни обязан сделать то, что надлежит сделать. Он сделал свой шаг. Жизненно важный.

– Огонь! – в бешенстве заорал взводный.

Раздался залп. «Духа» осыпало нулями, но ни одна не попала. После такой стрельбы любой бы упал на землю, спрятался бы в мышиную норку. А он даже не вздрогнул. Как шел медленно, так и идет. Поразительно. Ведь расстояния-то всего 25-30 метров, и никто не попал. Минуты через две психоз прошел. Андреев взял себя в руки, спокойно взял у бойца «снайперку», прицелился и выстрелил в сердце. В голову было бы надежнее, но он не захотел уродовать этого «духа». Мужество врага всегда нужно уважать. Не уважает смелость противника только трус. А этот враг был достоин уважения.

После выстрела «дух» вздрогнул, остановился, обернулся к своим противникам, посмотрел, снова презрительно усмехнулся и упал. Такой смерти может позавидовать любой солдат.

Дали салют в честь его достойной гибели, иначе не скажешь, и пошли дальше – вперед. Была команда.

ДЕМБЕЛЬ

Вот и кончилась операция. Взяли пару складов. Снова Андреев со своим взводом в своей крепости. Будто домой вер-

нулся. Потекла обычная жизнь: завтрак и обеды, обстрелы. Все как всегда: пыль, жарища, разрушенные кишлаки. Хорошо хоть специально загорать не нужно. И так все получёрные.

Такая вот жизнь была у Андреева. И всем этим парням было не больше двадцати – двадцати двух лет. В сущности, возраст – это не число прожитых лет, а число оставшихся мгновений, которые нужно прожить порядочно. И эти парни прожили свою жизнь достойно.

Несмотря на круглосуточную войну, обстрелы и прочие неприятности с «духами», у крепости установился какой-то неписанный распорядок. В двухстах метрах от крепости дорога, которую блокировал взвод Андреева. Днем там выставляется пост для досмотра. В двух километрах от этого поста к «бетонке» подходил разрушенный кишлак. Там был «духовский» пост для грабежа проходящих машин, причем своих же, афганских. Ну, нам на них наплевать. Им – на нас. Ходят и они, и наши в полный рост по дороге. Никто ни в кого не стреляет. Они заняты своим делом, «шурави» – своим.

Однажды на «бетонке» остановился грузовик с большими бортами. Прямо напротив крепости. Колесо у него отвалилось. Кузов заполнен мешками «под завязку». Водила сразу же убежал в «зеленку». Значит, это добыча взвода. Вечереет.

– Товарищ лейтенант, там «духи» ползают. Что-то сгружают из машины. – доложил наблюдатель.

Слева направо: «Краснозвездный» Болтабаев, «Флегма», Самсонов, «Водила», Попов, «Главный молдаван» Загренко, наводчик-оператор Перепелин, Гена Куц, Арман, Андреев.

Слева направо: «Краснозвездный» Болтабаев, «Флегма», Самсонов, «Водила», Попов, «Главный молдаван» Загренко, наводчик-оператор Перепелин, Гена Куц, Арман, Андреев.

– Дайте очередь из АГС-а, – сказал Андреев. В ответ – очередь из автомата. «Ах, так. Ну, тогда получите», – подумал Андреев.

– Развернуть минометы, пристреляться. Броня, дай один «огурец*». Минометчикам кидать свои штучки до утра через каждые пятнадцать минут.

Все, тишина. «Духи» тут же заткнулись. Утром выехали, проверили, что в мешках. Сверху – сахар в мешках, а на

дне – селитра. Её-то и хотели разгрузить «бабам», там её используют в качестве мощного взрывчатого вещества. Недалом водитель убежал в «зеленку». «Духам», наверное, и вез, а сверху сахаром заложил. Что ж, вызвали танк из батальона, тот отбуксировал грузовик. Полная конфискация. «Духи», конечно, обиделись на взвод. Дня три атаковали крепость. Ну, взводу было не привыкать. Отбились, как всегда. Зато оставшиеся полгода в пустыне чай сладкий пили. Сгущенка надоела уже.

Вот и настал радостный день. Старослужащие солдаты-дембеля – собираются домой. Семь человек. Да, это дело надо отметить. Повар приготовил роскошный обед: вареная в специях баранина, шурпа, откуда-то свежей картошки достали, а то все сушеная была, конечно же, узбекский плов, приготовленный в казане, и морс фруктов. Не обошлось и без самогона. Ну, барана купили у пуштунов, самогон – свой, а остальное было секретом бойцов взвода. Андреев так и не дознался, откуда было остальное богатство.

Строиться! – скомандовал лейтенант. – Равняйся, смирно! Поздравляю вас, дембеля, со счастливым окончанием службы в ДРА!

–Ура! Ура! Ура!

–Балтабаев, восемь кружек, Андреев повару. Всем дембелям дали в руки по 250-граммовой солдатской кружке, налили крепчайшего самогона. Взводный и семь его дембелей стали кругом, сдвинули свои кружки и молча пили. Потом был праздничный обед, песни под гитару, наилучшие пожелания друг другу.

Вокруг только и раздавалось: «А, ты помнишь?..* Вспоминали свою боевую жизнь. Все-таки печально расставаться. Вместе прожили год с лишним.

Все. Пора ехать. Из крепости на БТР-е в батальон, оттуда «вертушками» в бригаду, а там – Союз. Объятия и поцелуи продолжаются. Уже из ворот крепости все вышли, а дембеля

все не усядутся в машину. Помог минометный обстрел «духов». Мигом все оказались в БТРе.

– Не забывайте нас! – крикнул Кадыров.

Не успели тронуться – случилось непоправимое. Снайпер, гад, попал танкисту-заряжающему прямо в живот. Дикая крик, выстрел из танка, затем огонь изо всех видов оружия. Но человека-то тяжело ранили. Вот и победили... Вместе с дембелями отправили танкиста. Да. Война продолжается.

Г л а в а п я т а я

ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТПУСК. ТИФ

Вот он – «отпуск». Температура под 40. Пьешь таблетки – не помогает. Грипп что ли? Надо ехать в батальон, доктору показываться. Тем более что снаряды к ганкам нужно повезти, кончаются.

– Запрягай, – скомандовал лейтенант.

– Есть, товарищ лейтенант, – откликнулся водитель.

Эрданаев, за старшего. Еще пару бойцов дай. У Курбатова вон язвы появились. Его и еще кого-нибудь.

– Понял, – ответил замкомвзвода.

Пока Залимбеков заводил БТР, Андреев быстро собрался и пошел к машине.

– Готовы что ли?

–Курбатова нет. Не хочет ехать? Эрданаев, передай, что я ему башку оторву. Через минуту чтобы был в машине.

–Есть.

–Вчера еще Перепелина легко ранило, его тоже в батальон, – добавил Андреев.

Под залпы стрелкового оружия взвода и минометов тронулись. Слева пролетело две гранаты из РПГ-7, справа – очередь из ДШК. «И как это мы его раньше не заметили? – подумал Андреев. – По возвращении снайперам морду набью».

Вот и батальон. Кто-то бежит обниматься – целуется, Андреева офицеры сразу пригласили к столу.

–Сань, – спросил батальонный доктор Толя Федоров, – что-то у тебя рожа красная.

–От вашей браги.

–Нет, подожди. Это серьезно. Ну-ка задери ХБ. Точно, на животе сыпь, – поставил диагноз Толя.

–Измерь температуру... Так и есть 40. Язык. Это признаки тифа, Саша. Давай-ка завтра же на вертушке в бригаду. Это не совет, Саша, это приказ, – сказал старший лейтенант Федоров.

–Завтра же рота в рейд пойдет. Я что, крайний? После рейда в госпиталь поеду.

–Нет, Саша. Здесь ты всех перезаразишь, если сам не умрешь.

–Понял, Толя. Поеду проверюсь. Если я здоров, Толя, то лимонад Pepsi тебе привезу.

* * *

Анализы показали – тиф. Сразу попал в госпиталь, в тифозное отделение. Оно окружено колючей проволокой и по периметру ходит часовой, чтобы больные в самоволку не бегали. Странное ощущение. Вся жизнь, а это для Андреева действительно была прожитая жизнь, с автоматом под рукой, а тут без оружия. Непривычно все это. Есть такая поговорка, касаемая всех мужчин: ОРУЖИЕ рождает власть. Ведь мальчишки с детства бегают с пистолетами.

Вот он и тифозный модуль, барак по-русски. Медсестры шепчутся: «А почему с бородой? Вроде молодой, а уже советник?» Тебе для сведения, читатель: советником афганской народной армии разрешалось ходить с бородой. А всему третьему мотострелковому батальону комбат приказал отрастить бороды. Еще соревновались, у кого быстрее отрастет.

Поместили в офицерскую палату трех офицеров и одного прапорщика. Первые дни Андреев только отсыпался. Именно дни: ночью спать не мог из-за тишины. Как это ни странно, но это так. Ведь в крепости начальнику гарнизона лейтенанту Андрееву по ночам спать почти не приходилось, даже если выдавалась ночь более-менее спокойная* то все равно каждый из девяти постов в крепости, каждые десять-пятнадцать минут для профилактики давал очередь или кидал гранату по малейшим шевелениям у душманов. Особенно на-

пряженными были ночи, когда «духи» начинали рыть подкоп под стены. Тогда ни Андрееву, ни его снайперам, да и всем бойцам спать не приходилось. Однажды, «духи» даже жаловались губернатору Кандагара на гарнизон крепости Пальмухамед. Снайперы трупы не давали выносить. Как только «дух» ползет к своему убитому, так сам становится трупом. Лично комбриг приказал Андрееву дать один день «духам» убрать свои трупы.

Поэтому, когда ночью не стреляют, спать он не мог.

На войне засыпал как убитый,

Правда, мало спал я на койне.

Почему же глаза не закрыты

До утра – без войны, в тишине.

А жизнь идет дальше. Потихоньку пришел в себя, да и снотворные таблетки помогли. Вроде ожил. И тут стало скучновато. После жизни, напичканной событиями, делать было нечего. Все книжки прочитаны, остается только преферанс – офицерская игра. Да над единственным прапором подшучивали. Он жадный был, то сигарету стрельнет, хотя у самого есть, то пожрать что-нибудь. Да, после той привольной жизни в пустыне тут голодный край. Каша, каша, еще раз каша и кисель из каши. Поэтому, если кому-нибудь друзья принесут банку тушенки, то это Лукуллов пир. В один из дней принесли тушенки, сыра, фруктов. Вся палата собралась поесть. Тут заходит дневальный солдат (его специально подговори-

ли) и объявляет: «Товарищ прапорщик, вас в лабораторию вызывают». А это на другом конце госпиталя. Сходил, там его, естественно, никто не ждал. Вернулся, а остались только фрукты и хохот сопалатников. В другой раз вместо таблеток левомицитина ему мочегонный подsunут и потом в течение двух часов наблюдают, как он в туалет бежит на улицу. Туда сходил, возвращается; доходит до палаты, разворачивается – и снова в туалет.

–Товарищ лейтенант, вас вызывают к воротам, – доложил дневальный.

–Кто?

–Не знаю, товарищ лейтенант. Какой-то офицер.

–Саня, вылазь быстрее из своей богадельни, – раздалось с улицы.

Точно. Это Вадим Костин, лейтенант девятой роты, впоследствии Герой Российской Федерации, погибший в 1995 году в Чечне. Встретились, обнялись. Часовой сделал вид, что не заметил.

–Как «Союз»?

–Как обычно. Девушки в коротких платьях, шампанское, шашлыки. Так что, жди.

–Я уже в Союзе одиннадцать месяцев не был. Хочется обнять березку, полежать на траве. Не знаю, дождетсЯ ли меня моя девушка?!

–Сань, давай потихоньку смоемся в бригаду.

–Как?! Я бы с удовольствием.

–Как-как? Английский социолог Гарольд Ласки однажды сказал: «Если правила игры не позволяют выигрывать, джентльмены меняют их». Понял?

–Попробую через туалет. Жди возле шлагбаума.

Ну, и тут началось. Друзья-однополчане, походы о гости, везде прием по высшему классу, хоть Андреев и в офицерскую столовую холил на обед. Отъедался после госпиталя. Так прошло три дня. Пора возвращаться в свой тюремно-больнично-тифозный барак.

–Так! – угрожающе сказал начальник отделения. – Явился?!

–Так точно. Просто вот друзья позвали. Да и день рождения у одного, – оправдываясь, промямлил Андреев.

–Оправдание у каждого есть. Как тебя наказать? – спросил подполковник.

–Не знаю.

–Во! Придумал, сбрить бороду. Чтобы завтра ее не было. Понял?!

–Так точно.

«ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН»

Так и текла медленная жизнь. Завтраки, обеды, ужины, таблетки, уколы, преферанс и прапор для «битья». И вот оно! Наконец-то! Освобождение, то есть выздоровление. Снова форменная одежда, оружие – и в бригаду. Андреев пе-

реоделся, поймал «попутку». В ту сторону часто ездят машины. Там городок для афганских офицеров. Советские офицеры жили в палатках, афганские – в пятиэтажных домах. Вот и КПП.

Зайдя в свою палатку, он обнаружил, что личных вещей не осталось. Старая палатка сгорела, а вместе с ней и все вещи. На ужин была рыба. Класс! Хоть что-то более-менее вкусное. Плюс Курбатов, каптерщик, плов приготовил. После такой еды Андреев отоспался.

Сначала в строевой отдел, чтобы отдать выписку из истории болезни. А там такой лейтенант холеный, рожа как арбуз, животик намечается. В общем, вроде бабы (пусть простят меня женщины).

–Что тебе?

–Пришел посмотреть, как живут штабные крысы, – ответил Андреев (крыса, наверное, обиделась бы, если бы ее сравнили с этим лейтенантом). Впоследствии этого лейтенанта убрали с должности за продажу медалей и перевели в воюющее подразделение.

–Возьми бумажку и не вякай, – рявкнул Андреев.

Лейтенант этот съезжился, взял в руки выписку из истории болезни и пошел к своему столу. Андреев развернулся и молча вышел из кабинета. Теперь в отдел кадров.

–Разрешите?

–Заходи, заходи, больной ты наш.

–Товарищ майор, лейтенант Андреев по излечении из гос-

питался прибыл.

–Вижу, вижу. Похудел ты сильно, Саня.

–Так ведь не курорт. Одна каша.

–Знаю, знаю. Вот что, Саня, отпуск тебе положен, в санаторий. По ведь, ты знаешь. Никто по санаториям не ездит, все сдут домой. А тут приказ пришел. Убитых сопровождать только офицерам или прапорщикам, так что повезешь «ноль двадцать первого» на «черном тюльпане*». Извини, иначе не получится. Хочешь в «Союз* – вези труп на Родину. Понял меня?

–Товарищ майор, не могу. Лучше в отпуск не поеду.

–А это, Саня, уже не твоя компетенция. Это приказ. –Довезешь до Костромы гроб. А потом домой. Ясно тебе?

–Так точно.

–Вот и молодец. Получай документы. Деньги, сам знаешь, где получить.

–Разрешите идти?

–Валяй.

Получив документы и деньги, Андреев направился в госпиталь. Там уже, завернутый в светонепроницаемую фольгу, на носилках лежал на земле погибший солдат. Он был сапером. Убили его возле Элеватора, когда он «прошупывал*» обочину дороги, и целый день не давали к нему подойти. На такой жаре он уже почти разложился, весь вспух. А сколько времени пройдет, пока его довезут до дома? Что от него останется? Что делать? Этот вопрос еще Чернышевский

сформулировал- А самое главное – что говорить родителям этого солдата. То, что с ним произошло, непременно случается с людьми нашей профессии и однажды может случиться и со мной. Не имеет значения, насколько ты силен и бесстрашен, рано или поздно встретишь кого-то умнее, сильнее и бесстрашнее. Таковы правила войны.

Водитель завел машину, бойцы погрузили носилки в Кунг, Андреев сел в кабину и потихоньку поплыли на «Ариану», то есть аэродром. Там уже стоял «черный тюльпан».

Погрузились в самолет АН-12 – и курс на Шиндонт. Начальник морга в Шиндонт оказался однокурсником Андреева. Труп отвезли в морг, а с этим лейтенантом Андреев поехал в госпиталь, где жил начальник морга. Он уступил ему свою кровать, сам ушел к другу.

Утром, позавтракав в столовой какой-то бурдой, поехали в морг. Оказывается, холодильники не работают. Все трупы в морге почти полностью разложились, по животу черви ползают. Бойцы, работающие в морге, уже обмыли сапера, положили в цинковый гроб, сверху положили форменную одежду. Через полчаса гроб был запаян, погружен в деревянный ящик. Осталось ждать самолет. По словам летчиков, «черный тюльпан» будет только завтра. Что ж, поехали назад, в госпиталь. Местность такая же безрадостная, как и этот день. А в госпитале у кого-то был день рождения, люди веселились, самогон рекой льется, даже водка была. Её колонной «наливники» (бензовозы) переправили. Пот так всегда. Ра-

дость рядом с горем, веселье – с печалью.

Утром самолет, посадка, погрузка, взлет – и полетели над всем Афганистаном. Сначала сели в Баграме, потом в Кундузе – И на Ташкент.

–«Дембель», ты ли это! – вскричат Андреев. – Володя, тебя не узнать, похудел, почернел.

–Почернеешь тут. Слышал, небось, как батальон положили, когда полк в кишлак Руху ставили. Осталось в живых тринадцать человек во главе с лейтенантом, и того судить будут.

–За что?

–Якобы не пошел в атаку на толпу «духов». Их же было тыщи. Они что? Эти тринадцать человек – самоубийцы? Ладно, хоть сами живые остались.

–Да... Дела.

–Вот так. Развозим сейчас цинковые гробы. А ты как? Сколько здесь уже?

–Через полгода замена.

–А мне еще сколько? Только из «Союза», – вздохнул Володя Тинус, по прозвищу «Дембель».

Заревели двигатели самолета, все стали загружаться. Гробы уже на месте, двадцать два гроба с надписями адресов. Взлет. Офицеры вышли в десантный отсек, чтобы не нарушить балансировку. А там! Пол склизкий, из-под гробов течет жидкость от мертвецов. Запах... В общем не лаванда. Расставили бутылки, закуски прямо на гробах, больше негде

было. Налили еще штурману «Аннушки»: может, запах не так чувствовать будет. Самолет выровнялся – набрал высоту. Все зашли в барокамеру, то есть во вторую кабину от пилотов. Кто кимарить начал, кто байки травить. Тинус с Андреевым начали вспоминать училищную жизнь. В одном взводе они учились, в Бакинском ВОКУ. Все. Полет на Ташкент. Скоро можно будет девочек увидеть, нормальные магазины, а не катимы, рестораны, наконец.

Ночь. Времени около двух часов, посадка на военном аэродроме «Тузель». Таможня не придралась. Всем стало ясно, «черный тюльпан» – это значит кому-то горе везут. Разместились тут же, в гостинице. Жрать охота, но ведь ночь. «Ничего, – сказал Тинус, – здесь Азия, чего-нибудь найдем». Втроем вышли за ворота, слева тянется ряд домишек. Перед одним из них сколочен помост, на котором сидел какой-то бабам, а рядом три пацаненка. Пьют чай.

–Садам алей кум.

–Алекум ассалам.

–Мы только что прилетели. Можно у вас что-нибудь из еды купить?

–Пожалуйста. Что командиры хотят? Водка, вино, мясо, картошку, зелень?

–А все давайте.

Накрыли стол, на скорую руку выпили, наелись до отвала и спать. В шесть утра подъем, снова таможня, погрузка – и полетели. Летчикам был дан приказ лететь по восточно-

му кругу. Самой крайней точкой на востоке, где выгружали «ящик», был Иркутск.

Прилетели туда ночью. Аэропорт – так себе. Со «взлетки» выпустили без проблем. Хорошо хоть буфет работал. Что-то поели. Они, наверное, сами не разобрались что? После еды вроде в сои потянуло. Времени уже четыре часа утра, а в шесть – вылет. Тут видение. Офицеры сидели перед зданием аэропорта. Еще какой-то народ сидел. Все, конечно же, дружно курят. Вдруг подъезжает два такси. Из первого выходит человек восемь, из другого – человек пять. И вдруг! Невеста. Самая настоящая. В белом платье, с фатой. За ней выносят жениха. Да, да. Выносят. Хотя, наверное, он уже не жених, а муж. Что ж? Бог им судья. Лишь бы жили в мире и согласии да детишек наплодили бы.

Посадка, взлет, бутылка на гробах. Сколько их было? На каждой стоянке своя встреча. Вот и ВПП военного аэродрома г. Иванова. Только не за невестами они туда прилетели. Быстренько выгрузили гроб, прямо на «рулежку» «взлетки», и снова заревели моторы самолета.

Тишина. Кузнечики стрекочут. Хорошо хоть, не фаланги. Вдалеке виднеется здание пункта приема самолетов, все из белого кирпича. «Да! Это тебе не Азия, – подумал Андреев. – Некрасиво как-то. На зеленом поле – белое». Никто не встречает. Андрееву пришлось топать до этого здания. А там..

–Ты откуда взялся?

–С неба.

–Как тебя охрана пропустила?

–Наверное, не видела.

–Что ты несешь? Да и форма у тебя какая-то странная.

–Послужи там, где я служу, вообще в цинковую форму оденешься.

–Так ты с Афгана.

–Нет. С Марса, – ответил Андреев.

Дальше был смех, застольный обед с техническим спиртом. Потом пришел их начальник. С ним Андреев отдельно посидел. Вопросы у тех, кто не воевал, были одинаковые. Как у будущей жены Андреева: «А где ты взял такую вещь?» Все клюют на красивые вещи. Только не думают, что порой за это надо жизнью платить. Их можно простить. Они не знают, что такое война.

– Товарищ майор, У КПП «шестьдесят шестой» стоит, говорит, что за гробом, – раздался голос дневального.

–Пропусти, – распорядился дежурный.

Андреев вышел из здания, сел в ГАЗ-66 на командирское место, и они двинулись к «ящику», который так и стоял на взлетном поле. В кузове было еще четыре солдата и какой-то капитан из военкомата. Подъехали прямо к «ящику» вплотную.

–К машине! – раздалась команда капитана. – Загружай быстренько.

В ответ тишина. Бойцы как будто в ступоре. А еще десант-

ники.

–А ну, беритесь за ручки! – вскричал Андреев. – А то по лбу получите.

Опять мнутся. «Ну что мне с ними делать? – подумал лейтенант Андреев. – Морды им что ли бить?».

–Что встали? Вперед.

–Есть, – ответил кто-то из бойцов.

С ужасом в глазах кое-как погрузили гроб в машину. Трогнулись. Ехать далеко, аж за сто километров, в Кострому. Оттуда родом был парень. Недаром ещё древние римляне говорили: «Торопись медленно». А он, наверное, слишком торопился. Пусть ему будет земля пухом.

Как доехали до Костромы, Андреев не помнил. Он спал, положив голову на гроб. У бойцов, наверное, шары на лоб вылезли от такого богохульства. Но им простительно. Ведь никто из них не видел смерть лицом к лицу. А на войне ко всему привыкаешь. Въехали сразу в военкомат, выгрузили «ящик». Прапорщик поехал к родителям. На скорую руку пообедали, вдруг раздался телефонный звонок. Требуют везти в морг. Что ж, снова погрузка и выгрузка уже в морге. Сколько их было на веку лейтенанта Андреева. В морге куча трупов, но к этому не привыкать, а трупный запах уже въелся так, что он этого не замечал. Подъехали родные убитого. Среди них был прапорщик, двоюродный брат этого парня. При понятых вскрыли цинковый гроб. А там черви ползают по лицу. Прапорщик этот упал в обморок. Зачем таких сла-

бонервных в армию берут? Быстро закрыли гроб, запаяли и на выход.

–Он?

Он, – ответила мать убитого.

Назавтра похороны. Все уже было готово: и оркестр, и солдаты для отдачи последнего салюта. С утра было прощание с погибшим в родном доме. Домишко небольшой, можно даже сказать, что бедный. Таких вот бедняков и посылают на войну. Откупиться им нечем, да, наверное, родители и взятки давать не умеют. Честные люди.

Ночевать устроили у этого прапорщика из военкомата. Вещей у Андреева не было. Так, одна сумка. Подъехали на УАЗ-ике, сам военком распорядился, выгрузились.

–Ставь сумку сюда, – сказал прапорщик, – сейчас пообедаем и пойдем.

–Куда? – недоуменно спросил Андреев.

–На кудыкину гору. Там увидишь. У тебя плавки с собой?

–Нет.

–Тогда мои возьмешь.

Пляж, девушки в купальниках. Да... Это интересно. Под самыми стенами Костромского монастыря. А как монахи на это реагируют? Они же ведь тоже мужчины! Хотя вряд ли.

Потом вернулись домой к этому прапорщику. Его жена накрыла на стол. «Повезло ему с женой, – промелькнуло в голове у Андреева, – вежливая, доброжелательная. Немного полненькая, но это только ее красит». Душ, вкусная домаш-

няя еда, чистая постель, что еще нужно солдату? Единственное, что испортило настроение Андрееву, – он закричал ночью, во сне. Его облили водой, прямо в постели, разбудили. Глаза у него были как у безумного. Он ничего не помнил. На ум пришла дурная мысль: «Эту войну ты будешь вспоминать, как единственное, что было у тебя в жизни». Так оно и получилось впоследствии.

Утро. Только еще рассвет занялся. Солнце ударило прямо в правый глаз. Лучше бы в левый. Ведь правым надо целиться. А какой из командира снайпер, если снайперский глаз ослеплен дневным светом? Он думал так, как думал на войне. Он не мог себе представить, что бывают даже ситуации, когда можно девушек любить, что можно их просто видеть в коротких платьях. В конце концов, его поймут друзья на «гражданке», дадут ему, наверное, упущенное, может, даже женят. Так оно впоследствии и получилось.

Вернемся к утру, читатель. «Кто рано встает, тому бог подает», – так гласит Библия. Андреева, естественно, подняли, а разбудить забыли. В этом случае ему гоже повезло, как везло на всей этой необъявленной войне. Лейтенант встал, умылся, побриться не успел, ехать пора. УАЗик уже у подъезда, на командирском месте майор из четвертого отделения РВК.

–Здравия желаю, товарищ майор.

–Здорово... Что-то ты больно радуешься, или усы у тебя

такие?

–Нет. Просто домой хочу после похорон.

Вот после похорон и поговорим. Сейчас едем к родственникам, там и гроб стоит. Похороны после обеда. Смотри, лейтенант, там толпа взбудораженная. Могут морду набить.

–Справимся, не в первый раз.

–Здесь тебе не Афган, – сказал майор. – Будь добр, держи зевало на замке.

–Понял, – ответил Андреев.

Действительно, тут не Афган. Странно как-то, за что морду бить сопровождающему гроб офицеру? Может, согласно старой армейской поговорке, было бы за что – убили бы? За Андреевым заехал УАЗик из военкомата. Уселись, поехали. За окном мелькают «хрущёвки», частные дома, деревья. Все попеременно. Вот въехали в частный сектор. Люди стоят на улицах, о чем-то оживленно разговаривают, жестикулируют. У Андреева к горлу подступил комок: «Что-то нехорошее произойдет». Как будто в воду глядел. Не успели вылезти из машины, толпа уже обступила ее.

–Выходите быстрее, сволочи, на что наших сыновей посылаете?

–Сами, небось, в тылу ошиваетесь.

А этот, в полевой форме, что здесь делает? Вырядился под военного.

Отдайте моего сына!!!

–Ты почему живой? Ты живой, а он – мертвый! Значит –

ты трус? – это кричал двоюродный брат погибшего, прапорщик, бывший в это время в отпуске.

– Дай я ему врежу, мало не покажется.

– Почему его убили, а не тебя?

Водила дал по газам, и машина умчалась. Майор тут же отвез Андреева на автобусную станцию, взял билет до города Иваново и сказал: «Езжай, парень, домой. Тебя твои уже, наверное, заждались. Слава богу, ты жив. А тут мы сами разберёмся». Кроме «спасибо», Андрееву нечего было сказать. Через пятнадцать минут за окном автобуса замелькал российский пейзаж: деревья, домишки, огороды. Через полтора часа город Иванов.

«За что же меня так? Я ведь тоже воюю, – в отчаянии подумал Андреев. – То, что я жив, – чистая случайность. Я – что? Должен отвечать за всех убитых? А эти, которые в больших креслах? С генеральскими погонами? Они что – не виноваты? Хотя, может быть, я сам вес придумал. Ведь орала-то только молодежь. Правду говорит кавказская пословица: «Чем сосуд заполнен, то из него и льется».

* * *

Вот и касса аэрофлота. Народу! Всех не перечесать. Ждать, конечно же, не хотелось. На руках только служебный паспорт. Даже удостоверения нет. Сгорело в «85-ом» БТРе. Наверное, и душа его там сгорела.

Товарищи, пропустите, пожалуйста. Очень нужно, – про-

сящие сказал лейтенант Андреев, показывая синий служебный паспорт.

Да, пошел ты, щенок паршивый. Мы уже два часа стоим, – загудела очередь.

Да я из Афгана, – промямлил лейтенант, показав визу в паспорте.

Много вас таких шляется. У меня таких паспортов с десятков. Мы, может, тоже в армии служили. Не меньше твоего видели. Мы вас туда не посылали, – заявили два рослых парня.

Недаром сказал Салтыков-Щедрин: «Только у дураков бывает такая убежденность во взгляде, в голосе, такая непрекаемость во взорах». Что ж, вперед!

Эй, урод, и ты с ним! Пойдем-ка на улицу, а то здесь душно. Там и разомнемся. Один из нас троих вернется обратно.

-Чё ты хочешь?

–А ты не понял?

–Извини, парень. Мы не хотели тебя обидеть. Война все проклятая.

Андреев решил их не наказывать. Ведь они не виноваты в том, что их не учили дисциплине, в том числе и внутренней. Она, наверное, самая важная. Ему вспомнилось Казанское Суворовское военное училище, его командир взвода, офицер-воспитатель майор Тульчанский Юрий Владимирович. Его команды: «Раз и навсегда: стой и стой». Он еще учил тому, чтобы уши не мерзли. Первые пять минут на морозе –

шапка клапанами вверх. На следующий день – десять минут, потом пятнадцать минут и т.д. Только служить Андрееву пришлось на «ютах», где нет морозов. Так всегда. Готовишься к одному, а получается на 180 градусов, в общем, как всегда. Поэтому возраст военных невозможно определить. Они и на пенсию уходят в сорок пять. Для офицера – это срок, если он еще живой. А дальше... дальше, на пенсии, только тоска по прошлой жизни. Прости, читатель. Я немножко отвлекся, хотя считаю, что всем профессиональным военно-служащим выслугу лет нужно подсчитывать один к трем. А в отношении их возраста можно и не говорить. Календарные голы их идут один к пяти.

Купив билет на самолет «Sessna* чехословацких авиакомпаний, Андреев пошел на посадку. Маленький самолетик. Набрал высоту, он медленно полетел, следуя своим курсом на город Горький. Внизу четко виднеются реки, речки, огороды. Даже домики и те виднеются отдельно. После такого мирного пейзажа Андреева вырубил. Неужели здесь не стреляют? И девочки ходят в коротких юбках. И что? Паранджу не надевают? Андреев был как-то у одного офицера афганского командос. Жена по-европейски одета, накрашена. Персик да и только. Он спросил у хозяина: почему тот не разрешает жене выходить в таком виде на улицу? Тот ответил, что законы Шариата очень жестоки. Если она выйдет на улицу с открытым лицом, то ее могут зарезать. Поэтому он велит ей выходить на улицу только в парандже. А дома?!

Дома он разрешает ей ходить даже голой. Чтобы не криветь душой – фигурка у нее классная: осиная талия, небольшая, но высоко поднятая грудь, ноги с чуть полноватыми икрами, хотя это не портит красоту ног. Красавица – ничего не скажешь. Такой только любоваться. Повезло этому афганскому офицеру.

– Уважаемые пассажиры, – раздался голос стюардессы, – пристегните, пожалуйста, ремни, мы приземляемся.

Вот и город Горький. Немного провинциальный, немного современный: окраины старорежимные – частный сектор, а центр – великолепные современные постройки. Все как обычно. Посадка, осмотр, аэровокзал. Андреев в первую очередь побежал к объявлениям о вылете. Тут его постигло горькое разочарование: следующий самолет будет только в четверг, а предыдущий улетел сегодня, в понедельник, полчаса назад. Тяжко вздохнув, он вышел на улицу, закурил. На его мрачный вид стали люди оглядываться. Тем более что у него форма для «Союза» была необычная: походно-полевая, ноги обуты вместо сапог в «борцы», полусапожки по-вашему.

– Эй, парень. – окликнул Андреева какой-то мужик. – Тебе куда?

– Далеко, – сказал лейтенант, – отсюда не видно.

– Ты не обижайся, я ведь по-хорошему.

– Да вот, самолет улетел, а следующий только в четверг.

– Да ты толком расскажи. Куда ехать-то? Ты, я вижу, из

Афгана. У меня сын моего соседа там служил.

–В Йошкар-Олу мне. Ты, наверное, и не слышал.

–Отчего же, знаю. Давай, я тебя до границы с Татарией доведу, а там пересядешь на автобус.

–Спасибо, приятель. У меня столько «бабок» нет.

–А сколь у тебя?

–Да, рублей тридцать всего, остальное все на вкладной книжке, в Сбербанке.

–Садись и не вякай. Я только еще парочку пассажиров подхватчу и поедем.

Неужели такое может быть? Таксист, который «капусту» должен «рубить», почти бесплатно отвозит. Да еще уговаривает ехать. На площади аэровокзала народу было много. Двое пассажиров в город быстро нашлись. Сели – поехали. Андреев, как и уговаривалось, свои тридцать рублей отдал сразу. Машина петляла по улицам города, выехали за черту города, на трассу. Водила гнал на всю мощь, даже не подсаживал никого. Проехав мост через Волгу, водитель помигал фарами встречному такси. Тот

остановился. Они о чем-то быстро переговорили, встречный развернулся в обратную сторону. Номера у него были наши, марийские. Андреев быстренько пересел к ней и вперед. Теперь уже не страшная команда. Это означает – ДОМОЙ.

Как доехали до Йошкар-Олы, он не помнил. Единственное, что он запомнил, – это свой ответ таксисту, что нужно

ехать на улицу Щорса 17. Там жила его невеста. Вот и улица, вот дом. Дома никого нет. Невеста его на работе. Оставив вещи у соседей, он бросился к автобусу. Доехал до завода, где работала невеста, зашел на проходную.

–Извините, пожалуйста. Как можно позвонить в двадцать первый отдел? – обратился к вахтерше Андреев.

–А ты откуда такой взялся? Странная у тебя форма. Да и сам весь черный.

–Да я только что с дороги. Извините меня.

–Что уж там. Звони. Только недолго, – удивленно-недоумевающе ответила вахтерша.

Через пять-шесть минут вышла невеста. Объятыя, поцелуи... Она отпросилась в отгул на целую неделю. Остальное все как обычно. Тебе, читатель, будет неинтересно. Но для Андреева это был праздник. Вкусный обед, вкусная девушка, вкусная музыка, по сравнению с азиатской. Потом он заехал к матери, к друзьям. Так и закрутился отпуск, как будто бы на карусели. Картинки сменяют одна другую, что калейдоскоп. Все и запомнить невозможно.

Знаешь, читатель, странно все это. Это ведь про женщин. Макро Незе, итальянец по рождению, однажды промолвил такое, что на русский язык переведешь так: «Каждая женщина испытывает это странное желание вкусно накормить своего любимого». Наверное, женщина, накормив своего мужчину, испытывает удовлетворение. Конечно, как я раньше не догадался? Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

Так и шел отпуск лейтенанта Андреева. Вот осталась неделя до конца. Они решили пожениться. А что? Все равно скоро замена. Может, и не убьют за это время. Предсвадебная суета: заказ торжественного стола, подача заявления, рассылка приглашений, ну и т.д. Зашли они в ЗАГС, взяли бланки заявлений о регистрации брака (странное слово – брак: ведь так хорошее дело не назовешь), заполнили. После этого, приложив к заявлению паспорта, отдали какой-то барышне, чтобы она зарегистрировала и назначила время свадьбы.

– Молодой человек, а почему у вас служебный паспорт? Где настоящий?

– Извините, пожалуйста, я – военнослужащий, офицер. У нас нет паспортов.

– Должно быть удостоверение личности.

Понимаете, оно сгорело. Я не виноват.

– Нет, по такому документу я не могу зарегистрировать Ваше семейное положение. Может, Вы уже десять раз женаты.

– Да нет же! Что же мне делать? – подавленно сказал Андреев.

– Идите в военкомат. Пусть дадут справку, что Вы не женаты.

Что поделаешь? Пошли в военкомат. Городским военным комиссаром был полковник Бондаренко Сергей Семенович. Услышав историю Андреева, он без лишних слов выписал справку о том, что Андрееву можно жениться, скрепил пе-

чатку для бюрократов ЗАГСа. Вот такое было начало. Потом как обычно. Толпа пьяных гостей два дня «издевалась» над двумя трезвыми. Так прошли пятница и суббота. В воскресенье Андрееву нужно уезжать, в понедельник он должен быть в Ташкенте. Что ж получается? Один день медового месяца?! Кто-то надоумил обратиться к коменданту гарнизона за продлением отпуска. Он имеет такие полномочия. И, действительно, хороший был мужик. Оказывается, сам «афганец». По их просьбе он продлил отпуск Андрееву до конца недели. И на том спасибо.

Неделя пролетела незаметно: походы в Сосновую рощу, в гости к друзьям и тому подобное. И вот снова наступило воскресенье. Пора ехать. Сначала поездом до города Казани, а там самолетом до Ташкента. Жена, Лия, вызвалась сопровождать. Сумки полные всякой снеди: куры, колбаса, сыр и вес такое. Друзья еще постарались, достали литр спирта. Перелили его в пустую бутылку с закруткой из под водки «Посольская». Для прочности закручивающуюся пробку обвязали изолентой красного цвета. Эта изолента Андреем чуть «под монастырь» не повела, к тому же еще два самодельных ножа было – полный комплект. Прощание было недолгим. По времени столько, сколько проходят пассажиры на ТУ-134. Все, время. Они долго целовались, оторвало друг от друга объявление работника аэропорта, что на такой-то рейс нужно проходить быстрее. Взяв себя в руки, он пошел на посадку, не оглядываясь. Хотя это не совсем правда. Он

один раз оглянулся, посмотрел на свою жену и увидел на ее ресницах слезинки. «До свидания, Лия», вслух подумал Андреев.

–Пожалуйста, Вашу сумку сюда, а портфель на этот стол, обратился к лейтенанту работник аэропорта.

–Да, конечно.

–А это что у вас? – спросил он.

–Водка, не видите что ли?

–Пожалуйста, пройдите в эту комнату.

–Хорошо, а зачем?

–Там увидите. Сержант, посмотрите. Странная бутылка у этого офицера, да и паспорт какой-то странный.

–Ну! Что у Вас? А где удостоверение личности? О-о-о, – понюхав открытую бутылку, вскричал сержант милиции, – да это же спирт.

–Да. Не вода же, – невозмутимо ответил Андреев. – Ты посмотри, сержант, куда я еду. Там такое добро под сто рублей стоит. Сержант, увидев визу, ничего не стал спрашивать. Только пожелал счастливого пути и вернуться домой живым. «Постараюсь», – ответил лейтенант.

Посадка. Взревели турбины, и самолет начал разбег по взлетно-посадочной полосе. Плавный взлет, не то, что в Афганистане резкий набор высоты. Затем полет выровнялся, и пассажиры легли спать, точнее устроились поглубже в кресла и заснули. Через три часа город Ташкент. А там! Как обычно: гостиница, «пересылка», таможня, да еще открытие «визы».

Что такое осень? Это ведь не только желтые листья на деревьях, пожухлая трава. Это нечто большее. Русский писатель Иван Козлов определил так: «Осень – это когда на душе холодно». Точнее не скажешь. А каково было Андрееву уезжать? Так больно, как и композитору Огинскому, когда он покидал свою Родину – Польшу, и написал свой полонез. Многие сейчас даже в России плачут при звуках «Полонеза Огинского».

ТАМОЖНЯ

Что ж, вот она «пересылка». Осталось совсем немного. На пятый день пребывания Андреева в Ташкенте наконец-то открыли визу для пролета в чужую страну Подъем в пять, в шесть автобус, дальше таможня, которая дает «добро». Настроение его можно выразить так:

Здесь под небом чужим.

Под афганскою лазурью

Слышу крик журавлей, улетающих одаль.

Ах, как хочется мне заглянуть и амбразуру.

Пулеметом глушить по России печаль.

К таможенникам выстроилась целая очередь. За три-четыре человека стоял капитан. У него был фибровый чемодан и объемистый портфель. Наверное, груз был тяжелый. По-

ставил он свои вещи на стол. Таможенник никакого внимания не обращает, смотрит прямо в глаза капитану:

–Сколько водки везете?

–Восемнадцать бутылок, – не моргнув, ответил капитан, зная, что разрешено всего две.

–Да вы что! – задохнулся от гнева таможенник.

–Извините, пожалуйста, я ведь не на спекуляцию. Женился я неделю назад. Вот посмотрите свидетельство о браке. Друзей хочу угостить.

–Ты знаешь... Все-таки восемнадцать – это много, – смягчился таможенник. Хотя бы десять. Хорошо?

–Ладно, сам посчитай.

Таможенник открыл портфель, пересчитал бутылки. Точно, восемнадцать. Изъял восемь бутылок, закрыл портфель, поставил штампики в загранпаспорте и пожелал счастливого пути. Позднее, войдя в самолет, этот капитан во все услышанье заявил: «А чемодан-то не проверили! А там еще пара ящичков была».

Дальше еще смешнее было. Стоит какой-то подполковник, ставит свои сумки на стол. Его проверяла женщина из таможни.

–А это что у вас? – спрашивает она.

–Березовый сок. Не видите что ли? На этой трехлитровой банке даже штамп магазина стоит.

Независимо от того, что банка закатана жестяной крышкой, нужно ее вскрыть.

Вскрывают. Только, извините, у меня открывалки нет.

–Что-нибудь придумаем. Леша, подойди сюда. Открой, пожалуйста, эту банку.

Только зубами.

–Да ты что!?

–Не бойтесь, Лариса Ивановна, не в первый раз.

Щелк – банка вскрыта. Лариса Ивановна даже отшатнулась от запаха. Чистый спирт.

–Да вы понюхайте, какой же это березовый сок? возмущенно захлебнулась Лариса Ивановна.

–Вы сами понюхайте, – невозмутимо ответил подполковник. – Попробуйте.

–Сами пробуйте.

–Дайте, я попробую, раздался тяжелый голос двухметрового прапорщика.

Бульк-бульк-бульк...

–А что? На самом деле березовый сок, – густым басом ответил этот прапорщик, даже не поморщившись, и при этом отпив грамм двести чистого спирта.

–Да пошли Вы все... – возмущенно вскричала таможенница.

Потом, уже в самолете, этот прапорщик сказал подполковнику: «Ты бы хоть дал огурцом закусить твой «березовый сок». В ответ раздался дружный хохот всех летящих на войну пассажиров.

Вот настала очередь Андреева. Его принимал узбек, со-

трудник Ташкентской таможни. Слева один стол, где стояла та самая таможенница – симпатичная молодая барышня, вся в серьгах, сверкающих побрякушках и золотых зубах. Направо нужно было идти ему. Поставив сумки на стол, Андреев внимательно уставился на таможенника и протянул заграничный паспорт. С чувством пристрастия, осмотрел Андреева, таможенник спросил:

–Что везете? Есть ли у Вас наркотики, оружие, еще недопустимое к вывозу?

–Нет. – ответил Андреев, хотя у него было два ножа: один был засунут за пояс брюк, второй привязан к левой ноге.

–Откройте, пожалуйста, сумку, – еще один раз оглядев Андреева, сказал таможенник.

Наверное, таможенник подумал, что ничего запрещенного никуда не спрячешь. Ведь лето, жара – все одеты в рубашки. Не провезешь ведь под рубашкой пулемет:

–А у вас к ноге ничего не привязано?

–Сами убедитесь.

Андреев тут же поставил правую ногу на подставку, задрал штанину и несколько раз повернул ногу, чтобы таможенник убедился, что на правой ноге ничего нет. А если бы Андреева попросили показать левую ногу? Да... Уголовная статья – контрабанда оружия. Хотя, если честно сказать, пехотный штык-нож ломается о твердые предметы, например, о кости. Да и тупой он, его не наточишь. Нож десантника может стрелять пулей один раз. В остальном такой же, как

и штык-нож. Приходилось «левым» путем изготавливать ножи самодельные, про которые знаешь, что они не подведут. Пусть они пулей не стреляют, зато при метании попадают в цель и вонзаются во врага, как в кусок масла.

– Может, и левую показать? – мрачно осведомился лейтенант Андреев.

– Нет, нет. Не надо. Проходите, пожалуйста, – ответил таможенник.

– Спасибо, – угрюмо ответил Андреев.

Дальше, как обычно, посадка в самолет, сто грамм – за удачу, ну и полет до места своей службы. Отпускник летит по обычному кругу: Ташкент – Кундуз – Кандагар. Полтора часа полета до Кандагарской «Арианы» и снова как в парилке русской бани.

Виват, Кандагар и Герат!

Виват, Файзабад к Газни!

Виват, Хайратон и Шиндант!

Виват всем вам, дорогие мои шурави!

Едва Андреев вылез из самолета, тут же увидел знакомую картину: в восточном стиле, с округлыми арками здание аэропорта, «афганские» МИГи, вдали наши «крокодилы», «восьмерки», МИ-шестые.

Ну, а самое интересное – это знакомые физиономии бойцов, которые охраняли аэродром. Это же бойцы его роты!

–Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! – закричали солдаты. – Вернулись?

–Теперь все пойдет как надо. Только если обратно к нам переведетесь.

–Не понял. Как это обратно к вам? Я что уже в третьем батальоне не служу?

Перевели Вас, наверное, в ДШБ, – хмуро ответил замком-взвода сержант Страхов.

–Не бойтесь. Бог не выдаст – свинья не съест. Довезите хоть до бригады.

–Три секунды, товарищ лейтенант, – бодро откликнулся Гена Кун.

Да... Теперь в другой батальон – десантно-штурмовой. Как ДШБ переводилось на языке солдат бригады? – Дисциплинарно-штрафной батальон. Те же «смертники», что и третий МСБ(г). Ничего, не то еще видали. Что ж! Вперед, в бригаду. «Повезло им, – подумал о восьмой роте Андреев. – Его второй взвод охраняет ООНовский городок, один взвод – мост через реку Тарнак, третий взвод – аэропорт «Ариана», хоть отдохнут от боев».

А ему, читатель, снова «топай-топай». Знаете, что такое пехота – сто километров прошел, и еще охота. Правильно. Смеяться здесь не обязательно. Посмеемся потом, когда последний враг на землю ляжет.

Глава ш е с т а я

ДЕСАНТНЫЙ ШТУРМОВОЙ БАТАЛЬОН

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЗАСАДА

Андреев снова прибыл в бригаду, что называется, для дальнейшего прохождения службы. Позади прекрасный отпуск, «медовый месяц» длиною в неделю, таможня, перелет – и как обухом по голове. Андреева перевели в десантный штурмовой батальон, третью роту. Как? Почему? Оказывается, за время его отсутствия из рядов третьего батальона выбыло по болезням, ранениям, смерти 70 % офицеров. Воевать стало некому. Комбриг распорядился взамен всех выбывших укомплектовать батальон офицерами из других подразделений, а их перевести. «Называется, без меня меня женили, – подумал он. – Трудно ли будет привыкать к новому коллективу? Да и третий его батальон стал родным. Не повезло ему в ДРА. Хорошим людям всегда в жизни не везет. Это известное правило.

Жаль расставаться со старыми друзьями. Зато ДШБ – это батальон, где служил Олег Николаевич Филиппов». Здесь Олег начинал свою службу в Афгане командиром первой роты, отсюда был переведен в восьмую.

С самого детства Олег был целеустремленным, честным, порядочным человеком. Поставил себе цель – стать офицером – и добился ее. Сначала Московское суворовское военное училище. Там до сих пор стоит застеленная койка с его фотографией. Затем Московское ВОКУ с отличием, потом ГСВГ.

Оттуда, с большим трудом, через многие рапорта доб-

ровольно отправился в ДРА. Добился и этой цели. Но его мнению, офицеров для того и учат, чтоб воевать. И поехал. Знать бы, где упадешь – соломки постелил бы. Олег всегда, во всем для всех офицеров батальона бригады был примером. Все на него равнялись.

Будь всесилен, как маг, проживи тысячу лет.
В темной бездне некой не увидит твой свет.
Лишь на легендах порой наши судьбы мерцают,
Стань же искрою счастья среди этих легенд.

«Так и Олег стал нам всем путеводным маяком в жизни, – размышлял Андреев. – И правильно, что в его честь в его родном г. Ливны Орловской области названа улица. Все, кто хоть немного знал его, никогда не забудут его». Тяжело вздохнув, Андреев мысленно решил: «Надо устраиваться на новом месте, вживаться в новый коллектив. А для этого всегда и во всем поможет память об Олеге».

Как положено, командир взвода Андреев первым делом представился комбату. Командир батальона майор Бараев уже заочно знал об Андрееве и вообще, о всех «делах» 3-й МСБ(г). С радостью принял. Задал несколько незначительных вопросов, вкратце обрисовал обстановку в батальоне, рассказал более подробно про третью рогу, где будет Андреев служить. Любому командиру нужен обстрелянный офицер. Вечером представил офицерам батальона. Многие были

уже знакомы по прежним боям, по пустыне. ДШБ частенько останавливался переночевать в «пустынном» батальоне. Потом «вливание» в коллектив, то есть вечеринка. И все, началась будничная боевая жизнь.

—А это кто у вас?— спросил Андреев у заместителя командира роты Сергея Алейникова.

—А! Это наша Лиза, — ответил Алейников. — Эту обезьяну в саду нашли. Ведь случайно могли подстрелить или осколком бы задело. Взяли с собой. Ласковая она, ручная. Первое время дичилась, потом ничего. Даже обнаглела. Если ей не понравилось что-то на стенке, ну там фотографии, карты — все в клочья. С тумбочек тоже все летит. Смешная до слез. Её все заместитель командира второй роты И.Блинджян доканывает, изображает с ней бокс. А она всерьез воспринимает, дерется с ним, умрешь с хохоту. Был один случай: Лиза только первую неделю жила. Офицеры зачем-то собрались в комнате второй роты. Она тут бегают. Игорь начал ее дразнить. Она схватила полную кружку браги и в него запустила. Он, весь мокрый, сделал страшные глаза и начал на нее наступать. Лизка прямо ко мне на кровать, я на кровати лежал, прижалась к боку и сделала такую рожицу — хоть стой, хоть падай. Рожица выражала: вы все тут дураки, а я одна умная. Все так попадали. Действительно, умная. Сколько фортелей выкидывала. Потом потихоньку научили ее пить, анашу курить. Пойдешь куда — позовешь ее. Она взберется на тебя, сядет на шею, вцепится в волосы и так едет.

Пока Андреев смеялся, Серега продолжал:

– Был еще случай. Капитан Козлов подпоил ее вечером. Вернее, на пару пили. И пошел на ужин в офицерскую столовую. Кто-то из начальства увидел. Утром комбриг на совещании говорит: «В этом долбанном ДШБ опять начудили. Вчера пьяный Козлов с пьяной обезьянкой на ужин пришел. Вас, я вижу, больше трех дней в бригаде оставлять нельзя. Завтра же пойдете сопровождать колонну в Союз, а из Союза «ниточку» с авиабомбами встретите*.

– У нас еще собака Феня есть, – продолжал Сергей, – вот с Лизкой никак не подружится, все дерутся. Баба есть баба. Был еще собачонок, Ефрейтором звали. «Духовской» миной убило. Жаль беднягу. Вот с ним Лизка дружила. Вот так и живем. Всего две женщины на целый батальон.

Андреева корчило от смеха. Да и другие офицеры смеялись, вспоминая то один, то другой случай с Лизкой и Феней. Ну, а вечером смех пропал. Как и обещал комбриг, батальон отправляли на сопровождение. Тут комбат Бараев проявил инициативу. За день послать взвод Андреева в засаду, без прикрытия, а на следующий день соединиться. Все бы ничего. Засада – дело привычное, как и сопровождение. Но при постановке задачи у Андреева челюсть отвисла. Пройти на двух БМП по «зеленке» до перевала, обогнуть Кандагар с юга через Реги, Базарчу (места для него были известны), дойти до другого перевала, оставить там машины. Затем дойти до Элеватора, выйти на Нагахамский поворот и, ес-

ли что попадетсЯ (вот ведь дурак, а где разведданные?), уни-чтожить. Только одну маленькую деталь упустил комбат: это расстояние, почти в пятьдесят километров, по густонаселенным «духами» кишлакам незамеченными пройти не удастсЯ. В лучшем случае удастся дойти до Базарчи, а затем всех уничтожат. Что там две БМПшки и двадцать человек? Это Андреев знал точно, потому как эту всю «зеленку* он на пузе прополз за полтора года. Значит, будет еще двадцать цинковых бушлатов. А главная задача на этой войне – сохранить жизни людей. Ему что? Это не понятно?

–Он что у вас, чокнутый? – спросил Андреев у своего ротного, рассказав ему все. Это ж «верняк» двадцать трупов и потеря двух машин. А первое впечатление произвел даже отличное – рубаха-парень.

–Хм, – усмехнулся ротный, – он только что из Союза, не обстрелянный. Кроме того, «лапа» где-то наверху. Быстрее «звездочку» получить хочет, козел вонючий. Да ты таких и сам, наверное, не раз видел.

–Ты не беспокойся. Это у него уже не первый раз, – продолжил ротный, – такие засады мы называем «имитацией*». Сделаешь умный вид, ответишь этому придурку «Есть», выйдешь к первому перевалу, откроешь стрельбу. «Ну что тебя учить что ли надо?»

Андреев покрутил головой и пошел готовить взвод и себя к выезду. Через час взвод был в пути.

«Да, ну и командир у нас, – подумал лейтенант, – правиль-

но говорит монгольская пословица, дошедшая до нас еще со времен Чингисхана: на хромой кобыле там, где и воды-то по колено, утонешь». В последствии, уже будучи в Союзе, Андреев получил письмо от друзей, еще служивших там. После снятия Бараева с должности (это было еще при Андрееве) он был назначен НШ второго батальона. Там он проворовался – ограбил какой-то кишлак. В конечном итоге получил то, что заслужил – был привлечен к уголовной ответственности.

Взвод прошел проселочными дорогами но приборам ночного видения. Хорошо еще, что в этих местах жили белуджи. Видно, их уже предупредили о проходе взвода. На дорогу изредка выходили их часовые, показывали направление движения, приветственно махали руками, желая удачи. На одном из участков вышел даже другом Андреева – Бисмилла-джан, командир первого из отрядов белуджей. Старый знакомый по прежним боям. Вместе «духов» громили. Остановились. Хлопнули друг друга по плечам, и снова вперед. Ночь. В приборах ночного видения в зеленоватом цвете причудливо возникают дувалы, домишки какие-то изогнутые, чахлые деревца. Переехали через мелкий арык, скоро перевал. Вот впереди виднеется горная гряда. «Надо взять левее», – сонно подумал лейтенант, но не успел. Механик сам взял правильное направление. Видно, знал эту дорожку не хуже.

Всё, перевал, приехали.

–По машинам! скомандовал лейтенант – Всем вооружаться, взять только оружие и боеприпасы. Командиры групп, ко

мне!

У всех были удивленные взгляды а сухпай? С такими же лицами к взводному подошли и сержанты.

–Товарищ лейтенант, а АГС-17? «Мухи»?

–Жрать-то что будем?

–А вода? – начали взразнобой задавать вопросы.

–Взять только две «мухи», личное оружие, жрать будем горячее, – ответил лейтенант. – Смотрите по карте наш маршрут.

После всех пояснений и ответов на другие вопросы солдаты завозмущались:

–Это же явная смерть.

Он что, этот комбат, псих и задницу рвет?

Хочет за счет нас побыстрее «Красную Звезду» получить.

«Наконец-то дошло», – подумал лейтенант.

–Теперь слушайте сюда, – распорядился взводный. – Идем цепочкой по склону этой горки, огибаем слева. Дальше группа Ревякина кидается на ее вершину и дает залп по виноградникам с другой стороны горы. Остальные две группы «трассерами» по следующей горе. Три-четыре сигнальные мины, пять сигнальных ракет, группе Ревякина выше голов другой группы. И всё. Затем Ревякин остается на горе для прикрытия. Остальные – к машинам. готовим горячее и ждём батальон до утра. Вопросы?

–Все правильно, – дружно загалдели сержанты.

–Идите по своим группам, все объясните бойцам, и через

пятнадцать минут выходим.

Получилось совсем не так, как планировал взводный, хотя, может, это было и на руку ему.

Ревякин с группой занял вершину горы, цепочка остатков взвода пошла по склону. Поднялись на одну треть высоты. Группа Гены Куца – впереди, потом взводный со своими связистами и снайперами, замыкающим – Сарсынбаев со своими. Остановились, ждут ответа по радиостанции от Ревякина, когда они дойдут и можно будет начинать.

–Стой! – раздалась по цепочке команда лейтенанта.

Все легли на землю. Никто не думал тогда ни о змеях, ни о скорпионах-фалангах.

–«Орел». Я «Орел-1». Все готово, – доложил Ревякин.

–Вперед! – скомандовал лейтенант.

Только они встали луч прожектора с вершины соседней горы. Светло, как днем. За светом – очереди пулеметов, затем выстрелы из гранатометов, полетели гранаты, взрывы. Боец закричал, раненый. Какие тут скорпионы! Одна злость на сердце. По радиостанции не успели дать команду. БМП уже здесь, возле подножия горы. Так врезала из пушки и пулеметов да еще огонь взвода. Прожектор-то сразу погас: долбанули его. А пулеметы и гранатометы попозже заткнулись.

–Кого зацепило? – крикнул лейтенант.

–Рядового Дебру.

–Да говори быстрее.

–Легко, его легко. В мякоть ноги, только Ревякин – на го-

ре. Куц – у подножия, Сырсынбаев, к машинам, прикрывать! Да ужин сготовил! Я же сказал: горячее будем есть, – распорядился взводный. – Дебру не забудьте, а то за жратвой все позабудете.

–Обижаете, товарищ лейтенант.

«Вертушки* вызывать не стоит, скоро рассвет. Рана легкая, вытерпит. Тем более промидол вкололи, – размышлял взводный. – Надо доложить, пусть поторопятся».

Жрать нам сегодня будет? – крикнул Андреев. – Да не забудьте связаться с комбатом. «Наушники* мне.

Все сразу забегали. Лейтенант доложил как положено. В эфире был один мат. Пока ели, носили еду прикрывающим группам, начало светать. Посмотрели: мчится БТР с прикрытием. Где его взяли? Оказывается, заняли у третьего батальона. Он быстроходнее по бетонке, чем БМП. Раненого нужно забрать. Андреев в это время посты обходил. Везде бой уже затих.

–Эй, боец, что зубами стучишь? Холодно?

–Н-н-н-нет.

–Не бойся. Это всего лишь шакалы. Бояться здесь нужно людей, – сказал лейтенант.

–«Орел», «Орел», я «Орел-4». Подъезжают «коробочки», – доложили из бронегруппы.

–Спускаюсь, – ответил лейтенант.

Из подъехавших машин первым вылетел Бараев, затем ротный, потом вся третья рота. Тут же рассыпались, взя-

ли взвод в кольцо. Глянул Андреев в небо, а там «крокодилы» (это для прикрытия). Да, «очко»-то не железное.

– Где? Что там? – закричал, всполошившись Бараев.

– Сырсынбаев, покажи, – распорядился Андреев. – Да свою группу возьми, а то страшно некоторым.

Группа Сырсынбаева и третий взвод ушли осматривать поле боя. Правильно говорят: стадо баранов, ведомое волком, сильнее стаи волков, руководимых бараном.

– Что у вас тут? – спросил ротный у Андреева.

– Хотели имитацию сделать, а с левой горки нас осветили и врезали.

– Да-а. Дела. Теперь получишь «строгач».

– Да и черт с ним. Первый раз что ли? – ответил лейтенант. – Смотри, батальон идет. Сзади еще куча машин.

– Да, без тебя знаю. «Ниточка» пошла. По машинам! – Забрать комбата и всех, кто с ним, – распорядился командир роты.

Комбат убыл к себе в управление батальона, а они – «давай- давай».

СОПРОВОЖДЕНИЕ

Как будто бы Андреева не переводили из третьего батальона. Снова знакомая дорога. Проход Кандагара, Черная площадь, кантины, «зеленка». Элеватор. И вот он, родимый Нагаханский поворот. Что ж, никого винить нельзя. Ротный

знал, что Андреев наизусть знает эту трассу. Заблокировали этот участок «зеленки». Ждут «ниточку». Тишина. Колышутся ветки винограда, сады гранатовые шумят, «вертушки» где-то высоко стрекочут. Хотя, если нужно, эти «крокодилы» на бредущем прямо по головам ходят, гул устрашающий.

Пошла «ниточка» от Элеватора. Сначала пустые КамАЗы-паливники, потом – РМО*.

Бойцы за рулем все в напряжении, «броники* – на боковых стеклах. Оно и понятно, ведь справа и слева – «зеленка». Нам легче. Ведь взвод скрыт виноградниками, никакой стрельбы. У «духов» что ж, выходной? Батальон ждет колонну из Союза.

Вдруг раздался какой-то непонятный свист сверху. Все подняли голову: летит СУ-17, «спарка», то есть в нем два пилота. Это разведчик погоды. Движки у пего, видно, не работают, иначе бы стоял рев. Летит по касательной все ниже и ниже, падает

взрыв. Метров пятьсот в «зеленке» от точки Андреева. Доложил ротному, тот – комбату. Поступила команда: выделить группу для спасения летчиков. «Кого там спасать? Взрыв был, – подумал лейтенант. – Да и как разделить взвод? И так людей не хватает».

–Выхожу сам с четырьмя «карандашами». Высылайте группу прикрытия, моя точка оголена, – доложил Андреев.

–Вперед! Заблокируй все и жди группу! Найди летчиков

и их оружие!

«Хорошо сказать. Заблокируй пятью солдатами поле в гектара три, а вокруг сады и виноградники. Подойдут и не услышишь, пока не обстреляют*, – подумал лейтенант.

–Понял, выхожу.

Выхожу, это сказано очень смешно. Четыре бойца во главе с Андреевым бежали бегом, несмотря на то, что можно нарваться на засаду. Вот и поле. Обломки самолета разбросаны повсюду, может, и за полем. От кабины почти ничего не осталось, двигатель лежал рядом, хвост – черт его знает. Догорают какие-то куски самолета, местами остатки горючего. Где же летчики?

–Товарищ лейтенант, парашют с креслом, – доложили бойцы.

«Да, вот он – первый. Даже пристегнут ремнями. Парашют сзади, лежит на земле, но в небе его никто не видел. Значит, не успел раскрыться. Что ж летчик-то не отстегнулся? Живой ли?», подумали все. Нет, конечно. У него было снесено полголовы и оторвана правая стопа, и он еще горел с левого бока. Быстренько потушили, начали отстегивать.

–Да, черт возьми, что встали, как истуканы! – заорал взводный. – Вы двое, к тому винограднику и держите этот мелкий виноградник и ту проселочную дорогу. Пулеметчик – за дуван, держать гранатовый сад. Переверзев, со мной искать второго летчика, оранжевый ящик и оружие.

–Легко сказать, перекрыть три га, – заворчали бойцы.

–Рты закрыли, сейчас придут «вертушки».

Андреев с Переверзевым отрезали ремни от кресла и погрузили мертвого летчика на плащ-палатку. Пошли искать второго. Нашли его в арыке, на краю поля. Вернее, только половину. Таз с ногами куда-то дальше улетел. Тело как желе. Тут раздался шум «вертушек». Показались одна «восьмерка» (МИ-8) и два «крокодила».

–«Перец», бегом в центр поля, брось красный дым, обозначь посадку!

–Понял, – ответил Переверзев.

«Вертушка* стала вертикально снижаться, «крокодилы» по кругу «поливали» «зеленку* из пулеметов и НУРСами*. После посадки выскочили два летчика и бегом к Переверзеву. Тот показал на первого летчика, они быстро понесли и погрузили его в вертолет. Тут подошел Андреев.

–Второй вон там возле арыка. Да поторопитесь.

Пока грузили второго, Переверзев нашел пистолет ПМ – личное оружие летчиков. Автомата АКСУ-74 так и не нашли. Вертолет не глушил мотор. Андреев подошел к кабине и отдал пистолет летчикам. Мгновенно «восьмерка» взлетела, «крокодилы» ушли за ней. «А кто будет прикрывать наш отход? Ведь нас всего пять человек», – подумал лейтенант.

–Внимание! Все ко мне! – скомандовал он. – Бегом отсюда. Бегом!

Рванули со всей прытью. Навстречу – группа поддержки во главе с Серёгой Алейниковым. Появились вовремя.

–Серега, отходим. Здесь больше делать нечего. «Духи» сейчас могут подойти. Уходим.

–И «ящик» нашел?

–Нет, и не искал. Нет времени.

–Комбат приказал найти.

–Вот пусть сам и ищет. А тебе советую – уходим. Я знаю эти места. Полтора года прослужил.

В подтверждение слов Андреева по ним раздался залп. «Духи» своего не упустят. «Придется отходить с боем. Говорил же ему быстрее», – подумал Андреев.

Отошли перебежками и с перестрелкой к «бетонке». Там бронегруппа. Хрен сунутся. Так оно и есть. Для остротки врезали туда из «тюльпана». Били, наверное, с полчаса. Вроде тишина. Правда, на следующий день на их кладбище появилось десять свежих могил. Значит, артиллерия хорошо поработала. А может, и взвод Андреева положил пару "духов". Кто его знает?

* * *

Батальон ждет «ниточку» из Союза. Все расслабились, даже пообедали.

–Эй, боец, по тебе ящерица ползет.

–И хрен с ней.

–Смотри в штаны заползет.

–И хрен с ней.

Орлы, «ниточка» подошла к горке. Приготовиться к об-

работке!

–Баймульдин, развернуть миномет! Караджаев – АГС! –
скомандовал лейтенант. – «Броня-23», возьми на прицел за-
брошенный кишлак.

Пошла колонна. КамАЗ-ы идут на предельной скорости,
какую можно позволить. Все в пыли, грязи. Бойцы зарос-
шие, куда ж деваться? Прощелкало несколько пуль – оче-
редь. «Ага, понятно, откуда стреляют. Вот тот домишко», –
подумал Андреев.

–Зулюков, возьми пару бойцов и прикрой справа. Да на
крышу заберись!

–Понял, товарищ лейтенант. Эй, вы двое! За мной!

Быстро по мелкому винограднику солдат Андрей Зулюков
с двумя бойцами бросился к отдельно стоящему, полуразру-
шенному домику. Вот они скрылись за стеной, появились на
крыше. Взрыв...

Наводчик-оператор рядовой Русакевич выскочил из
БМП-шки, бросился бежать к этому домику. Пока бежал,
сбил «растяжку». Взорвалась граната. Но Русакевич так
быстро бежал, что ни одного осколка в него не попало.

Андрей похож на отбивную. Он сел на противопехотный
фугас. По кускам собирали. Другие два бойца легкораненые.
Война есть война. Так погиб Андрей Иванович Зулюков,
заместитель командира взвода. Пока вызывали «вертушки»
и грузили Андрея с двумя бойцами на БМП, снова начался

обстрел. Русакевич прыгнул в БМП за пушку, открыл огонь. Дуэль продолжалась недолго, минут пять. «Духовский» выстрел из гранатомета, попадание в башню. Через задние двери залезли в машину. Русакевич лежал на полу, все в башне было обрызгано кровью и мозгами. У парня просто не было головы. Кумулятивная струя из гранатомета прошла через его голову и почти ничего не оставила.

–«Орел», я «Орел-2». Вызови «Тюльпан», сразу по пятой точке прицеливания осколочным – огонь! Воздух, я «Орел – 2», – начал вызывать Андреев.

–Я полста шестой, на приеме.

–От красного дыма, севернее сто метров, «огонь»!

–Понял, – ответили с «вертушки».

Тут начался ад. Раздолбали все, что могли. Хотя, может все мимо. «Завтра посмотрим на «духовские» кладбища», – подумал лейтенант. И точно, появились новые могилы.

А колонна идет. Машина за машиной. Вот идет ЗИЛ-131 с «кунгом». Там спали прапорщик и капитан. Вдрызг пьяные. Ну, «в дрова». Тут, «наливник» подбили впереди. Вся колонна встала. А "духи" разошлись вовсю. Вторую машину подожгли. Бойцы-водители из машин повыскакивали, отстреливаются, головы из-за обочины поднять не могут. И вот проснулся прапорщик. Слышит – стрельба. По его разумению, пора идти в атаку. И он пошел. В полный рост, с криком «ура». Его бойцы поймали, положили на землю. Он вырвался – и снова в атаку.

Правильно гласит поговорка: «Смелого пуля боится, в пьяного – хрен попадешь». После очередной поимки прапора связали, оттащили на бронегруппу. Хоть бы царапина на нем! Ну а капитан проснулся только по прибытии в Кишкинахуд. В «Кунге» насчитали двадцать восемь дырок от пуль. Одна из них прошла возле головы, а ему хоть бы хны. Даже не проснулся. Разбудили уже капитана на КП перевалочного пункта бригады. А кутерьма все продолжается. Щелкают пули, выстрелы из гранатометов, взрывы гранат, снарядов.

–«Броня-23».

–Я «броня-23».

–Очисти дорогу от горящих машин, а то всю колонну раздолбают, – раздался в эфире приказ Андрееву.

–Понял.

Танк, не разворачиваясь, задним ходом двинулся к горящему «наливнику». Подошел вплотную, взревел двигателем, и останки «КамАЗ-а» полетели с дороги в виноградник. Сзади стоит подбитый «ЗИЛ-ок». Он не горел. Командир танка высунулся из люка, махнул рукой офицеру из колонны, лежащему за обочиной и что-то прокричал ему. Тот вскочил, засуетился, убежал куда-то. Через пару минут, объехав подбитый «ЗИЛ-ок», появился тягач. Подцепил его и колонна тронулась. У всех отлегло е души наконец-то.

Постепенно машины набрали приличную скорость. «Духовский» огонь ослаб. «Все-таки мы хозяева трассы», – подумал лейтенант. Тут он увидел мчавшийся па предельной

скорости «КамАЗ». За рулем у него сидел солдат кавказской национальности с перекошенным от боли лицом. Он дико орал, но машину вел. Левая рука у него была перебита и из неё хлестала кровь. «Держись, парень. До Элеватора осталось немного, а там полетишь в госпиталь», – подумал Андреев.

Огонь душманов был давно подавлен, колонна прошла в бригаду. По команде комбата поочередно свернулись и тронулись следом. «Рабочий» день окончен.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Был один случай у лейтенанта Андреева, за который он себя до самой смерти не простит. Война есть война, на ней убивают. Однако тут было просто убийство, которое не прощается. И прежде всего самому себе.

Шел один из очередных рейдов. Бесконечная «зеленка», по горам еще ползали. Рота прошла какой-то заброшенный кишлак. Кишлак явно жилой, просто жители ушли. Значит, «духовский». По выходе из него сели перекусить. Тут бойцы ведут двух «бабаев». По их докладу стало понятно, что это наблюдатели. Их вытащили из замаскированной ямы с оптическим прицелом, буквой «Г», то есть они могли, не выглядывая из ямы, осматривать окрестности в прицел. Понятно. Их ждут. Только неизвестно где? В сущности, любая «проческа» – идти на засаду. В любую секунду может раздаться выстрел, а то и залп. Ты должен успеть, если в тебя не попа-

ли, прыгнуть в ближайшее укрытие. Потом? Потом просто. Видно, где противник, где твои люди. Просто командуешь взводом: куда оттащить убитых и раненых, кому куда переместиться и как вести огонь. Только не попадайся в плен. Иначе останешься без всех конечностей, обрубком.

Подвели этих душманов к командиру роты капитану Салаберидзе. Один молодой, лет двадцать пять, второму – под тридцать. Через переводчика Салаберидзе начал его допрашивать. Тот молчит. Врезал «духу» пару раз. Опять молчит. Потом ротный озверел и начал просто его избивать. У «духа» глаза закатились, кровь из горла. Все, умирает.

– Андреев, добей, – приказал командир роты.

«Если не выполню приказ в боевой обстановке – в лучшем случае гауптвахта, а то и трибунал. Хотя «дух» уже не жилец. Мучается. Милосерднее будет пристрелить», – пронеслось в голове у Андреева. Выстрел – и «дух» затих. Второго прикончили бойцы. Этого «духа» Андреев до самой смерти себе не простит. Все время мучит один вопрос: Нужно или не нужно было его добивать? Ведь есть господь на небе.

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай.

Ну, а кто не грешил, разве жил? Отвечай.

Чем ты лучше меня, если мне в наказанье

Ты ответное зло совершил? Отвечай.

АРМЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ. 1984 ГОД

Что такое зеленая зона?

Эго просто кусочек озона.

Прогуляться туда не хотите?

Нет уж, нет уж, друзья, извините.

Тут листочки, кусочки жасмина.

Под каждым – контактная мина.

Мужики там живут бородатые.

И гуляют они с автоматами.

Начало рейда было положено в нашей любимой Кандагарской «зеленке». Только батальон проехал Нагаханский поворот, тут началось:

–«Орел», я «Сова», из камышей – гранатометы.

–«Воздух», севернее от красного дыма триста метров, два захода.

–«Стой», пять-шесть «огурцов» по сушилке!

–Я полста первый, выполняю.

–«Тюльпан», репер номер пять, один дымовой огонь.

–«Орел», я «Орел-1», у меня легкий «трехсотый».

Все перемешалось в эфире. Мать-перемать, крики, ругань. Друг другу мешают работать. Вдруг в наушниках, заглушая всех, раздалось:

–Я «Поднебесный», радиомолчание, радиомолчание.

«Орел», доложите обстановку.

–«85-й», а черт, «Орел-1», докладывай!

–Понял, «Поднебесный». На Нагаханском повороте засада. Бьют с трех мест: камыши, сушилка, заброшенный кишлак. «Воздух» и «Тюльпан» не помогут. Мы уже врукопашную схватывались, Нужно обойти заброшенный кишлак с юга и прикрыть стрелковым огнем. Камыши пусть ждут «вертушки». «Слоны» раздолбят сушилку.

Ротный ошибся, назвав Андреева «85-м». Хотя до самой замены этот позывной так за ним и остался, еще из 3-й МСБ(Г).

—Понял вас, «85-й», «7-му» выйти с юга по сухому руслу арыка, прикрыть огнем «Орла».

*Командир 7-ой роты гв.капитан
А. Черножуков (г.Баку)*

—«Орел», «Воздух» и «Слоны» работают на тебя, дай целеуказание. Остальным – радиомолчание. Я «Поднебесный»! – скомандовал комбриг.

—«07-й» – это седьмая рота третьего МСБ. Там все были друзья Андреева: командир роты – капитан Черножуков Александр, замполит – Димка Попов, недавно из Союза. Ещё необстрелянный. Медленно, как удав, седьмая рота обошла «духов» и окружила полукольцом заброшенный кишлак. Черножуков – опытный офицер, служил уже два с половиной года в Афгане. «Духам» деваться некуда: с фронта третья рота ДШР, с фланга и тыла седьмая рота, а последняя сторона – чистое поле. Попробовали прорваться через третью роту – не получилось. Оставили на земле своих пятерых. Стрельба усилилась, кольцо постепенно стягивалось. Тут Димка Попов. Вот пацан. Скомандовал двум бойцам: «За мной!» Храбрость – яростная вспышка всех возможно-

стей. Так и у Димы. Кинулся в кишлак, выскочил во дворик какого-то дома, кинул гранату за дувал и, как в американском боевике, начал поливать из автомата от пояса, стоя в полный рост, в центре открытой площадки. В ответ – короткая очередь. Дима согнулся пополам, затем уткнулся головой в землю, выпрямился, встал в полный рост. Снова очередь, потом одиночный выстрел, и Дима упал головой вперед. По спартанскому обычаю, убитый воин, упавший головой вперед, заслуживает, чтобы его домой принесли на щите.

Нужно уважать врага. Презрение к нему, пренебрежение усыпляет, снимает осторожность, следовательно, уменьшает шансы выжить. Дима об этом забыл, а может, не знал. Все равно погиб, как герой.

Бойцы кинулись за ним. Одного сразу убило, второй – легко ранен, остался прикрывать трупы. Просто в Афгане был неписанный закон – своих убитых всегда выносить, не говоря о раненых. Тут на выручку подошел взвод Володи Минакова. Взяли полукольцом этот дворик, не дали поиздеваться над трупом Димы. Начало вечереть, потом сразу темнота. «Духи» полезли забирать Диму и наши тоже. Короткая стычка. Крики. Завалили двух «бабаев», отошли в укрытие. Так прождали до утра, кидая в воздух осветительные ракеты и мины.

Поднималось солнце нал хребтом горбатым.

Провинилось солнце сквозь туман проклятый,

А с рассветом снова по незримым тропам,

По земле афганской долго еще топать.

Наступило утро. «Духи» снова зашевелились. Основная их масса ночью ушла, осталось прикрытие. Этим быстро добились. Пацаны были, салаги. Пехота пошла в кишлак. В винограднике за домом нашли еще четыре трупа «духов», а один был белобрысый, еще стонал. Позднее выяснилось, что он был англичанином. На краю двора еще лежало два «бабая» и через дувал по пояс висевший – белобрысый труп. Он и добивал Димку Попова, а может, Димка его. Возле него лежала винтовка М-16-А-4, «снайперка* американская.

– Не трогай, может заминирован! – крикнул Володька Минаков бойцу. – Иди лучше к тому белобрысому трупу.

– Да. Дела, – сказал Андреев.

– Товарищ старший лейтенант, товарищ старший лейтенант, там «дух» лежит! – вскрикнул один из солдат.

– Не бойся его, он – мертвый. Бояться тут надо живых, – ответил Минаков. Потом спросил Андреева: – Ну что? Как обычно?

– У тебя есть другие идеи?

Привязали к Димке веревку за левую ногу, отошли за стенку, дернули. Как и ожидалось, взрыв. Димку разорвало пополам. Граната под ним лежала. Погрузили в плащ-палатку останки, отправили на бронегруппу, сели обедать.

– Что думаешь? – спросил Минаков Андреева.

– То же, что и ты. Это наемники.

–Двух-то уложили.

–Значит, вся их банда скоро уйдет. Давай по следам этой банды. Ты слева от дороги, я – справа. У них раненые. Быстро не побегут.

–Пошли, – ответил В. Минаков.

* * *

Пехота пошла вперед, как договорились. Бронегруппа – слева от «зеленки», на ней находился резервный взвод Серёги Зинченко. Они блокировали возможное бегство «духов» через пустыню в горы. Андрееву путь был известен: брошенный кишлак Нагахай, Когак, дальше Лой-Манара. Идя по следу банды, бойцы то и дело смеялись: везде «бабайские» тапочки. Это давно было известно. Когда «духи» бегут, они сбрасывают с ног спои резиновые тапочки. Никакой стрельбы. Красота. Запах! Одурманивающий. Просто в этом районе «бабай» сажают коноплю. Целые поля, как у нас в России пшеницу. Собирают ее еще проще: раздеваются догола и бегают до изнеможения. На потное тело прилипает пыль. Затем ее скатывают в шарики, вот и получается чарз или анаша.

Стало жарко. Бушлаты приторочили к РД (рюкзак десантника). Артнаводчнк у третьего ДШР капитан Василь Васильевич Кузьмищев – командир минометной батареи третьего МСБ. Вдруг справа стрельба. Это первая ДШР напоролась на засаду. Вторая ДШР обошла с тыла и врезала. Третья ждет на пути отхода банды. Вот они. Команду «огонь» да-

вать не надо. Бойцы сами знают, что делать. Головной дозор «духов», озираясь, вышел на полянку. Человек семь-восемь. Вздрагивая при каждом выстреле сзади, где шел бой, пошли навстречу своей смерти. Залп. Все. Смотри-ка, двое еще шевелятся. Два выстрела наших снайперов и кончено. Бойцы пошли забирать оружие, боеприпасы и другие ценности.

Тут Василь Васильевич начал разворачивать миномет, чтобы окончательно прикончить оставшуюся группу «духов». Василь Васильевич начал кидать мины по целеуказанию командира первой роты. В эфире – бедлам, командиры групп докладывают о раненых. Хорошо хоть убитых нет.

–Я «Сова-21» – у меня «трехсотый», тяжелый.

–Кто? – запросил комбат.

–«Старший», плюс три «трехсотых», легкий у первой ДШР.

–Выходи к «85-му», он на западе Лой-Манары.

–Понял.

Взвод Андреева ждал своих, а туг вылетает оголтелая кучка «духов», их, наверное, прижимала первая ДШР, и давай палить. Десантники долго не ждали. Пять минут перестрелки, и ни одного «духа» нет в живых. Последний, уже раненый, встал и пошел в полный рост. Жаль убивать было.

Минометчики кричат: «Что? Непонятно».

–«А, черт, Кузьмищева ранило», – расслышал Андреев.

–«85-й». я – «Сова-21». Выхожу на поляну, прикрой.

–Иди по правому краю.

–Понял.

Василь Васильевич лежал на левом боку и спокойно курил. Пуля ему попала в правую сторону груди, пробила плевру и вышла через спину. Перевязка была легкой. Кровотечение было внутренним.

–Как дела? – спросил Андреев.

–А-а-а. Не повезло.

Не печалься. Заживет. Чтобы тебе не было скучно, сейчас Серегу Зинченко принесут. «Вертушки» уже вызвали.

–Сань, а это кто идет? – спросил Василь Васильевич, указывая на вытягивающуюся группу наших бойцов.

–Это и есть они, Васильич, смотри-ка, Серега сам идет, – удивился Андреев.

Так оно и было. Сергей Зинченко шел своими ногами, дважды раненый в живот. Пули прошли навылет. По словам бойцов и самого Сергея стало ясно, что Зиня шел в головном дозоре впереди всей группы. Прошли гранатовый сад со спелыми плодами. Затем виноградник. Дальше поле. Зиня повернул вправо по сухому руслу арыка. Впереди высокий дувал с бойцами. Уже пройдя почти половину поля, головной дозор подвергся обстрелу. Со стороны банды работал пулемет и несколько автоматов. Впереди идущего бойца легко ранило в плечо. Он сразу упал. Зине попало две пули из пулемета. Ещё двум бойцам досталось по царапине. Впереди шедший боец с помощью Сергея сполз в арык. Сам Сергей скомандовал: «Огонь!» – и взвел «муху» на боевой взвод.

Вся группа ударила по этому дувалу: три «мухи», пулемет, другое стрелковое оружие. Только мелкие камушки полетели вместе с кусками рук и ног.

После такого ожесточенного боя установилась тишина. Трое бойцов кинулись проверить «духов», есть ли живые. Остальные подоспели на помощь своему командиру и раненым бойцам. Навстречу им встал Сергей, поддерживая раненого солдата. Так они и шли. Весь путь до вертолета Зиня шел сам. Таким бодреньким он вышел к Андрееву. Тот, быстро сориентировавшись, занял оборону, половину своей группы отдал для сопровождения взвода Зинченко.

Однако «духи», словно стая волков, почуяв раненую дичь, кинулись преследовать отходящую группу Зини. Они обошли ее с флангов, обождали и устроили засаду. До бронегруппы было метров двести. Часть банды открыла огонь по бронегруппе, другая, большая часть, – по группе Зини. После первого же залпа было убито два бойца, которые несли раненого. Он упал на поле. Завязался бой, наши бойцы заняли все удобные укрытия. У «духов» была лучшая позиция. Они настолько обнаглели, что нашего раненого бойца расстреливали, как в тире. Сначала в ногу, потом в другую, затем в руку, боец дико кричал, но никто к нему подползти не мог. Огонь велся буквально с десяти метров. «Бабанские» пацаны, «бачата», лет по десять, выскакивали на крышу одного из домишек и стреляли по уже умирающему солдату. Пару-тройку этих «зверушек» пристрелили.

Вся первая ДШР бросилась на выручку. Точно так же обошли с флангов и зажали эту банду. Тут уже началось простое избиение. За Зиню, за Василь Васильевича, за всех наших убитых и раненых. Троиخ взяли живьем, их потом сбросили с вертолета. Так сказать, сделали мастерами беспарашютного спорта. Пока добивали эту банду подонков, возле бронегруппы шел бой. Часть «духов», чтобы отвлечь внимание, начала обстрел нашей бронетехники. Наводчики-операторы и механики-водители в это время обедали. Залп, второй – и обычная трескотня очередей. Хорошо, что никого не задело. Единственный ущерб – это казан продырявили, в котором готовился плов. Этого Караджаев стерпеть не мог. АГС-17 стоял на возвышении, и место отлично простреливалось. Кинув дымовую шашку, бросился к ЛГС-у. Выскочил на пригорок. Тут же возле него очередь из автомата. «Бабаи» всегда плохо стреляли. Он развернул АГС в сторону стрелявшего – и туда пару гранат. Оттуда снова очередь. Так началась своеобразная дуэль, игра со смертью. С Караджаева сбило головной убор – панамку, продырявило штаны, куртку, но он не уходил с места и каждой своей очередью из автоматического гранатомета поражал одного из врагов. В последнего граната попала прямо в грудь. Только руки в разные стороны полетели.

«Наконец-то, конец «зеленке». А это что за чалма? – подумал Андреев. – Вот и этот успокоился». Вся рота вышла чуть левее места боя Караджаева. «Ноль двадцать первых»

всех вынесла, не говоря уже о раненых. Обед был готов, повара постарались. Единственное – жаль было казан с пловом. Вокруг БМП-шек и БТР-ов расположились кучками бойцы.

Офицеры двух батальонов сели в тени высокого дувала. Обед. Василь Васильевич ел со всеми. Даже не похоже, что ранен, и тяжело. Серёге Зинченко все хуже и хуже. От двух укулов промидола впал в забытье.

«Когда же эти долбаные «вертушки» прилетят? О, легки на помине. Идет пара «восьмерок».

–Усачев, подай рацию. А вы трое – обозначить посадку! – приказал ротный.

–«Воздух», я – «Орел», салитесь в центр красных дымов.

–Я полста третий, вас понял.

–Не забудь, полста третий. После этой операции мы идем к вам в баню.

–Ха-ха-ха. Милости просим, но брага ваша, – ответил командир вертолета.

–Вот так всегда. Страшное всегда рядом со смешным. Да и судьба человеческая такая же: трагедия рядом с комедией, драма рядом с простым повествованием, любовь – с ненавистью, жизнь – со смертью.

ПАНДШЕР

–Товарищ старший лейтенант, товарищ старший лейтенант, Вас комбат вызывает, – доложил связист.

–На приеме, – ответил ротный.

–Понял.

Ротный быстро побежал к БМП. Та быстро взяла с места и помчалась на командный пункт. Только шлейф пыли остался сзади, а вся рота осталась ждать. Хорошо, что поспать теперь можно. Все сразу и улеглись кто куда мог. Механик-водитель с наводчиками остались сторожить от внезапного нападения.

–Подъем! – скомандовал ротный. – По машинам!

Поднялась суета. Через пару минут все были на местах. Колонна, выйдя на «бетонку», помчалась в расположение бригады. Скорость предельная. Вот и первый КПП, поворот. ГСМ. Не останавливаясь, батальон поехал в расположение.

–Сдать оружие. Офицеры в палатку комбата, – распорядился начальник штаба, – старшинам роты на обед. Затем загрузка боеприпасов.

–Механикам-водителям заправить машины, – добавил комбат. – Выезд через полтора часа.

–Товарищи офицеры, – обратился комбат, – выезжаем в «пустынный» батальон. Там ночуем и «вертушками» – в Кабул. Начинается операция в Пандшере. Наш батальон – в резерве штаба армии. Базируемся в Баграме, в расположении 245-го парашютно-десантного батальона. Сейчас обедать, готовиться и в 15-00 – по машинам. Вопросы?

Разумеется, вопросов не было. Кое-как смыв пыль, все побежали в столовую. Похватав кое-чего, бросились снаряжаться: чистить оружие, складывать РД (рюкзак десантника), переодеваться. Как положено, через час батальон побрел

к своим боевым машинам. Полчаса на загрузку – и в 15-00 все старшие групп доложили начальнику штаба батальона о готовности выехать. Теперь уже их сопровождали. Батальон ехал, как на свадьбу. Знать бы, чем кончится эта свадьба.

Кандагар и всю «зеленку» проехали без происшествий. Правда, на Нагаханском повороте «духи» стрельнули один раз из гранатомета. В ответ из «Шилки*» так врезали, что на месте гранатометчика осталось только месиво. Уже в темноте прибыли в «пустынный» батальон, родной батальон лейтенанта Андреева. Расположились: устроили бойцов, поставили технику. В честь встречи офицеры третьего батальона накрыли стол. Большинство офицеров да и солдат знали друг друга. Братская встреча продолжалась до двенадцати ночи. Пели песни, рассказывали анекдоты, вспомнили ушедших друзей. Вдруг бежит посыльный. Тревога. По словам, где-то в горах зажали группу спецназа. Что ж, по машинам.

Ночь, суматоха, получение оружия и боеприпасов, заводятся машины.

В одной из своих книг Василий Головачев сказал: «Уничтожить врага – ремесло, заставить его капитулировать – искусство!» Так и сделали. При подходе к горке возле Синджаря обстреляли близлежащую «зеленку». Затем восьмая рота третьего МСБ и третья рота ДШБ на полном ходу выехали на «бетонку» и заблокировали дорогу. Перед «ямой» (года два назад «бетонку» в этом месте "духи" взорвали фугасом) начался обстрел. Наша колонна остановилась. Бойцы начали

отвечать огнем, офицеры собрались за обочиной.

–Ну что? Атакуем? – спросил ротный.

–А что?! Есть другие предложения?

–Тогда подходи по одному причащаться.

–Самая лучшая команда, которую я слышал. – засмеялся лейтенант Зайцев.

Выпили по кружке браги, разошлись по своим взводам. «В атаку! Вперед!» – раздалась команда. И так, в полный рост, с дикими криками две роты, обходя врага с флангов, бросились в атаку.

Идут в атаку, молча стиснув зубы.

Призыва нет: «За родину вперед!»

Лишь матернут запекшиеся губы.

С горы в упор хлестнувший пулемет.

Здесь все другое. Не Москва за нами.

Не топчет враг родимые поля

Пылит земля чужая под ногами.

И все же дорогая, как своя.

Почему то «духи» перестали стрелять и быстренько смылись. Роты заблокировали дорогу, пропустили батальоны, свернулись и двинулись в пустыню, где погибала группа спецназа. Уже светает. На востоке забрезжила розовая полоска. Вот при свете фар бежит фаланга, угрожающе вытя-

нув передние хватательные лапы. Все лапы у фаланги покрыты черными волосками, и каждый волосок ядовит. Впереди видны пунктиры от трассирующих пуль. Это идет бой между спецназовцами и бойцами «духов».

Банда обложила группу, состоящую из двенадцати человек, с трех сторон. Группа залегла на горке, сзади пропасть. Спецназовцы потеряли двух человек – прапорщика и солдата. Однако дрались до последнего. Погибшие лежали на плащ-палатках. У каждого в кармане была «последняя» фаната, чтобы себя подорвать, не сдаваться в плен. Ведь «духи» даже над трупами издеваются. Это мы уже видели. От человека остается обрубок. Поэтому «бабаев» нужно напугать. Что и сделали «шурави».

«Противника побеждают до боя. Довести его до умопомрачающего страха, до безумия, до трясучки в поджилках. Тогда можно не драться. Противник уже побежден», – писал И.Калашников в книге «Жестокий век».

Два батальона, идя по пустыне, разворачиваясь, начали обкладывать банду с трех сторон. Медленно, как удав, стягивают кольцо. «Духи» пока не поняли, что им конец. После команды «огонь» дали изо всех стволов. Вопли бандитов не были слышны, взлетала земля вместе с кусками мяса. Небольшая группа «духов» укрылась в промоине. Ее сразу же обложили. Головной дозор отправили к горке, где сидели спецназовцы. Потихоньку всех спустили вниз. Убитых несли на плащ-палатках. Прапорщик был высоким. Ноги его во-

лочились по земле. Ранен был командир группы лейтенант Вадим Костин. Впоследствии, в первую чеченскую войну, ему было присвоено звание Героя России, посмертно. Тогда он был майором, НШ* батальона. Вызвали «вертушки», сели перекусить что-нибудь. В метрах пятидесяти в промоине, где сидели окруженные душманы, еще раздавались отдельные выстрелы, вызывающие крики.

–Андреев, – крикнул ротный. – кончай их быстрее!

–Чем их кончать? Гранаты кончились.

–Иди возьми у меня в БМП-шке.

Через пять минут раздались взрывы, отдельные выстрелы, хрипы умирающих. Все было кончено. Собрали оружие, погрузили раненных в прибывшие вертолеты МИ-8, вместе с ними группу спецназа и тронулись обратно, в «пустынный» батальон. Все, конечно, улеглись спать после бессонной ночи. Так и проспали до места. Бодрствовали только механики-водители и наводчики- операторы, благо дорога была спокойная, по пустыне между гор.

По приезде в «пустынный» батальон, разгрузившись, решили ехать в Кишкинахуд. Офицеры быстренько собрались и на одном из БТР-ов МСБ рванули, так сказать, навестить местный кабак.

«Шурави» там всегда встречали дружелюбно. Когда идешь по кишлаку с автоматом, подходит афганец и начинает стыдить: «Товарищ, неужели нам недовернешь?» Настоящие были друзья. Поэтому и в их кабак советские офице-

ры ходили без боязни. Вообще-то в рестораны всем советским военнослужащим вход был запрещен, особенно солдатам. Но, как говорится в русской пословице, для других мы создаем правила, а для себя исключения. А уж угощали там на славу.

Зашли. Было всего около пятнадцати человек, сели за стол. Все столы поставлены на веранде. Жарко. Время-то полдень, хоть и зима. Все уселись. Тут же появились салаты, зелень, другая закуска. Водка, правда, дорогая. По тысяче «афишей». Ну, «шурави» не так просты. С собой самогон взяли. Хозяин зовет ротного, чтобы выбрать барана. Так принято. Тот, кто заказывает еду, должен выбрать и мясо. Афганцы никогда не замораживают мясо. Да и холодильников нет. В течение полчаса барана, не подумайте чего плохого, раздевают, варят в специях и подают на стол. Овощи варят отдельно. Так и в этот раз. Пока выбирали барана, разделявали, готовили, за столом под всяческие салаты шел пир горой. Вот и третий гост. Встали.

За третьим тостом – тишина.
И на этой паузе короткой
Мы поднимаем рюмки с водкой
И пьем, не чокаясь, до дна
За тех, кого взяла война.

Это написано И.Морозовым.

Постепенно начали разговаривать. У каждого кто-то из друзей погиб или тяжело ранен. Молча вспомнили всех. Развеселил офицеров хозяин кабака. Он принес огромное блюдо мяса, а его пацаненок такое же блюдо картошки. Да настоящей, живой, а не то, что нам дают – сухую. Попили, поели, песни попели, пора и домой. Собрали бойцов, сами кое-как добрались до машин и поехали. Мало кто помнил, что к двенадцати ночи все вернулись в гарнизон. Хорошо хоть, что доехали без «приключений».

Наутро все получили «на орехи» от обоих комбатов. Тут еще башка болит, да жара эта. Времени семь утра. Через два часа ДШБ должен быть загружен в вертолеты и отправлен на Баграм. Повсюду суета, беготня. Сухпай на сутки, боеприпасов побольше. Наконец, построение батальона.

– Товарищи офицеры, сержанты и солдаты! Батальону поставлена боевая задача – участвовать в армейской операции. Батальон будет в резерве командующего армией. Куда пошлют, куда и пойдет. Мы должны показать, на что способен Кандагарский десантно-штурмовой батальон, – обратился с речью комбат майор Александров. – «Вертушки» будут через пятнадцать минут. Готовьтесь, перекурите – и по машинам. Замполит, тебе необходимо колонну бронетехники отвести назад, в бригаду. Удачи всем.

Разошлись. Вот и МИ-шестые летят. Погрузка, последние распоряжения и отправка. Сразу спала жара. Это «вертушки» набрали свои полторы тысячи метров. Даже немного

прохладно. Естественно, все улеглись, вернее поглубже усе-
лись. До Баграма еще далеко. Можно и выспаться.

Ровный гул моторов, за иллюминаторами небо и облака. Даже «воздушных ям» не чувствуется. Андреев тоже заки-
марил. А во сне что только не снится: вот он вместе со свои-
ми друзьями и женой идет по лесу. Молодые березки впере-
межку с липами, полянки, а на них небольшие стожки сена. Пахнет прелым, русской землей. Скворцы поют, а в небе жа-
воронки. Так и шли вдоль русла реки Кокшаги. Дурачились. Кто на дерево залезет. Кто на стог сена. Все кувыркались, за шиворот сено набилось, колется. Всем смешно.

Вот и плотина, перегораживающая реку. Сверху мост. Па-
цаны, считающие себя уже мужчинами, стали прыгать с мо-
ста. Тот, кто прыгнул с перил, самый смелый. Все хотели
показаться перед девчонками храбрейшими. Словно петухи,
право слово. Только хвостов нет. Потом сон перескакивает
на другой кадр. Беременная жена. Андреев гуляет с ней по
улицам Йошкар-Олы. На каждом углу продают фрукты: ви-
ноград, яблоки, груши... И на каждом углу они останавли-
ваются, чтобы купить хоть немного чего-нибудь. Обоим ве-
село. Никто из них не знал, какие им придется выдержать
испытания.

Что такое любовь? Кто-то утверждает, что это сила, кото-
рая преодолевает все препятствия. Кто-то говорит, что безу-
мие или наказуемое сумасшествие. Кто-то вообще считает,
что любви нет. Так что же это? Правда, С.И. Ожегов в своем

толковом словаре дал объяснение: «Любовь – это глубокое, эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство». Хотя это далеко не полное определение. Кажется, что четкого определения любви не существует. Вернее, на человеческом языке нет таких слов, чтобы расшифровать понятие любви, любви мужчины и женщины.

–Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, смотрите! – крикнул Лукоянов, показывая вниз.

–Да. Действительно красиво, – подумал Андреев.

Внизу постепенно открывалось ущелье, где лежал город Кабул. Вот и аэродром, вот – Дворец Амина, штаб армии, ресторан Амина, Теплый стан.

Горит звезда над городом Кабулом.

Горит звезда прощальная моя,

Как я хотел, чтоб Родима вздохнула.

Когда на снег упал на атаке я...

А это написал В. Верстаков.

Батальон летит в Баграм. Посадки в Кабуле не будет. Перелетели через горную гряду – и вот Баграмский аэродром.

–Приготовиться к высадке. Офицеры, проверить снаряжение! – раздалось в наушниках.

–Сержант, подними всех спящих. Скоро посадка, – командовал Андреев.

–Может, мне их водичкой побрызгать, товарищ лейте-

нант?

– Можешь.

Расселили батальон в модулях 245-го парашютного десантного полка. Как было сказано, батальон ждал. Все-таки резерв штаба армии. Где-то воюют, стреляют. До Баграмского аэродрома слышатся разрывы снарядов, автоматно-пулеметные очереди. Где-то, а точнее в ущелье Пандшер, гибнут люди: наши и душманы. То взлетают, то садятся «вертушки», бомбардировщики, а батальон все ждет. Три раза в день питается, бегают на зарядку, заигрывает с медсестрами из госпиталя. Благо, он рядом был. Бойцы уже роптать начали. И наконец, вот он приказ. Все сразу забежали: чистка оружия, получение сухпая, боеприпасов, снаряжение магазинов и прочая кутерьма. Ночью выходим.

В двенадцать ночи подъем. Сразу все забежали, через полчаса батальон поротно выступил на «взлетку». И где столько «вертушек» набрали? Наверное, задача важная. На ВПП разбились на три группы. Началась посадка. Кто в МИ-6, кто в «восьмерки».

– Офицеры, ко мне! – крикнул комбат.

– Слушай боевой приказ. По разведанным Ахмад-шах сегодня ночует в Чарикарской долине, в кишлаке Калати. Его охраняет довольно большая банда, около семисот-восьмисот человек. Есть иностранные наемники, так называемая личная гвардия. Его собственный телохранитель – русский. Бывший сержант шиндантской дивизии. Задача – но воз-

возможности взять живым этого «Пандшерского Льва» и его телохранителя. С остальными не церемониться. Взлет через десять минут. По машинам.

Раздался рев двигателей – и вперед. За бортом черная ночь, ярко мерцают звезды, бойцы начали подремывать. Вот на востоке заалела полоска, звезды сразу потускнели.

– Всем приготовиться. Десантирование через пять минут.

Длинная вереница вертолетов летела вдоль горной гряды, ниже ее вершины, чтобы «духовские» наблюдатели не заметили. По команде комбата «вертушки» все вдруг повернули на девяносто градусов, перевалили через гряду и началась атака. Солнце еще только всходило, все было в гуманной дымке, дышало покоем.

Под прикрытием «крокодилов» вторая рота десантировалась на полянке перед кишлаком. «Вертушки» не садились, солдаты прыгали с них с зависанием над землей и сразу же бежали к близлежащим виноградникам возле кишлака. А кишлак был весь в огне, пыли и дыму. Развернули минометы. «Крокодилы» ушли западнее, прикрывать высадку первой и третьей роты. Первая рота десантировалась в виноградник, отрезая пути отхода банды по мелким тропам и постепенно сжимая кольцо и выдавливая «духов» к горам. Третья рота заняла позицию на западе, на большой горной дороге из кишлака. Расчет был верен. Основная масса «духов» кинулась бежать именно по этой дороге.

В это время вторая рота с дикими криками ворвалась в

кишлак. И пошла резня. Мирных жителей не было. Всех их выселил Ахмад-шах. Удар ногой – дверь вылетает. Бросок гранат, взрыв, затем очередь от пояса. Заход в комнату, добивание оставшихся в живых. И так каждый дом, сараюшку, яму. «Духи» тоже пытались огрызаться. Где-то раздавались очереди. Крики, стоны раненых, агония. В одном из окраинных домов взяли в плен европейца, впоследствии выяснилось, что англичанина. Сняли его с местной проститутки. От злости он кинулся с кулаками. Бойцы, конечно, приложили ему. Вся морда была в крови. Позже через переводчика он все равно объяснял, что обиделся за то, что не дали завершить с девкой начатое, а не за что-нибудь другое. Что ж, на обиженных воду возят. Наемник был снайпером. Сколько он наших положил?

Тут в центре кишлака завязался ожесточенный бой. Довольно крупная группа душманов бросилась на прорыв. Преградой им стали пять человек: командир второй роты старший лейтенант Запорошан, его замполит – Игорь Блинджан и трое бойцов. Когда их окружили, Игорь Запорошан вызвал на себя огонь минометов. Кругом разрывы, куски мяса взлетают вместе с обломками дувалов, кусками винограда. Блинджан был ранен в живот осколками «духовской» гранаты, остальные вели бой. Запорошана обожгло пулей возле шеи, но «шурави» все равно стояли. Тогда «духи», обошли их с двух сторон, но навстречу встала группа первой роты. Бой снова завязался, еще ожесточеннее. Шли нож на нож, грыз-

ли друг друга зубами. Тут подошел старший лейтенант Запорошан с двумя бойцами сзади «духов». Первого он оставил охранять замполита. Это был конец. Душманы стали сдаваться в плен. Все же небольшой группе удалось прорваться. И с ней унесли раненого в ноги Ахмал-шаха. Когда прочесали это место, видят, торчит зад из какой-то ямы. Вытащили. Оказывается, это личный доктор Ахмад-шаха, француз. На Игоре Запорошане лежала огромная задача – взять кишлак. Недаром творил Э.Р.Берроуз: «На ком лежит вся ответственность, всегда в состоянии выдерживать больше». Бойцы второй роты валились с ног, а Запорошан сгонял в кучу пленных, подбирал раненых. Такой это был человек – двужильный.

Пока первая и вторая роты прочесывали кишлак, выдавливали душманов к горам, брали пленных, разгорелся бой на западе, где была в засаде третья рота. После этого их назвали мясниками. От кишлака шла широкая дорога. На ней сделали завал, установили два АГС-17. По бокам, в виноградниках, засела вся рота. Огромная толпа «духов» бросилась по этой дороге в панике бежать. Ну, и тут началось. Лучше, читатель, не описывать этого. По прошествии получаса все было кончено. Лежала груда трупов, стояла толпа пленных. Раздавались еще одиночные выстрелы, но бой уже был закончен.

–Ты смотри, уже три часа, – сказал Андреев.

–Да... Устал я, как старуха с косой после Хиросимы, –

ответил ему Серёга Алейников, – на Нагасаки меня уже не хватило бы.

–Ну и намесили. Глазам не верится.

–В следующий раз не полезут. А то, вишь, раздухарились, как Рэмбы какие-то.

Им даже до советского солдата, восемнадцатилетнего парня далеко. А ты говоришь, Рэмбы.

–Всем внимание! Идет «броня». На всякий случай приготовиться! – раздалось в эфире.

Это шел мотострелковый полк из кишлака Рухи, а с ним имеете «бабайская» дивизия на машинах. Пленных погрузили в пустые грузовики, и колонна тронулась назад. Вот и «вертушки». Батальон погрузился и тем же порядком полетел домой. Ну, не совсем домой. Всего лишь в Баграм. Зато отдых. Летели, не скрываясь. Внизу зеленели сады, наверное, пели птицы. А личный состав весь спал на железных скамейках вертолетов, как после тяжелой работы. Уж сон-то они точно заслужили. За этот бой, да и учитывая другие заслуги, старший лейтенант Запорожан и комбат майор Александров были представлены к высокому званию Героя Советского Союза. Правда, где-то в «Москвах» майору Александрову заменили Звезду Героя на орден Ленина. Видать, в Москве «виднеется лучше».

Андрееву вспомнилась еще одна история с Запорожаном. Батальон ушел на реализацию разведданных. Игорь ждал са-

молета на Ташкент – ехал на вручение Звезды Героя. Вечером офицеры батальона хорошо подгуляли, а столы в комнате не убрали. Грязные тарелки, открытые банки консервов, куски хлеба, а венчает все это сорокалитровый (пустой) бак из-под браги. Тут комиссия из Союза, с проверкой жителя бригады. Сопровождающий – майор из штаба. Стучат. Игорь открывает, а на пороге два полковника, подполковник и этот майор.

–Что это такое? Что за безобразие. У вас что, пьянки постоянные? – раскричался полковник.

–Да нет. Это просто у них день рождения был, – промямлил майор.

–Какое к черту день рождения? – бушевал полковник. – А вы кто такой? Что вы здесь делаете?

–Я командир второй роты, старший лейтенант Запоражан.

–Ах ты сволочь. Рота воюет, а командир с похмелья отсыпается! – заорал полковник.

–Товарищ полковник, он – Герой Советского Союза. Ждет отлета в Ташкент на вручение Звезды, – сказал твердо майор.

–Да?! Что ж Вы раньше-то не сказали. Пойдемте дальше, – сразу сник полковник.

Вот и Баграм, модули, наконец-то отдых. Два дня батальон только и делал, что ел и спал. На третий день приказ готовиться к рейду. На этот раз по горам. По разведанным Ахмад-шаха отвезли в госпиталь в горах. Ишь ты, у них здесь даже госпитали бывают. Колонна «духов» должна по-

вести его по одному из отрогов ущелья Пандшер. Сборы были быстрыми, по тревоге. Снова «вертушки» – и вперед. Задача батальона: поротно занять близлежащие горки и ждать колонну. Но даже самые лучшие планы в мире – это нечто воображаемое. Так оно и получилось.

Батальон по группам высадили на горках. Ждут один день, второй, третий. А вокруг тишина. Чуть выше в горах ослепительно белый снег, ниже – зеленая зона, все цветет. В бинокль можно рассмотреть, как дехкане возделывают свои сады, бегают дети, женщины несут воду в кувшинах. Как будто бы нет войны. Но это не так. Война притаилась, ждет своего часа, чтобы ударить в самое незащищенное место, ударить неожиданно. На четвертый день кончился сухпай. Роты ждут «вертушки» с провиантом. Раздался рокот, летят. В сброшенных ящиках тушенка, сухари, витамины «Гексавит», шоколад, чай и кофе. Группе Сергея Алейникова не повезло, как стало известно позднее, к нему на горку было сброшено все, но попал только ящик с «Гексавитом». Так еще три дня группа питалась только витаминами. Что ж, на то и война. Ты обязан претерпеть все невзгоды и неудобства. Обязан рисковать своей жизнью ради выполнения задачи. Знаешь, читатель, разницу между пессимистом и оптимистом? Первый говорит – будет хуже, второй – хуже быть не может. Сергей Алейников был оптимистом.

МАРДЖА

Вот батальон в родной бригаде. Баня, горячий обед и про-

чие прелести, даже женский модуль рядом. После прилета встречали делегацию батальона спецназа. Сначала «дешевешники» со «спецназовцами» враждовали. Обзывали друг друга, морды друг друга били. Но война ведь всех сближает. Ни «спеназовца», ни десантника, ни пехотинца от пули не заговоришь, да все роды войск в этой же шкуре ходят. Проморгал – получи пулю или осколок, в общем ранение или смерть. Ходили, правда, на операции один раз в полный рост, то есть под пули «духов» атаквали. Даже потерь не было. Душманы тогда боя не приняли. Три дня батальон отсыпался, отъедался. Все! Комбриг больше трех дней не позволяет. Снова в рейд. На этот раз в район Марджи, родину Гульбердхина Хекматиара. По слухам – хозяина всей Кандагарской провинции. Обезьянку Лизу взяли с собой. Со всем комфортом, в сопровождении двух батальонов, ДШБ прошел всю Кандагарскую «зеленку». Дальше безрадостные места: пустыня Регистан, одинокие холмы, верблюжья колючка, вараны, скорпионы, фаланги – все желто-серое от пыли, одни глаза мерцают. Скоро огромный оазис. Это и есть Марджа. Тут «вертушки» пошли. Им по радиостанции передали, чтобы перекрыли уход «духов» в горы или через пустыню. Бронегруппой обложили всю «зеленку». Она там, оказывается, круглая, как арбуз, а кругом пустыня. По громкоговорителю с воздуха и «брони» «бабаям» объявили, чтобы выходили с женщинами и детьми. Дали время до 12.00. Тут и началось. Да... Такою мало кто видел. Огромная толпа аф-

ганцев вместе с женщинами и детьми повалила на батальон. Может быть, тысяча, может пять тысяч. Кто считал?

–Внимание! «Орлы», оцепить пехотой эту толпу. Бронегруппе приготовиться к открытию огня.

–«Орел», я «Орел-3». Можно ли стрелять, если атакуют? – спросил командир третьей роты.

–Нет, только сверху голов. Сам не видишь? Тут же дети.

–Ах, раскудрить твою через коромысло! Этих детей нужно первых кончать. Понял, «Орел». Выполняю.

–Только не дури, «Орел-3».

–Да, понял, понял, – раздраженно ответил «Орел-3».

–Славу богу. В этот раз все обошлось благополучно. Эта толпа «бабаев» была мирно-скромная. Куда уж там? Если на тебя смотрят полторы сотни стволов, будешь скромным. Даже улыбаться себя заставишь. Правда, на востоке улыбкам верить нельзя. За ней всегда таятся пытки или смерть. Толпу эту оцепили, отогнали подальше, оставили охранение. Ну, а дальше – вперед. Знакомая команда. Никто даже не улыбнулся. Так и пошел батальон. Хорошо хоть в этой «зеленке» дороги широкие. За пехотой пошли три танка. Дело знакомое: саперы прощупывают дороги, ищут мины, десант защищает «броню» от внезапного нападения, обыскивают подозрительные домишки и другие места. Так целый день. Ни одного происшествия.

Вот и край «зеленки». Какой-то небольшой кишлак. Домики аккуратные, чистые, нос в белом. Один домик был

очень красивый, весь покрыт лазурью. Наверное, там жил какой-то богач. В нем головной дозор обнаружил ДШК, спрятанный под соломой. Не тащить же его с собой... Взорвали. Бойцы вышли из «зеленки» в поле осмотреться. Вдали отдельные усадьбы, домики. Поле, пересекаемое арыками. По краям арыков густые заросли кустарника. Солнце уже уходит на закат, багрянцем красит впереди лежащую местность, мешает смотреть в бинокль. Тут же, как и ожидалось, щелканье пуль, звук пролетевшего шмеля, то есть стреляли из «бура». Мимо.

– Старших групп, ко мне! – раздался в наушниках голос комбата.

– Понял, – ответили ротные.

Веришь, читатель, когда знаешь, что идешь на засаду, зубы ломит, в животе екает. Внутри такой страх, что не всякий его пересилит. А если по чистому полю, когда ты виден, как муха на стекле? Единственное, что двигало советских солдат победить, – это стыд. Стыдно мужчине бояться чего-либо, даже смерти. Главное – прожить жизнь настоящим мужчиной. И не имеет значения, умрешь ты в двадцать или в сорок лет. Честь – прежде всего. В противном случае – жить не стоит. А батальону поставили именно такую задачу – цепью прочесать впереди лежащие домики, прибыть в 3-00 к месту дислокации батальона. Ночевать устроились кто где мог. Естественно, на земле. Почему-то будильников не нужно было, когда полтретьего утра затряслась земля от грохота

БМП, танков, МТЛБ, весь батальон поднял свои головы от своих РД. Какой тут сон? Бойцы вполголоса матерятся. Что ж, готовьте завтрак. Конечно, костры жечь нельзя, как обычно. Все поели холодную тушенку, еще что-то. Вдруг крик. Это боец сломал себе зуб. В тушенке камень попался. На заре голос далеко раздается. Что ж, всем приготовиться, потому как «духи» тоже готовы.

Через часок батальон, вытянувшись цепью, пошел вперед. БМП-шки, танки, с интервалом в пятьдесят метров, держа почти ровную линию, тронулись. Между ними пошла пехота. Сначала попадались небольшие дома. Никого нет. Тишина. Все уже начали нервничать. Почему душманы не стреляют? Где они? Уйти не могли. Ведь по батальону утром стреляли. Светло было. Большой банде «вертушки» не дали бы уйти. Здесь где-то, заразы. Правильно говорят: хуже смерти – ожидание ее. Так и в Афгане.

Третья рота подошла к какому-то большому дому. Мощный дувал, внутри хозяйственные постройки, огромный дом. Судя по присутствию трех женских половин у хозяина было три жены. Вещи все оставлены на месте, правда, небольшой бардак. Видно, в спешке собирались бежать. А зря. Все равно никого бы не тронули.

–Эй, посмотри. Каких тут только нет одеколонов!

–А... Не русский. Это духи. Мы ведь на женской половине.

–А это что?

–Лифчик, дурак.

–Внимание! Снайперам на крышу! Наблюдать.

–А горшок-то под кроватью зачем стоит?

–А-а... русский Иванушка-дурачок. Сикают туда. Ха-ха-ха!

–Казаков. Со своей группой обыщи вон тот домик! – распорядился ротный.

–Понял. «Орлы-вторые», за мной!

–Товарищ майор, в камышах какое-то шевеление, – доложил наблюдатель.

–Серег! АТС – на крышу. Всем рассредоточиться по дувалу.

–Товарищ майор, группа Казакова еще не вошла в дом.

–Пулеметчикам быть готовым прикрыть.

–«Орел», я «Орел-2»

–На приеме.

–Дошел, обыскал, нет ничего.

–Пока сиди там, до команды.

–Понял.

И тут случилось самое любопытное. Наверное, Петросян вместе с Задорновым так не рассмешат. Хотя Ю. Никулин мог бы потягаться в аналогичном юморе.

–О-у... Комсомол! Сдавайся. Тогда башку резать не будем, – раздалось из мегафона.

Это какая-то бабешка в камуфлированном костюме встала в полный рост из-за бруствера арыка, заросшего камы-

шом. Арык этот обтекал полукругом занятый третьей ротой дом. Последняя фраза её вообще вызвала дикий хохот: «Вы окружены». После ее воплей по мегафону из этого арыка встали душманы, держа свое оружие наперевес. Если подсчитать, то их на самом деле было в два-три раза больше. Но ведь воюют-то не числом, а умением и огненной мощью. Тем более «броня» за домом, группа Казакова держит на прицеле правый фланг «духов».

–Товарищ лейтенант, они что? Не убиваемые? – спросил Андреева снайпер. – Можно попробовать?

–Давай, – махнул рукой Андреев, давась от смеха.

Негромкий выстрел. Бабенка с мегафоном упала. Наверное, нулей подавилась. Они, пули, почему-то всегда невкусные. Не вишня же.

–Огонь! – скомандовал ротный. – «Броня», в цепь, обойти с двух сторон дом, ждать десант.

Шквал огня. «Духи» – кто попрятался, кто остался лежать неподвижно. Крики, стоны, вопли. БМП вышли, разъехались цепью. Десант попрыгал на броню. Поехали. Через минуту перемахнули арык, где были «духи». Группа Казакова осталась собирать трофеи и, естественно, добивать еще живых. А боевые машины с десантом сверху начали догонять улепетьывающих душманов. Вот бежит один, оглядывается. Дурачок, время только теряешь. Лучше бы сразу сдался. Остался бы живой. Легкий удар броневой защитой гусеницы, слегка подпрыгнула боевая машина, крик и сзади

окровавленная, бесформенная масса. Что ж, аллах с тобой. Те, кто бежал в стороне от гусениц третьей роты, получали пулю, а то и целую очередь в голову. Вот впереди еще один арык, заросший камышами, а по краям кустами. Рота по команде остановилась.

–Товарищ лейтенант, смотрите из куста ж... торчит.

–Не матерись. Не ж.., а попочка, – поправил солдата Андреев.

–Попадешь из ракетницы? – поддразнил бойца замком-взвода.

–Обижаешь, товарищ сержант.

Вспышка, шипение, ракета ушла в цель. Попала. «Дух» вскочил и побежал, как заяц-русак. Короткая очередь. Конец.

–Внимание, «орлы»,– скомандовал ротный, – но камышам, длинными очередями, огонь!

Грохот очередей из автоматических мушек, автоматов, пулеметов. Оттуда раздался визг каких-то животных. Дальше еще удивительнее. На поле вылетает стадо диких свиней. Это в мусульманской-то стране. Никто долго ждать не стал. Одиночные выстрелы (патроны надо беречь) и с десятков кабанов лежат на земле.

Батальон долго еще ехал, бежал, стрелял по полям Марджи. Все в пыли, и грязи, уставшие. Вода давно уже кончилась, перловая каша всухую в горло не лезет. Вот уже три часа пополудни, пора искать место ночлега. Ага, течет ка-

кой-то ручеек, пробивается из-под большого камня – валуна. Здесь и остановились. Сил больше не было. В крови, грязи, пыли, зато у каждого солдата душа чистая. Это главное. Андреев долго еще обходил горящие костры батальона. Каждый взвод в котелках, кастрюлях подогревал варево из тушенки, перловой каши, варил чай. Здорово помогло то, что кабанов подстрелили. Даже наши мусульмане кушали эту свинину. Все сильно оголодали, а им сказали, что кабан это не свинина. На самом деле, мясо-то красное, да и вкусное. Тут и шашлыки на шомполах стали готовить и жарить на жире из банок куски мяса. В общем, наелись от пуза. Только пища не главное в жизни. Обходя костры, Андреев видел старческие глаза молодых парней. Им но восемнадцать – двадцать лет, а уже старики в душе. Каждый из них даже за эти последние десять дней рейда пережил столько, что такому же парню на «гражданке» покажется, как десять лет. Усталый взгляд, усталый от жизни вид, поникшая от усталости голова, какой-то неестественный смех, нервозный. А сон? Кто-то бормочет, кто-то вскрикивает, кто-то от своего крика вскакивает. Кто их поймет? Только тот, кто от голода ел жуков, червяков, змей. Только тот, кто каждую секунду ждет вражеского выстрела, взрыв гранаты, разрыв мины под ногами. Ничего. Крепись. Вас ждет «Союз», ждет Родина. Вы честно исполняете свой долг, в том числе интернациональный. И не обращайтесь внимания на тех, кто «отмазался» от службы в армии. Это не мужики.

Простите, отчие просторы,
Что на губах моих зола.
Не под Москвой, не под Ростовом,
Война нам сердца обожгла,
Не подо Ржевом – в Кандагаре
Остался Тимка Соловей.
Мы пахнем пылью, пахнем гарью.
Встречай, Отчизна, сыновей.

Глава седьмая

ЗАМЕНА

Все... Вот и пришел тот день. День, который называется «заменой», или «дембелем».

Что ни говори, а мы пройти сумели
Вес, что нам отмерила судьба.
И не зря сегодня мы надели
Наши боевые ордена.

Андреев долго ждал своего заменщика, с июня 1984 года. Ведь последний офицер, с кем ему пришлось заехать в ДРА, заменился еще в начале июня. И уже июль. Когда же? Через день он ходил в отдел кадров бригады к майору Зайцеву. Все время ответ отрицательный. Однажды Зайцев ска-

зал ему, что пришла выписка из приказа МО СССР об от­правлении Андреева для дальнейшего прохождения службы в Дальневосточный военный округ. Через некоторое время рассказал в приватной беседе, что его заменщика перехватил штаб армии и Андрееву нужно ждать новый приказ.

Время тянется. Андреев – вечный дежурный по батальо­ну. Неписанный закон – заменщиков* в рейды, засады не брать. Так он и бродил между палаток. Вот тоска. Ладно хоть обезьянка Лизка чудит, смешит. Сядет на плечи, вцепится в волосы и едет на тебе. Увидит что-нибудь на земле – спрыгнет, схватит и по тебе взбирается снова на плечи. Вот мар­тышка! Шустрая, как электровеник. Когда ее только привез­ли, сначала держали в комнате второй роты на поводке. Где­то на третий день офицеры батальона собрались в этой ком­нате. Кто стоит, кто сидит, Андреев лежал на кровати. Лизку отпустили с поводка, и она давай прыгать и скакать по тум­бочкам и шкафам. Со стен все карты подстели на пол, разо­рванные в клочья, с тумбочек вообще все, что там стояло. Вдруг Лизка выкинула фокус – с пола запрыгнула на шкаф, оттуда мгновенно на люстру, качнулась на ней несколько раз и перепрыгнула на кремневое ружье, висевшее на стене, из­готовленное, наверное, тысячу лет назад, может, со времен колонизации Индии Англией. Офицеры дружно взорвались смехом. Лизка соскочила с ружья, перебежала комнату, за­прыгнула на кровать к Андрееву, прижалась к нему, сделала такую мордочку, оглядев всех присутствующих: «Вы тут все

дураки, а я одна умная». В ответ – новый взрыв смеха.

Батальон вернулся. Снова, наверное, дадут отдохнуть два-три дня. Из политотдела бригады получили указание, что пора Андреева принимать в члены КПСС. Собрание назначили на понедельник. Как будто забыли, что понедельник день тяжелый. Собрались в одной из комнат модуля, избрали президиум, открыли собрание. На повестке дня: прием в члены партии Андреева, отчет коммуниста Козлова (он занимал должность замначальника штаба) о работе по контролю состояния техники.

Кто за то, чтобы собрание открыть? – спросил председатель президиума. – Голосуем.

Все – «за», – добавил он, – считаю собрание открытым. Первым вопросом будет принятие кандидата в члены партии лейтенанта Андреева в коммунисты. Андреев, выйдите вперед. Прошу Вас, задавайте вопросы.

–Расскажите автобиографию.

Андреев рассказал.

–Какой калибр у пулемета КП ВТ?

–14,5 мм.

–Сколько весит пистолет ПМ?

–980 грамм.

–Формула «тысячной».

–Сколько «тысячных» по биноклю будет – разделить на длину или высоту объекта и умножить на тысячу. Так определяется расстояние до цели.

Тактико-технические данные БМП «Марлер» (ФРГ).

Ну, и все такое. Его коллеги, друзья просто подшучивали над ним. Надо же придумать и спросить про ТТХ БМП «Мардер». «Ничего, – подумал лейтенант, – в следующий раз я РГД – 5 кину под кровать этому старшему лейтенанту Блинджяну. Убить не убьет – даже не ранит, ведь солдатский матрас осколками этой гранаты не пробивается, зато разбудит, как будто будильник зазвенел».

Конечно, Андреев этого не сделал. После отдыха вторая рота ДШБ пошла в засаду. Там заместитель командира роты старший лейтенант Игорь Блинджян был тяжело ранен осколками душманской мины в живот. Где он? Живой ли? Когда Андреев навестил его в реанимации госпиталя, он почти умирал.

ОТХОДНАЯ

Время – обед. Андреев, как и все офицеры бригады, стоит в очереди перед закрытой дверью офицерской столовой. Его спрашивают знакомые, когда же он заменится. Он уныло отвечает, что ничего не известно. И где бродит его «заменщик» из Забайкалья? И вдруг вот он. Но песчаной дорожке идет майор Зайцев, а чуть позади его лейтенант в повседневной форме Вооруженных Сил СССР. «Это мой», – екнуло сердце Андреева.

–Ну, что стоишь? Встречай. Тебе замена приехала! – крикнул Зайцев.

–Понял уже, – еле выдавил из себя Андреев.

Сразу аппетит пропал, хотя они все вместе пообедали, но Андреев даже вкуса пищи не почувствовал. Пошли они в модуль, сели в своей комнате. У этого лейтенанта – «заменщика», как и положено, один литр водки для Андреева и два литра вина всем офицерам роты. Хотя все равно пьют все офицеры то и другое, а заканчивают брагой. Так получилось и в этот раз.

«Неужели дождался? Неужели Союз? – пронеслось в голове у Андреева». – И люди будут ходить без оружия, и девочки будут в коротких юбках, жену наконец-то увижу, да и сам смогу хотя бы выспаться. Даже не верится».

Время уже к вечеру Выпили как следует. Тут Андрееву взбрендило в голову пойти в штаб бригады за «обходным». Попытались его отговорить, а он ни в какую. Пошел и нашел приключения. Он рассчитывал, что он самый старый офицер бригады, хотя по возрасту самый молодой, и его не накажут. Однако на крыльце штаба нарвался на заместителя командира бригады и получил пять суток ареста за неряшливый внешний вид. Правильно, он шел в форменных штанах, тельняшке, а на ногах были тапочки. Что поделаешь? Кысмет, сказали бы татары. Пришлось ему топтать в свой модуль и лечь спать. Наутро он хотел подойти к этому замкомбригу, извиниться и объяснить, что поддатый он был по поводу приезда «заменщика». Да куда там. Видимо, этот замкомбрига к шести утра еще не проспался и был злой. На попытку

попросить извинения и объяснить ситуацию, он сказал:

–Ты еще не сел?! Еще пять суток ареста.

–Есть, – ответил Андреев и поехал на гауптвахту. Офицеры, получив приказ, даже такой, как арест, обязаны его выполнить. Отсидел он на «губе*» шесть суток, потом начальник гауптвахты Сергей Усов сказал ему:

–Что ты здесь паришься? В бригаде два зама. Возьми «обходной», подпиши у всех, а напоследок подойди ко второму заму.

–Думаешь, не проверят?

–Да кому ты нужен? Вон опять первый батальон нарвался на засаду. Тринадцать убитых, из них шестеро сгорело заживо. Раненых не перечесть. Сейчас в штабе бригады такая кутерьма. Их же Кабул всех дрючит. Так что самое время.

–Ладно, пойду. Спасибо тебе и счастливо заместиться, не как я.

–Ха-ха-ха. Да, «заменщику» – десять суток ареста. Это новый анекдот. Такого еще в истории бригады не было.

На этом они и разошлись. Вышел он с «губы», пошел через госпиталь. Такие же бараки, только называются модулями. Ба! Серега Алейников.

–Саня, ты что ли?! – закричал Алейников.

–Я. А что, за шесть суток я так сильно изменился?

–Да нет. Просто я хотел тебя пригласить на день рождения. Нашему хирургу Переверзеву сегодня двадцать пять годов стукнуло. Так что гуляем, братан. «Перца» надобно по-

Здравить.

–Есть, товарищ старший лейтенант. А то у меня за это время горло пересохло, да и пожрать бы стоило.

Солдат-дневальный все никак не мог сообразить, откуда лейтенант прошел. Через КПП вроде не проходил. Откуда взялся?

–Парниша! С моё послужишь, не такую еще охрану сможешь обмануть.

Поели-попили, пора и честь знать. По домам.

Наступила ночь, абсолютно черная, с ярко горящими звездами, стрекотанием всяких ядовитых насекомых. Андреев с Алейниковым пошли. Топать примерно два километра, зато идти нужно через «бабайский» кишлак. Серега-то еще молодой по меркам «Афгана», хотя уже старший лейтенант. У него был пистолет с «глушителем». Андреев забрал этот пистолет себе.

Вот и городок с пятиэтажками. Налево – «духовской» кишлак, справа – пятиэтажки. Они решили пойти не по дороге возле пятиэтажек, а вдоль русла реки Тарнкак, по виноградникам. Темно. Фонарик включить нельзя, а то пулю «заглотить».

–Стой! Стреляю! – скомандовал Андреев.

–Ам буру, ам буру, – раздалось и ответ.

–Бабам, – добавил Серега, идя сзади.

–Посмотрим, – ответил Андреев. – Чи то расти? (Что здесь делаешь, как дела?)

–Хуб-асти (Хорошо), – сказал «бабам». – Я в Москве учился, отпусти меня, командор. Я сам офицер Афганской народной армии.

«Ишь ты, – подумал Андреев, – по-русски говорит. Значит, точно в Москве учился. И как я его не прикончил? Палец-то у меня был на спусковом крючке пистолета».

–Все! Хуб (хорошо). Бурум-бахай хонаси (иди домой), – сказал лейтенант. – Пошли, Серега.

Наутро Андреев быстренько обежал все службы, которые числились в обходном листе, собрал все необходимые подписи. Последнюю подпись он получил от второго замкомбрига. Опасался, что первый его помнит, что сидеть Андрееву на «губе» еще четверо суток. Наконец-то все. Осталось получить расчет, выездные документы, сняться с партучета.

Зашел в штаб бригады, получил в кассе полный расчет чеками. Это деньги такие были. Расчетную книжку, где в Сбербанке СССР хранился его денежный вклад в рублевом исчислении. Зашел в секретариат политотдела бригады. Сидит там важного вида прапор и говорит:

–Чего тебе?

Не тебе, а Вам. Это, во-первых. Во-вторых, твой тон меня не устраивает. В-третьих, быстренько сними меня с партучета.

–Больно шустрый, – ответил прапорщик.

–Еще одно слово – и тебе будет больно, – ответил Андреев, – хочешь?

«Прапор» побледнел, начал шарить руками по столу, перебирать бумажки. С чего вдруг?

– Быстрее ищи мою учетную карточку, – скомандовал Андреев. – Может, тебе напомнить, как ты получил медаль «За отвагу»?

«Прапор» этот секретарь партучета, никуда, за исключением столовой, туалета и своего кабинета, не ходил. Вдруг приходит медаль. Да ещё высшая – «За отвагу». Ее даже в тюрьме не отбирают, и суд не имеет права лишить подсудимого медали «За отвагу», хотя остальных наград может лишить. Он с своими друзьями «обмыл» ее, как полагается, вернулся в свою комнату в модуле. Часа в два или три кто-то из боевых офицеров бригады вышиб дверь ногой, бросил гранату РГД-5 под кровать этого «прапора» и исчез. Взрыв! Вся комната побита осколками, стекла вылетели. Не бойся, читатель, осколки РГД-5 не пробивают армейский матрас. Зато будят человека очень эффектно. Почему-то этот человек сразу просыпается. И кто его посмел разбудить?

Андреев получил учетную карточку, другие надлежащие документы, попрощался с «прапором», хотя руки не подал и пошел восвояси. Потом уже в Союзе он получал от друзей «оттуда» письма. Ему написали, что этот «прапор» «сделал» себе еще медаль «За боевые заслуги», ну а потом почему-то погиб. Смерть его была «мужественной» – на «очке» туалета от взрыва гранаты. На этом и кончилась история жизни этого человека.

Вроде бы все. Осталось только друзей собрать на «отходную», то есть стол накрыть – и домой. Какое приятное слово. Брага у Андреева хранилась и «гуляла» у его друга, стоящего со своим взводом на перевале. Там же был и самогонный аппарат. В батальоне оставлять было нельзя – досрочно выпьют.

– Две девятки, я «85-й», – запросил по радиостанции Андреев.

– На приеме.

– Как там дела? Готово? А то тут уже невтерпеж.

– Подъезжай. Последние капли докапывают.

– Понял. Жди через часика полтора.

– Давай, шевелись, – ответил «99-й».

– Залибеков, заводи свою «бурбэхайку»! – крикнул Андреев. – И подъезжай к КПП. Десять минут времени тебе даю.

– Есть, – ответил механик-водитель БМП. И тут же исчез.

Прыгнули в машину Андреев, двое бойцов и направились к КПП. БМП уже стоит. Молодец Залимбеков. всегда он был таким. Все успевал вовремя. Наверное, кумыки все такие.

– Николаев.

– Я.

– Садись в башню за пушку и наблюдай.

– А че, все Николаев да Николаев?

– Помолчи, не пререкайся. За важным делом едем, за самогоном. Это тебе не какая-нибудь «проческа» или засада.

Вдруг подобьют, и все наши офицеры останутся «сухими». А этого допустить никак нельзя,— объяснил ему лейтенант. — Понял, вятский?

—Понял, товарищ лейтенант.

—Трогай, Залимбеков.

Тут же боевая машина с грохотом и лязгом гусениц рванула с места. Андреев чуть успел за открытый люк схватиться. Километров пятнадцать ехали по пустыне, потом вышли на трассу, которая идет в Пакистан. Только они повернулись почему-то в обратную сторону, и сторону Кандагара. Андреев спустился внутрь машины и под равномерную качку ее движения «закимарил». БМП даже по бездорожью идет плавно, покачиваясь, как такси по асфальту.

ПОМИДОР

—Товарищ старший лейтенант, товарищ старший лейтенант, быстрее, — закричал дневальный, — построение бригады.

—Иди отсюда, какое построение? Пять часов утра.

—Точно, замполит уже прибежал.

—Так какого хрена только меня будишь? Поднимай роту, — заорал командир роты старший лейтенант Юра Воронов.

Не прошло и пяти минут — рота стояла в полном вооружении. Затем по команде ротного повзводно двинулась на плац. Построились в линию взводных колонн, подошли другие батальоны. Все. Вроде вся бригада стоит. Начальник штаба

бригады скомандовал: «Смирно-о-о! Для встречи справа... На краул! Равнение направо». Строевым шагом подошел, встретил ВрИО, (СИО, НИО) командира бригады.

–Здравствуйте, товарищи!

–Здравия желаем, товарищ полковник! – вскричала бригада.

–Ну, что, скоты? Построились? – Ответил «Помидор», точнее начальник штаба бригады полковник Голунов.

–А знаешь, читатель, что такое ВрИО, НИО, СИО? ВрИО временно исполняющий обязанности. СИО случайно исполняющий обязанности. НИО наверное исполняющий обязанности.

«Тьфу. Опять приснилась нечистая сила. Опять «Помидор», проснувшись, подумал Андреев.

–Залимбеков! Где мы?

–Подъезжаем, товарищ лейтенант. Скоро перевал.

«Да... А как они снимали здесь «фугасы», целых семь штук. А Голунов?! Да, черт с ним», – вспомнилось Андрееву.

Уже гораздо позже, когда Андреев был в «Союзе», ему написал его друг историю про Голунова. За какую-то неприятную историю, связанную с контрабандой оружия, его сослали (вернее, повысили в должности до командира полка) в Газни. Полк пошел на операцию, а может, в рейд. Как назвать? Да, пусть «афганцы» называют, как кто хочет: «на «боевые», в рейд, на операцию, к черту на рога, в преисподнюю. Приказ есть приказ.

Однажды Годунова поймали с «поличным» на таможне. Он хотел пистолет провезти контрабандой. Его обыскали и изъяли этот пистолет испанского производства «Астра». За это и повысили до командира полка. «Лапа» была у него.

А в этой операции, или рейде, получилось некрасиво. Целый месяц полк топал по горам и седловинам. Под конец рейда полк собрался в одном из ущелий. Подлетели «вертушки». Пехота, быстро собравшись, толкаясь, расселась по местам. Вокруг чернеют горы, синее небо, под ногами пробивается зеленая травка, а вокруг – КРАСНЫЕ МАКИ. Как будто, это кровь наших солдат. Первая партия «вертушек» взлетела, ушла. Тут же пришла вторая. Остатки полка погрузились, но Голунов приказал остаться управленцам полка и батальонов. Начал подводить с офицерами итоги рейда. Долго ругал командиров рот, командира какого-то батальона. Как всегда орал, не стесняясь в выражениях. Для тебя, читатель, эти выражения лучше не знать. Покраснеешь от стыда. Он мог это позволить. Папа служил в Генштабе. Потому-то его и повысили в должности до командира полка.

Из-за гор появилась первая пара «восьмерок», начала заходить на посадку. Офицеры взяли свои вещи и стали подтягиваться к посадочной площадке, где уже дымились три шашки оранжевого дыма. Вдруг массовое перещелкивание пуль, полетели гранаты из гранатомета. Крики, ругань, кровь – СМЕРТЬ.

«Духи» окружили эти остатки полка с четырех сторон и

начали «поливать» перекрестным огнем. Через пять минут боя стали закидывать ручными гранатами. Взрывы, очереди из автоматов, пулеметов, летят осколки раздробленных камней вперемешку с матом. Не бой, а бойня: «духи» били на выбор. Не просто в человека попасть, а прицелиться и попасть ему в руку, ногу или кисть руки. Они подошли на расстояние пятнадцати-двадцати метров. Даже ухо могли отстрелить. Офицеры яростно отстреливались. Немало «бабаев» там полегло. Вот и Миша Свиридов сцепился врукопашную. «Дух» врезал ему прикладом. Миша увернулся и тут же ударил ногой в промежность. «Дух» заорал, согнулся пополам. Миша добил его. Второй лезет. На! Получи ножом в горло. «Дух» упал, повернувшись на сто восемьдесят градусов, нож остался в горле. Миша – безоружный, автомат где-то в стороне. Вот лезет еще один, ослабилась в улыбке: «шурави»-то безоружен. Бросил свой «Бур» и пошел врукопашную. Сцепились. «Дух» в два раза выше и мощнее. Мишка вцепился ему в подмышки, тот заорал от щекотки, и тут же зубами – в горло. Это было последнее, что мог сделать Миша. Кадык у «духа» был вырван. Такое было по всей полянке в этом ущелье смерти. Но, не тут-то было. Одна «восьмерка», все-таки приземлилась. Дай бог этому экипажу здоровья, их семьям, и пусть сами живые домой вернуться, хотя надежды на это мало. Тут в открытую дверь впрыгивает Голунов и приказывает экипажу взлетать. У летчиков были недоуменные взгляды. Но приказ командира полка нужно

было исполнять под угрозой трибунала. Так погибли офицеры Газницкого полка. Ничего не добавишь.

Ну вот, ребята, нальем бокалы!
За тех парней, кто отдал жизни
Во имя счастья чужих людей.
Кто не увидит за крышкой гроба
Родную мать.
За тех. ребята, кому досталось н земле лежать.

* * *

–Залимбеков, за перевалом сразу налево, – приказал лейтенант.

–Есть, – ответил механик-водитель.

–Увидишь мерцание огней – сразу стой. Моргни фароискателем – два коротких, один – длинный.

–Понял... Товарищ лейтенант, огни.

–Моргай фароискателем быстрее, а то нас подобьют.

И в этом мерцании огней БМП счастливо подъехала к подножию горы. Остановка. Вопросы – «Кто приехал?». Ответы – «Пошел ты на ...» Не возмущайся, читатель, это пароль такой был. Ведь русский мат ни на какой язык перевести нельзя. Не переводимый он. Правда, говорят, что за триста лет монголо-татарского ига они и научили нас ругаться матом. Тогда почему не по-монгольски?

Вылезли, поднялись на гору. А это примерно метров пять-

сот наверх. Вадим встретил как положено: стол, брага, ну, самогона немного. Поели-попили, пора и честь знать. Короче, пора домой, в бригаду. Медленно-медленно спустились вниз, а то бачки-то можно расплескать. Погрузили все в БМП, попрощались (надолго ли?) и вперед «домой». Оказывается, с Вадимом Костиным Андреев попрощался навсегда. Вадим погиб. Гораздо позже. Уже в Чечне. Посмертно был награжден Звездой Героя Российской Федерации.

Здесь под небом чужим,
Под афганской звездой
Слышу крик журавлей,
Улетающих вдаль.
Ах, как хочется мне
Заглянуть в амбразуру,
Пулеметом глушить по России печаль.
День и ночь безразлично
С боевым автоматом.
Пулемет заряжен, да братишка родной.
Ах, как хочется мне
Обложить землю матом.
Слезы горести лить
По Российским парням.

-Поехали, Залимбеков.

-Понял.

Машина рванула с места, как гепард. Снова понеслись виноградники, горки, кустики. Привычная картина. Солнце уже зашло, на небе полная луна. Светло, как в Афгане. Залимбаев, как всегда, гнал на полную катушку. По бокам только мелькали домишки, искривленные деревья, даже мост пролетели на этой скорости. Вот и родная бригада. Приехали.

Дальше просто. Сервированный стол, самогонка, посредине стола – сорокалитровый бачок браги и две кружки. Почему посредине стола? В батальоне действовал закон: подходи и пей, сколько влезет. Ну, а если не влезает, ложись на кровать или пол и спи. Утром, часа в три-четыре, будь готов выехать по любому боевому приказу. Иначе получишь по морде. Ведь за тебя другой поедет. В этот разбить никого не пришлось. Выпили, поели культурно и по своим нарам. Кто в свою постель, кто в чужую, а кто и в постель женского модуля. Что поделаешь? Жизнь есть жизнь.

Утром – вспомнил, что пора домой. Все, замена! Ура! «Отпускник» (это самолет такой, ИЛ-18, «афганцев» в отпуск возит) должен быть в 10-11 часов. Друзья, естественно просто так не позволили уехать. В конечном итоге, «отпускник» улетел без Андреева.

Часика через 3-4 Андреева провожала полупьяная толпа офицеров и абсолютно трезвые, но немного обкуренные солдаты. Это, наверное, самый лучший день в жизни Андреева. Солдаты пришли его проводить! Для офицера – это большая

честь. Значит, верили в него, уважали. В общем, проводы на аэродром «Армана». В аэропорту «оказия» стоит – самолет АН-12. Летит на город Кабул. То, что нужно «заменщику*».

– Возьмешь? – крикнул Алейников, – «заменщик».

– Пусть загружается, – ответил командир корабля.

– Вперед. Саня, вперед, – захохотали офицеры, – это последняя команда «Вперед». Радуйся!

– Не знаю, радоваться или нет. Грустно мне уезжать. Свидимся ли? Давай что ли по кругу. Спасибо, друзья. Я не прощаюсь. Говорю – ДО СВИДАНИЯ, – сказал Андреев.

КАБУЛ

Как обычно, по бокам фюзеляжа скамейки, иллюминаторы. Сверху тросы, куда цепляют карабин парашюта. Необычно было то, что посередине стояло два ящика – два гроба. Снова кого-то везут на Родину – закопать в землю. Андрееву сразу вспомнилась пустыня – его «пустынный» батальон. Тогда, в один из обычных дней погиб рядовой Ибраев. Как обычно, три часа утра, рота собирается на сопровождение колонн. Умываться почти нечем, так, соленая водичка. Недалеко от батальона родник выбивается из-под земли. А кто-то даже лица не ополоснул. Тут еще дежурный по роте орать начал, что колонна от «Кишки» уже пошла, нужно выдвигаться. Да, действительно пора. А то «точки» выставить не успеем.

– Залибеков! Быстро получать оружие, – раздалась команда ротного старшине.

–Есть, – послышалось в ответ. И тут же:

–А ну! Пошевеливайтесь! Быстро!

–Первый взвод, за мной! По машинам!

–Гурбанов! Тык-тык-тык. Бегом к БТР-у!

–Ты что встал, урод? Быстрой.

Это была такая небольшая, мягкая перебранка. Сержанты делали свое дело. В общем, народ разбудили. А то не все еще проснулись. Вон Ротарь ползет. Машину еще не приготовил. Хотя в пустыне двигатель прогревать не надо, но проснуться-то все равно нужно. Вдруг выстрел. Нет, не такой обычный, из автомата. Калибр оружия был покрупнее. Да, и звук-то раздался возле «оружейки», то есть палатки, где хранилось крупнокалиберное оружие. Автомат всегда под рукой. Крики, проклятья. Что-то случилось. Вес офицеры бегом к «оружейной» палатке. Там уже десятка два солдат стоит. На земле корчится Ибраев. Его пытается удержать старшина роты Залибеков, кумык по национальности, хотя неважно. Из груди Ибраева, вернее из дырки в груди величиной в тридцать миллиметров льется на песок кровь, смешанная с остатками костей и легкого. Изогнет его на животе – из груди, перевернет на спину – из спины. Сквозное, смертельное ранение. Всем это ясно. Подбежал «Перец», ротный санинструктор, сделал укол промедола, чтобы умирать легче было. Больше ничего не сделаешь и ничего не скажешь. Он, Ибраев, доставал из ящика автоматический гранатомет АГС-17, взял его за ствол, поставил вертикально, дулом в грудь, пря-

мо на спусковую планку. А в предыдущую ночь, но приезде из очередного сопровождения колонн, гранату из патронника не вынули. Не разрядили гранатомёт. Результат – Ибраева повезут в «цинковом скафандре*». Так вот, читатель. Глупой эту смерть не назовешь. Парень этот воевал честно. Дикая, нелепая случайность. А человека нет. Было видно: Ибраев не хотел умирать. На помощь все звал.

Войдя в самолет, Андреев пристроился на скамеечке возле одной из гробов. Уселся поудобнее, чтобы в полете можно было поспать.

Самолет набрал высоту. До свидания и прощай, Кандагарская бригада. Как в песне поется:

Прощайте горы, вам видней,
Какую цену здесь платили.
Врага какого не добились,
Каких оставили парней.

Под горло подкатил знакомый комок. Это самолет пошел на посадку. В Кабуле посадка самолета необычная. Сам Кабул находится в ущелье, и поэтому самолет с двух тысяч метров как бы падает вниз. Естественно, Андреев проснулся. Эта предосторожность у пилотов появилась еще потому, что у "духов" появились «стингеры». Это ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс, их им поставили американцы. У «стингера» двойное прицеливание – по инфракрасному

излучению и по силуэту. Для тебя, читатель, это неинтересно, но дня Андреева это существенно. При заходе на посадку в Кабуле самолет, кроме того, что почти падал вертикально, еще и вилял: вправо-влево, вправо-влево... А это существенная вещь для спящего пассажира.

В общем, прилетел Андреев в город Кабул, приземлился удачно. Да, не он приземлился, а самолет. Возле трапа стоят два незнакомых офицера и кричат: «Кто первый раз в Афган, садитесь в автобус».

«Да. Меня в автобус не сажали», – подумал он. И вспомнил он свой приезд, прилет в Афган. Жара стояла такая же. Он и подумал тогда: «А не зря ли я сюда приехал?». А сейчас уезжает. Даже жалко. Как будто часть души оставил. Взгрустнулось ему при виде молодых офицеров, рассаживающихся в автобусе. Что их ожидает? Кто может предсказать?

На «попутке» (это был БТР), Андреев добрался до штаба армии. Выйдя из машины, огляделся. Слева большие, железные ворота. Часовые стоят в форме афганской народной армии. Он немножко пригляделся. Ба! У одного солдата рожато «рязанская». Это их Министерство обороны охраняло! они же вместе с нашими. Только ведь известно, как они «службу несут», а как «шурави»?

–Аскер, я старший лейтенант, иду к своему другу.

–Куды-куды?

–Туды, твою мать.

–А... Наш. Заходите.

Ничего не поделаешь, хохол попался па посту. Молодец – ничего не скажешь, не пропустил постороннего человека. Значит, службу знает. Солдат дал сигнал начальнику караула. Андреев даже не заметил. Выбегает из ворот тройка бойцов, впереди бежит офицер. Откуда ни возьмись – по бокам, уже стоит еще пара бойцов. Андреев пригляделся к начальнику караула. Ох ты, точно он – Феликов, Костя Феликов, по прозвищу «Дуля». Нос у него был такой, поэтому и такое прозвище. Жив ли он сейчас?

– Дуля, Костя! Ты что? Меня арестовать решил?

– Санька, ты что ли? Тебя же убили. Нет, не может быть. Тебя ж все училище оплакивало.

– Всякое бывает.

– Пошли! Пошли ко мне. Как раз время обеда.

– Да уж, – ответил Андреев, – сначала автоматами встречают. Потом на обед приглашают. – Кость, я ведь заменяюсь, переночевать бы где. Завтра в штаб армии за документами.

– Какой вопрос? Конечно же, у меня переночуешь. Да не думай, что я тебя завтра отпущу. Сначала по Кабулу повожу, покажу достопримечательности, да и подкупиться тебе перед «Союзом» нужно. Тут все дешевле. Так что давай свои сумки – и за мной.

– Понял, иду, – откликнулся Андреев.

Поднялись на третий этаж, прошли по коридорам. Кто из ханов или королей жил? Везде лепные узоры, мозаика, иероглифы, наверное, сурды из Корана. А сейчас помещение ро-

ты охраны. Для мусульман, конечно же, кощунство.

Зашли в комнату. Феликов поставил сумки Андреева в угол, начал открывать консервные банки. Причем взял две банки и потряхнул перед ушами. В одной забултыхалось. «Масло, – сказал Костя, – а в этой сыр». Андреев аж захохотал. В пустыне так же проверяли, масло в банке или сыр. Этот прием не нов. Стол как обычно, консервы, консервы и еще раз консервы. Однако во главе стола стояла литровая бутылка «кишмишевки». Это афганский самогон. За встречу, потом за родителей, ТРЕТИЙ ТОСТ, а потом уж за все подряд. Андреев оглядел собравшихся молодых офицеров, и мелькнула мысль: «Вернуться ли живые? Да, и какие живые? Можно ведь немножко живые, то есть и инвалидом».

Наутро Андреев явился в штаб сороковой армии ОКСВА (ограниченный контингент советских войск в Афганистане). Пока готовились выездные документы, он прогулялся по гарнизону батальона охраны. Красивые модули, лужайки, вдали виднеется дворец Амина (был такой руководитель страны, грохнули его), весь сверкает бирюзой. Лучше бы эти драгоценные камни пустили на благотворительность, помогли народу, который еле сводит концы с концами.

Андреев повернулся и пошел снова в штаб армии за документами. Все уже было готово. Какой-то майор, чем-то озабоченный, выдал предписание, служебный паспорт с визой, еще какие-то бумаги, пожал руку – и до свидания Афганистан.

Но как нам хочется порой
Лицом в ладони окунуться.
Снимает груз тупая боль,
Как будто мы должны вернуться.
Как будто мы забыли там
Свои израненные души,
Я все расставил по местам,
Но почему так горло сушит.

После обеда Андреев с Костей и еще двумя офицерами, переодевшись в форму афганской армии, поехали в город, по магазинам, то есть по кабульски дуканам.

Низенькие мазанки, такие же дувалы, мужики ходят в балахонах. Женщины в парандже. Вот перед глазами открылись широкие улицы, проспекты. Понеслись по бокам магазинчики, самодельные лавки. Ба! Это уж слишком! Большое, красивое здание, верно университет. Оттуда выходят, да и возле входа группируются девочки: все в коротких юбках, подкрашенные, в общем, все по-европейски. Такие симпатяшки. Слов нет. У Андреева аж челюсть отвисла. «Как у нас дома», – подумал он. Скоро и ему домой.

– Ханум, можно посмотреть вот эту рубашку, – обратился к продавщице Андреев.

Пожалуйста, одну секунду. У Вас какой размер? Не знаете? Сейчас измерим, – затараторила миловидная девушка,

чисто по-русски, даже без акцента.

– Все отлично, как будто по мне шили, – сказал Андреев. – у меня тут сто двадцать «афганей» осталось. Могу ли я купить переходной шнур для японского магнитофона.

–Бали-балли, конечно же. Если Вы можете, одну минуту подождите, пожалуйста (научились вежливо говорить).

–О-у, бача. Индже биа (идя сюда), – добавила еще, что-то по-фарси, – бурум бахай. – Мило улыбнулась Андрееву и стала показывать ему другие товары: аудиокассеты, какие то плакаты с девочками в купальниках. Оказалось, что после покупки батника остается сдачи сто двадцать «афганей». По-нашему – пятьдесят копеек. Она даже это не упускает. Клиента нужно обслужить по полной программе. Чтобы он ушел с полными сумками, и вместе с этим с пустым кошельком. С ее точки зрения – правильно.

* * *

Андрееву вспомнилась одна история. Два командира из батальона охраны бригады купили жену. Да, читатель, купили в полном смысле. Жен в Афганистане покупают. Да, не возмущайся ты, читатель. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Служили они в батальоне охраны бригады. Привезли ее на свою «точку», поселили в танке. Да-да, в танке Т-62-М. Бросили ей матрац, какое-то одеяло. Так и жила она. Сама ростом маленькая, иссиня-черные волосы, такие же брови,

глаза. Губы ярко-красные. Ножки идеально стройные, такие редко где увидишь. Приодели ее во все европейское: короткая юбка, такая же блузка, симпатичные туфли красного цвета, бюстгальтер не купили, потому что он не нужен ей был.

Прошло два месяца. Девочку выводили погулять по ночам, научили по-русски говорить, отучили шаровары носить. В общем, стала цивилизованной. Только цивилизация эта по-европейски. И зачем им европейская цивилизация? У них, мусульман, своя культура, свое искусство, свой менталитет. Это не каждому дано понять, в том числе и этим покупателям женщины.

После этих двух месяцев они отвезли девочку, именно девочку, так как ей было пятнадцать лет (хотя выглядела на все двадцать пять) домой, к родителям. Вроде как им она уже надоела. Однако отец ее не принял. Такой у них обычай. Его дочка продана и на этом конец. Он сказал ей, что у нас есть свои хозяева. Ходила-ходила эта бедная девочка, случайно встретила замполита роты афганской армии. Пожаловалась ему на такое сволочное поведение её двух мужей. Да... Она считала, что у нее два мужа. «Я для них все делала, стирала, готовила. В чем меня можно упрекнуть? А они меня обратно отцу отдали. За что? В чем я виноват?» – плакала девочка. Хотя в этих краях замуж отдают с одиннадцати лет, но все-таки, не зная законов шариата, нельзя так поступать. Девочка и вся ее родня взаправду считали, что она виновата.

Собрались все родственники, позвали кадия, то есть су-

дью. Начали судить эту девочку. Её, конечно, не выслушали. Да и она сама считала себя виноватой. Они осудили ее на смерть. Это значит, что ее нужно зашить в мешок и бросить в реку, которая своим течением огромные булыжники вырывает со дна и уносит прочь.

Мать смотрела на свою дочь озлобленно. Вся остальная родня вообще готова была сожрать эту девочку глазами. Они бы разорвали ее в клочья, но боялись кадия. Встретив сочувственный, любящий взгляд отца, она немного ободрилась. Тут кадий заявил: скажи, мол, последнее слово. В ответ на это предложение она просто разделась. Еще в Древней Греции – Элладе, был подобный прецедент, когда женщину обвиняли в воровстве. Она обнажилась, и судьи, увидев дивную красоту, единогласно ее оправдали. По их мнению, не может такая совершенная красота быть воровкой. Эти два понятия просто несовместимы: красота и воровка. При виде раздетой донага девушки вся присутствующая толпа начала вполголоса возмущаться. Это ведь суд. За громкий крик можно получить палками по пяткам. Молчали и ухмылялись в свою бороду отец девочки и кадий. Её поступок был просто героическим с точки зрения шариата. Но кадий и отец по достоинству оценили ее смелость. Красота не наказуема. Однако в дом ее отец не взял. В конечном итоге девочку доставили к начальнику политотдела бригады, вычислили этих офицеров и в двадцать четыре часа отправили в «Союз». По российским законам они неподсудны. Что стало с девочкой?

Неизвестно. Домой, к матери, она не могла вернуться. Скорее всего, поступила в публичный дом. Такова жизнь, читатель.

* * *

А можно кассету Высоцкого (так и не научился говорить приказным тоном с «афганцами», хотя своих солдат «строил – будь здоров»)?

–Альбятты, конечно, – начала лепетать продавщица, – но у Вас еще двадцать афгани останется. Купи, товарищ, вот этот календарик. Он из Японии.

«Да. Девочки в купальниках на этих плакатах хороши», – подумал Андреев.

Сверни в трубку, чем-нибудь обмотай.

–Да-да. Конечно же.

–Эй! – вмешался Феликов, – мне джинсы нужны.

–Конечно, конечно. Одну минуту. Пока я бегаю, скажите Ваш размер.

–Не знаю.

–Сейчас я быстренько (вернее, она сказала тезлее). Тут же Вас измерю. Размер станет ясен.

–Ты, наверное, будешь хорошая жена, – добавил Андреев.

–Я уже замужем, – ответила девочка. – по-вашему, я помолвлена. До моего рождения и рождения моего мужа наши родители договорились и решили нас поженить. Извините, я верна своему мужу.

Продавщица откуда-то достала «сантиметр», измерила необъятную талию Кости. И сказала, что у него тридцать второй размер. Феликов потребовал примерки. Она пригласила его и Андреева в «подсобку». Костя натянул на себя джинсы, спросил у Андреева, как он выглядит. «Вроде ничего», – ответил Андреев.

–Ханум! Дай с тремя строчками.

–Инды-инды, пожалуйста, командир, хубасти.

Продавщица принесла другие джинсы, простроченные по бокам тремя строчками ниток. На этот раз «Дуля» остался доволен. Броне все ему понравилось. Наутро – аэродром. Пора домой. Жаль расставаться с этой страной. Как будто сроднились.

Утром подъем, завтрак консервированный. Столица страны, а завтрак из консервов. Судя по одежде жителей, обилию рынков и магазинов мясо должно быть натуральное, а не консервы. В Кандагарской провинции «пустынный» батальон жил лучше. Представь, читатель: пустыня Регистан, вараны, змеи, скорпионы, фаланги. Вокруг еще и "духи", что хуже – неизвестно, до ближайшего кишлака Кинкинахуд около пятидесяти километров. Но по праздникам всегда было свежее мясо: баранина или верблюжатина. Войны почти вес азиаты, то с пуштунами договорятся за пару пачек патронов (пуштунам официально разрешалось иметь оружие), то в Кишкинахуде купят.

Взяв дежурный БРДМ, веселая компания тронулась в

аэропорт. Все дружно завидовали Андрееву.

–Что, Саня? Домой? А мне ещё полтора года. – вздохнул Костя.

–Я уж и забыл, когда мне столько оставалось.

И тут у Андреева перед глазами возникла картинка:

–«85-й*, сдай назад. Толкни танк, заглох он, аккумулятор слабый.

–«08-й*, ты что-то пугаешь. У меня БТР, а не танк.

–Давай, Саня, попробуй. Ребята гибнут. Черт возьми, где эти «вертушки»?

–Я «полста третий», на приеме.

–«Полета третий», врежь НУРС-ами южнее красного дыма, – дал целеуказание «85-й».

–Вижу два дыма. Один из них и «зеленке».

–Ах, сволочи! Наши дымы используют. Зайди с запада и вдоль «бетонки», где стоят одна тяжелая и две легкие «коробочки».

–Понял, выполняю, – ответил «полста третий»

Вертолет, сделав круг, зашел на заданный курс. Его напарник держался «в хвосте». Первый, клюнув носом, дал очередь буквально в пятидесяти метрах от бетонки. За ним сразу второй. Огонь, дым, крики умирающих, летящие вверх обломки дувала. И тут выстрел из гранатомета. Попадание в башню 87-го БТР. В это время 85-й сдавал назад и смог чуть-чуть сдвинуть Т-62М.

Этого ему было достаточно, и он завёлся. Пока его ко-

мандир разбирался в обстановке, бой снова разгорелся. Кажалось, автоматнo-пулеметные очереди друг с другом соревнуются. «Работали» все четыре пулемета обоих БТР, воздух прорезали огненные струи «мух». Пехота под прикрытием огня стала отходить из виноградника, через бетонку к машинам. Первые двое бойцов упали сразу. Одного ранило в живот, другого – в плечо. Обоих быстро перетащили через дорогу и погрузили в 85-й БТР. Андреев с парой бойцов кинулся в 87-й БТР. Водила ранен, а наводчик- оператор пулемета... В общем, у него не было головы. Все вокруг было забрызгано кровью и мозгами наводчика-оператора.

БТР подцепили на буксир танку. Танк дал пятерку «огурцов» по засаде «духов», плюс «вертушки» сделали пару заходов. «Духи» заткнулись. 85-й пошел замыкающим. На броне танка, сзади открытого командирского люка стоял прапорщик. Заворотинский управлял буксировкой БТР-а. И тут «духи» дали еще один выстрел из гранатомета. Граната попала прямо в открытый люк. Заворотинского сбросило с башни в кювет. Он тут же вскочил и выбежал на дорогу, махая рукой. «Он что? Думает в Союзе что ли? Как такси останавливает. Пуля ведь дура, а он со своим двухметровым ростом встал на «бетонку». Будто я его не вижу», – сердито подумал командир 85-го.

85-й остановился. Заворотинский реактивно взобрался и прыгнул внутрь машины. По голове, шее текла кровь. Быстренько глянув на рану, Андреев приказал санинструктору

перевязать. Рана была легкая, но какие от нее будут последствия – не знает никто. А в это время 385-й БТР мчался по «бетонке» догоняя ушедшую колонну.

–«Ноль-восьмой», я «ноль-седьмой».

–На приеме.

–У вас все карандаши в хозяйстве? – спросил командир седьмой роты.

–Да, вроде бы. А ты что о нашей обойме беспокоишься? – спросил Юра Воронов – командир восьмой роты. Потом продолжил: – «Ноль-восьмые», пересчитать всех.

–Я «85-й». У меня не хватает одного.

–«85-й», я – «ноль-седьмой». Его фамилия Страхов? Не беспокойся, он у меня, – сказал Герой Советского Союза капитан Александр Черножуков. – Со следующей колонной переправлю.

– Понял, «ноль-седьмой».

Страхов. Такая фамилия. Звучит, как страх, трусость. А Гена Страхов был отчаянным храбрецом. Когда выносили раненых с «бетонки», заводили танк, буксировали 387-й БТР, все впопыхах не успели посчитать своих солдат. А Гена просто растерялся. Ведь в армии служил всего около трех месяцев, из них два в Афгане. Он потом, после снятия «точек» и ухода роты, сообразил, что нужно «делать нош». Самая ближайшая застава – это была седьмая рота на Элеваторе, находящаяся в пяти-семи километрах от «точки» третьего взвода. Это если идти по «зеленке», но дороге дальше.

И он пошел, побежал, используя грядки виноградников, гранатовые сады. Самое сложное было пройти последние километры до Элеватора, в том числе переправиться через речку Аргандаб. Но он прошел, отстреливаясь от нападающих "духов". Так кто он? Трус или храбрец? Через полгода он стал сержантом – заместителем командира взвода.

* * *

По дороге в аэропорт заехали в тот магазин, где Феликов купил джинсы: ему снова захотелось с двумя строчками. Держа марку фирмы, та же девочка беспрекословно обменяла Косте эти штаны. Еще пятнадцать минут – и аэродром.

–Ну, что, Саня, свидимся ли?

–Приезжай ко мне в Йошкар-Олу.

–А ты ко мне в Баку.

–Идет. Договорились, – рассмеялся Андреев.

Настроение его было приподнятое. Все! Скоро домой. Кончилась война. Только он еще не догадывался, что эта война наложит на него, как и на всех, кто там воевал, тяжелую печать. Она ему будет сниться всю жизнь.

Андреев пошел на «взлетку». Там уже, блистая белизной, стоял «отпускник». Пошел по трапу, помахал на прощание рукой провожавшим его друзьям. Точнее – всему Афганистану.

Самолет начал заводить свои четыре мотора, пассажиры уселись поглубже в кресла. Теперь можно поспать до Таш-

кента, вернее до границы СССР. По соседству с Андреевым сел какой-то капитан. Познакомились, разговорились. Оказывается тоже заменщик. В конечном итоге, заменщиков в самолете оказалось пять человек, в том числе одна женщина Таня. До Ташкента с заходами в Кандагар и Кундуз еще два часа. «Отпускник» взревел моторами, выехал по «рулежке» на ВПП, развернулся и пошел на взлет. После резкого набора высоты полет выровнялся. Все стали закрывать глаза. А Андрееву вспомнилось, как погибло два сапера.

Колонна шла по «бетонке», расставили «точки», ждут «ниточку» из «Союза». Тишина... Саперы идут, протыкая обочину дороги своими щупами. Итальянские мины пластмассовые. В них металла – часть взрывателя. Поэтому миноискатель не чует их. А мины там были или итальянские, или германские. Время обеда, все так же тихо. Только в придорожье что-то стрекочет. Трое саперов остановились перекусить. Сели на обочину, на тот участок дороги, который не проверили. Два дембеля сели на обочину, третий – «молодой» – сел в сторонке для охранения. Открыли консервную банку каши с мясом, банку сыра, достали фляжку' с отваром верблюжьей колючки (жажду снимает). Один из солдат взял банку с кашей в руки, достал из полусапожка ложку и начал есть. Второй выггер штык нож о штаны и воткнул в землю... Он думал, что в землю. На самом деле в противотанковую мину.

Взрыв... Летят куски человеческих тел, крик третьего

солдата из охранения. К этому месту подбежали бойцы из «блокировки» дороги. Собрали останки этих солдат. Третий был жив. Только немножко жив, у него не было ног. Поискали вокруг, но нашли только одну. Что же его ждет в Союзе?

Вот пришел нормальный парень.

Пострелял? Ну, будь здоров,

Но куда же с костылями?

В черноту афганских снов?

Замешав всю боль на водке

За упавших, за живых,

В коммунальной комнатенке

Девять метров на троих...

А в сущности, кто остался в живых из тех двадцати офицеров Бакинского ВОКу? А кто остался в строю из тех девяти попавших в Кандагарскую бригаду? И еще двоих, одновременно приехавших служить вместе с Андреевым? Только он сам, Толик Попов из Омского ВОК-у и Шабанов Андрей из Краснодарского училища связи. Остальные? Кто где. Кто на кладбище, кто на костылях, а кого вообще нет – пропавший без вести.

ВСТРЕЧА С РОДИНОЙ

Самолет пошел на посадку, плавно снижаясь. Скоро Ташкент. Вышел второй пилот и объявил:

–Товарищи! Пролетаем границу Союза Советских Социалистических республик.

Хлопок пробки, и бутылка шампанского пошла по кругу. Наконец-то дома. Союз, черт возьми! Сошли по трапу. Сзади «взлетка», а еще дальше лес. Все прилетевшие пошли к зданию таможни.

–А что там? – спросил Андреева какой-то лейтенант, совсем еще «зеленый», показывая на лес.

–Там «зеленка».

Все шедшие рядом и слышавшие этот диалог дружно захохотали. Ничего, у нею это скоро пройдет. Все они были такими. Суровая реальность жизни их вылечила, а может, наоборот покалечила.

Зашли в здание, выстроились в очередь. Даже здесь очереди. Андреева проверяла какая-то девушка. Вещей было немного: сумка и магнитофон. Показал он ей декларацию, поставил вещи на стол. Она задала стандартные вопросы: нет ли оружия, наркотиков. Тщательно порылась в сумке и ВСЕ – Андреев дома. Он был готов расцеловать первого встречного. Реальная война для него закончилась. Знал бы он, что всю оставшуюся жизнь будет «воевать» во снах. А сколько осталось там без вести пропавших, останки тел, похороненные на месте гибели?

О, странник! Весть ты поведай
Гражданам Лакедемона:

Здесь мы не в могиле лежим,
Честно сдержав свое слово.

С бьющимся сердцем он вышел за ворота Тузеля – военного аэродрома. Смотри-ка, машины ездят, девочки без паранджи. Давно, очень давно такого он не видел. А самое главное – люди ходят без оружия. Это поразило больше всего. Рядом проехала какая то «легковушка», стрельнула выхлопным газом, как будто настоящий выстрел. Андреев по привычке кинулся на землю, в укрытие. Потом сообразил, что он в Союзе. Встал, отряхиваясь от пыли. Рядом прошли две девушки, громко хохоча и поглядывая на офицера. Похоже, видели курбеты Андреева. Недалеко стояла пожилая женщина, осуждающе покачивая головой в их сторону. Она тоже видела этот прыжок, только прекрасно понимала, отчего это. Видно, в жизни много повидала, в том числе мужчин, пришедших с войны.

Ба! Кто это идет? Да это же Колибан. Бывший замкомзвода в училище. Коротко сказали друг другу «Здорово», крепко обнялись. Слов не было. На кителе Колибана висели орденские шишки: орден Красной Звезды и орден Красного знамени. Он шел в Тузель. Там его ждал самолет, а дальше Саланг.

–Салам, бача. Вот мы и встретились с тобой.

–Салам, бача. Как поживаешь, дорогой?

–Дай мне, бача, твою колючую щеку.

– Дай я, бача, тебя покрепче обниму.

Жив ли он сейчас? Ведь Молдавия воевала с Приднестровьем. А он был молдаванин, причем с опытом боевых действий. Хотя никто не знает, каким он вернулся из Афганистана. Может, в «цинковом» бушлате?

Тут Андреева дожали еще четверо «заменщиков», в их числе была симпатичная особа.

– Куда собрался, бача?

– Да вот, в аэропорт еду, – ответил он.

– Нет... Только с нами. Берем «тачку» – и в ресторан «Арарат». Только сначала билеты купим, – рассмеялся капитан. – Не забудь про оплату такси – один презерватив с усиками.

– Ха-ха-ха, – дружно взорвались все.

– Да, уж знаю. Не первый раз границу пересекаю, – ответил Андреев.

Они поймали такси, дали ему каждый по «резинке» – и в аэропорт, там к ним быстренько подбежал мужичок и предложил «походатайствовать» в приобретении билетов на любое направление. Что ж, здесь такие законы: двадцать чеков – и через полчаса билет в кармане. А если дашь сто чеков, то тебя отвезут на квартиру, предоставят женщину, а утром доставят прямо к трапу самолета.

Потом был ресторан «Арарат» – одноэтажное здание в кавказском стиле, небольшой зал, оркестр и, конечно же, кавказские блюда. Официант, увидев новых клиентов, рас-

познав в них «афганцев», тут же засуетился, предлагая разные блюда и вина. Но ему сказали просто: «Парень, давай по полной программе». И он дал! Да еще как! Стол был заставлен бутылками с сухим вином, водкой, завален различными блюдами, а в середине – огромное блюдо с зеленью (кинза, петрушка, укроп, лук, и тому подобное).

Произнесли три тоста: за «замену», за то, что живые; за родителей и жен; третий тост – за тех, кого нет с нами. Оркестр наяривал только «афганские» песни, потом все остальные, современные. Начались танцы. Андреева пригласила на медленный танец довольно симпатичная узбечка. Уже танцуя, спросила: «А что такое «Афган»? «Ребенок», – подумал он.

«Афганистан! Как это интересно.

Воюют там, читала из газет», -

Сказала девочка, ко мне прижавшись тесно

Какой я мог ей дать ответ.

И я сказал, что там чуть-чуть стреляют

И что душманы – пакостный народ.

Стреляют так, что в руку попадают.

Но больше получается в живот.

Утром, расцеловавшись с «афганцами» и «афганкой», погрузились каждый в свой самолет. Взлет-посадка, сколько их было за два года и восемь дней? Вот и Казань. Через три с

половиной часа – Йошкар-Ола. Проезжая «Ремзавод», Андреев обратил внимание, что едет по улице Мира. Ему сразу вспомнилась фраза из знаменитой песни детства: «Пусть всегда будет мир». Но это были только его мечты.

С обгорелых однажды небесных вершин,
По ступеням обугленным на землю сходим.

Под прицельные залпы наветов и лжи,

Мы уходим, уходим, уходим, уходим.

Прощайте, горы, вам видней,

Кем были мы в краю далеком.

Пускай не судит однобоко

Нас кабинетный грамотей.

До свидания «Афган» – этот призрачный мир
Не пристало добром вспоминать тебя вроде.

Но о чем то грустит боевой командир

Мы уходим, уходим, уходим, уходим...

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ

И МАЛОУПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ

(«Афганский» жаргон)

АТС-17 – автоматический гранатомет станковый.

Арьергард – замыкающий в колонне.

«Афгани» – деньги ДРА.

«Бабаи» – мирные афганцы, хотя кто знает? Днем они мирные, а ночью?

Бача – мужчина, парень, пацан.

БВО-керы – выпускники Бакинского высшего общевойскового командного училища.

БМП – боевая машина пехоты.

БМД – боевая машина десанта.

БРДМ – боевая разведовательно-диверсионная машина

«Бронник» – бронезилет.

«Броня-Н...» – танк.

Бур – английская винтовка, наподобие нашей трехлинейки.

«Бурбыхайки» – автомашины «бабаев».

«Василек» – автоматический гранатомёт.

«Вертушки» – вертолеты МИ-24, в простонародье – «крокодилы».

«Воздух» – полста первый – вертолет огневой поддержки.

ВПП – взлетно-посадочная полоса.

ГСВГ – группа советских войск в Германии.

Гурии – упрощенно, проститутки в раю.

ДШК – крупнокалиберный пулемет.

ДШР – десантно-штурмовая рота.

Дувал – забор из глины с соломой – саман.

«Духи» – душманы, по-узбекски – враги.

ЗКВ – замкомвзода.

«Заменщик» – офицер, который уедет из этой страны че-

рез месяц.

3-й МСБ(г) – третий мотострелковый батальон, горный.

«Зеленка» – зеленая зона, сады, виноградники.

Кантин – магазин. Во всем Афганистане магазины называли дуканами, а в Кандагаре – кантонами.

КПВТ – крупнокалиберный пулемет Владимирова.

Карандаш – солдат.

«Коробочка» – БТР или БМП. «Тяжелая коробочка» – танк.

Кириз – подземный колодец.

Кысмет – судьба.

«Лифчик» – нагрудной подсумок китайского производства.

«Ленточка» – дорога, бетонка.

КПП – контрольно-пропускной пункт.

Минарет – остроугольная башня, возвышающаяся над мечетью.

Модуль – сборно-щитовой барак.

«Муха» – ручной противотанковый гранатомёт РПГ-8, РПГ-22.

Нагаханский поворот – один из самых опасных участков дороги: крутой поворот, камыши, река Тарнак.

«Наливник» – КамАЗ – «длинномер* с бочками в кузове для горючего.

«Ниточка» – колонна.

Ноль-двадцать первый – убитый.

НСП – наземный сигнальный патрон.

Названия ковров.

Начальник ПО – начальник политического отдела бригады.

«Наушники» – радиостанция.

НУРС – неуправляемый ракетный снаряд.

НДПА – Народно-демократическая партия Афганистана.

НШ – начальник штаба.

«Огурец» – снаряд.

«Обороты» – повысить скорость.

«Отстойник» – крытое помещение, огороженное колючей проволокой.

Отправить в Кабул – пристрелить.

Паранджа – покрывало женщин-мусульманок, закрывающее тело и лицо.

Площадь «с пушками» – площадь, в центре Кандагара, на которой стоит беседка и внутри нее пушки девятнадцатого века. Это остатки сорокатысячного корпуса англичан.

Поливать – стрелять по противнику из автоматического оружия.

Проческа – прочесывание местности.

ПКМ – пулемет Калашникова модернизированный.

ПБ – пистолет бесшумный.

«Подствольник» – ГП – 25, гранатомёт, которым пристегивается к автомату.

Промедол – сильный наркотик.

«Пакет* – 40 направляющих, как бы рельсы для снарядов.
Раньше эту машину называли «Катюшей», а сейчас ГРАД.

«Поднос» – 82-мм миномет.

«Растяжка» – граната на боевом взводе, вместо чеки иголка с проволокой, натянутой, где нужно.

РМО – рота материального обеспечения.

«Союз» – СССР.

«Слон» – танк.

СВД – снайперская винтовка Драгунова.

СУ-17 – истребитель-бомбардировщик.

Ташакур – спасибо.

«Точка» – мини-блокпост.

«Трехсотый* – раненый.

«Тюльпан» – артиллерия. Град – установка реактивных снарядов.

«Тысячная» – условное наименование расстояния, закрывающего цель в прицел глаза.

ТуркВО – Туркестанский военный округ.

«Улитка» – каждый квадрат сетки координат на карте делится на девять частей по ходу сворачивания панциря улитки.

Фаланга – большой, черный паук, при укусе которого у взрослого человека поднимается температура под 40 градусов Цельсия.

Фугас – усиленная мина.

ХАД – контрразведка афганской армии.

Чалма – головной убор мусульман.

«Чайка» – БТР связи штаба батальона.

Шилка – ЗСУ – 23-4. "Духи" называли черной смертью.

Шурави – товарищ.

Прощание с Родиной.

После обстрела колонны.

Командир 8-ой МСР(2) П.И.Алексеев (в центре) на блокпосту.

*Слева направо: Майор Абакумов, капитан Алексеев.
|ст. л-т А.Вехтев |, ст. л-т В.Сахнов в пустыне*

Ждем «ниточку». Слева направо: л-т А. Попов (г.Омск), ст. л-т В.Сахно. ст. л-т В.Болдырев. майор Абакумов.

Кишлак Синжарай.

Пленный «дух».

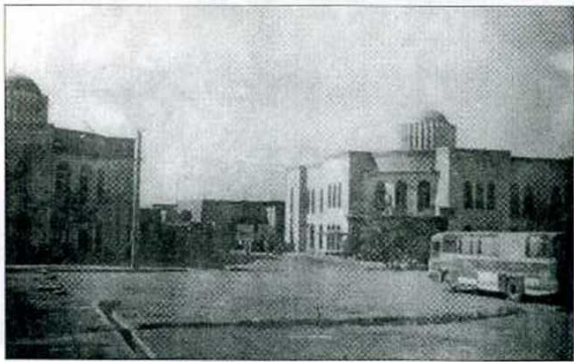
Пустынный батальон. Слева направо: ст. л-т С.Кузьминых (г.Новосибирск), л-т А.Пигателев (г.Йошкар-Ола).

*В пустыне. Слева направо: Лева Ковалев, [Олег Филиппов
(г.Ливны Орловской области), Сергей Кузьминых (г.Новоси-
бирск),*

Вертолет заходит на посадку...»

Кашагар. Дворец Кара-ханов.

Нарушаем сухой закон. Слева направо: с», л-т С. Кузьминых, к-н Р.Шеймарданов (г. Москва), ст. л-т С.Тимохин.

Нарушаем сухой закон. Слева направо: с», л-т С. Кузьминых, к-н Р.Шеймарданов (г. Москва), ст. л-т С.Тимохин.

Вот и кончилась бражка с «мясом» (найдена мьшь).*

Вот и кончилась бражка с «мясом» (найдена мьшь).*

Солдат по прозвищу «Мальши» и продавщица книжного магазина С.Зайниева (г.Йошкар-Ола).

«Развалины». Афганский блокпост.

Свадьба в Кабуле.

Белуджи на р. Арганстаб.

Здесь погиб Олег Филинiov.

Белуджи на р. Арганстаб.

Здесь погиб Олег Филинiov.

Кандагар. 1984 г. Л. В. Андреев

Кандагар. 1984 г. Л. В. Андреев

«Ариана».

Подбитая БМП-1.

После взятия кишлака.

«Но куда же нам деваться?
В черноту «афганских» снов?»
Слова из «нашей» песни.

ЭПИЛОГ

Зачем мы там воевали? Трудно сказать. На этот счет каждый из нас имеет свое мнение. Но война есть война. Все они на одно лицо: кровь, смерть, страдания, лишения и вместе с этим – настоящая дружба, любовь, преданность долгу. У политиков наших подоплека войны одинакова: вкусно есть и сладко спать, да еще властвовать. Ну, а многострадальная страна Афганистан – это Пандшерские алмазы, изумруды, бирюза и многие другие полезные ископаемые. А самое важное – это географическое положение страны. Она находится как бы в центре Евразии. Отсюда «руки» ракетных установок могут дотянуться от Японии до Англии, Северного и Индийского океанов. Вот все сюда и лезут: от персидского царя царей Кира. Александра Македонского до современных «деятелей». В 1979 году у американцев не подучилось залезть, СССР опередил. Подожди, «еще не вечер»... Они в другой раз полезут, они думают, что, захватив страну, установив гам ракеты и свои порядки, будут мирно жить и диктовать всем свою волю. Нет. Они учитывают только внеш-

неполитические обстоятельства и при этом совсем забыли, даже не берут во внимание свободолюбивость народов Афганистана, не знают его истории. Совершают те же ошибки, что и древние персы, македонцы, англичане и другие захватчики. А история – это великий учитель. Из нее необходимо извлекать далеко идущие выводы. Иначе она накажет.

Заканчивая повесть, могу добавить, что лейтенант Андреев, как вы догадались, автор книги, остался жив, то есть не совсем, «немножко» жив. И эта книга – дань памяти ребятам, которые там полегли, матерям, отцам погибших, всем живым на земле. Я хочу, чтобы от моей книги плакали люди, незнакомые с войной, и чтобы сами никогда не брали в руки оружие, кроме как для защиты.

Хочу сказать большое спасибо всем организациям, учреждениям и фирмам за оказанную поддержку и благотвори-

тельную помощь в издании КНИГИ, а особенно помогли мне

Главный федеральным инспектор по Республике Марий Эл Егоров В. А.

133-я Юридическая консультация межреспубликанской коллегии адвокатов (8362) 63-01-24

Мэр г. Йошкар-Олы Тарков В. В.

РОЗОВЫЙ ДЕЛЬФИН

Великое
Княжество

Ассоциация ветеранов спецслужб (8362) 12-59-13

ООО «Пинк Долфин» (8362) 11-23-89

ООО «Объединение «Родина* (8362) 73-43-47

Военный комиссариат Республики Марий Эл (8362)
45-18-91

Общественное Движение ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство*

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора